КАТОРГА И ССЫЛКА

7

1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

КНИГА 7 (80)

МОСКВА
1931

Уполном. Главлита № В--5.600. Зак. № 677. Тираж 5.000.
Тип. Профиздата. Москва, Крутицкий Вал, д. № 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Библиография

Приложение.

А. Голубков

О 1905 годе

(Отрывки из воспоминаний)

В мае 1905 года третий партийный с'езд в порядок дня российского революционного движения поставил вопрос о вооруженном восстании.

Огромный сдвиг в сознании рабочего класса после «кровавого воскресенья» 9-го января положил конец легенде о «царе-батюшке». Волна рабочих забастовок в целом ряде городов (Иваново-Вознесенске, Лодзи, Екатеринославе, Ростове и др.); крестьянское движение в центральной России, в Прибалтийских губерниях, в Польше и на Кавказе; железнодорожные стачки, непрерывные волнения учащейся молодежи, захватившие не только студентов, но и учащихся средней школы, — все эти события вплотную подводили к высшему и исторически-неизбежному этапу развития революционного движения — к вооруженному восстанию.

Партия своевременно учла создавшуюся революционную обстановку и правильно наметила ближайшие перспективы рабочего движения, признав: «что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент» [1]).

Гениальное руководство Ленина, явившегося на III с'езде докладчиком по основным вопросам порядка дня, предвосхитило будущее развитие революции.

Этим настроением надвигавшегося революционного под'ема были проникнуты все партийные организации. Оно давало тон и направляло всю партийную работу. Оно чувствовалось не только в «праздники», но и в партийные «буд-

---

[1]) Из резолюции «о вооруженном восстании» на III с'езде.

ни». Оно было основным фоном общественной жизни той эпохи. Кто дышал воздухом 1905 г., тот помнит его.

**
*

Это же настроение напряженного ожидания, волнующего нетерпения и надежд преобладало и в Орле, где я жил с мая, продолжая, после перерыва, вызванного арестом в Смоленске и тюрьмой — работу в Центральном Техническом Бюро партии [1]). Правда, и здесь работа наша шла своим чередом, но размеры ее значительно сократились. Нужны уже были другие методы. Литература как заграничная, так и печатавшаяся в бакинской типографии, часто шла мимо Орла. Нарождались местные типографии, обслуживавшие свои районы. Политические события, развертывавшиеся с невиданной быстротой, требовали такого же быстрого, немедленного отклика и вызывали необходимость в агитационной литературе применительно к местным особенностям момента. Этого мы не могли дать.

Становилось все труднее и труднее отвечать на увеличивающиеся запросы с мест при наличии того централизованного снабжения и распространения литературы, которое лежало в основе нашей работы прежде. И действительно. Сегодня стачка иваново-вознесенских текстилей, завтра восстание на броненосце «Потемкин», а там забастовка в Лодзи, забастовка тульских металлистов, указ о «булыгинской думе», заключение мира с японцами в Портсмуте и пр. пр., — конечно, нечего было и думать о том, чтобы своевременно откликаться на все эти, с такой быстротой сменявшие друг друга, события, регулируя из центра распространение медленно поступающих запасов литературы. Наша работа отдвигалась на второй план.

Нужно также отметить, что в это время уже не было непосредственного руководства Техническим Бюро со стороны Ц. К., того руководства, которое постоянно осуществлялось в смоленский период благодаря почти постоянному присутствию или наездам тех или других членов Ц. К., главным образом Носкова и Красина. В феврале 1905 г. в Москве, на квартире писателя Леонида Андреева, был арестован Центральный Комитет почти в полном составе. Оставшийся на свободе «Никитич» (Л. Б. Красин), непосредственно «ведавший» технической работой Ц. К., был завален делами в Питере и Москве. «Марк» (А. И. Любимов), хотя и положил

---

[1]) О работе Центр. Техн. Бюро см. ряд статей в сборнике «Техника большевистского подполья», выпущенном Истпартом в 1924 г.

еще в апреле начало работе Технического Бюро в Орле, вскоре уехал на III с'езд партии, а возвратившись, задержался в Орле недолго и отправился на местную работу в Одессу. Работать в Центральном Техническом Бюро остались В. Н. Соколов и я.

Создать необходимые технические условия для повседневной работы в Орле было нетрудно в виду наличия достаточного количества радикальной интеллигенции, «сочувствие» которой проявлялось и нарастало — до поры, до времени — прямо пропорционально нараставшим в стране событиям. Мы пользовались услугами и помощью целого ряда лиц. Помню присяжных поверенных Положенцева [1]), Богословского, Переверзева [2]), Каринского [3]), врача Казачка и других, предоставлявших нам свои адреса для писем и квартиры для явок, заседаний, хранения литературы, ночевок приезжавшим товарищам и т. п. Не было недостатка и в технических работниках среди местной молодежи.

Начала оживляться и работа местной партийной организации, особенно среди рабочих железнодорожных мастерских, в которой принимали участие, между прочим, служившие в земской управе статистики Квиткин и Бурдин.

В целях конспирации, по усвоенному с самого начала правилу, мы в первое время изолировали себя от местной партийной работы. Но «веяния времени» взяли свое: трудно было совершенно устранить себя от непосредственного вмешательства в живую политическую жизнь. Не выдержав этого искушения, я стал заниматься с кружком, состоящим из местной молодежи. Хочется вспомнить, что в этом кружке работал, между прочим, т. Е. А. Преображенский, тогда только-что кончивший или кончавший гимназию и проявлявший уже активную партийную деятельность [4]).

---

[1]) Проживает, кажется, и сейчас в Орле.

[2]) Впоследствии, в 1917 г., министр юстиции во временном правительстве. В июле 1917 г. фабриковал подложные документы о так наз. «шпионстве» большевиков.

[3]) Н. С. Каринский — в 1917 г. сначала комиссар Москвы, а затем прокурор петроградской судебной палаты, производивший аресты большевиков в июльские дни 1917 г.

[4]) Он мне напомнил про это в 1917 г. Вернувшись из сибирской ссылки, я поехал в Петроград на I Всероссийский С'езд советов (состоявшийся в кадетском корпусе на Вас. острове). После одного ночного заседания я никак не мог попасть на квартиру, в которой остановился (у т. М. Томского). Когда я вернулся в кадетский корпус, где в спальнях были размещены делегаты, меня остановил бродивший по коридору какой-то краснощекий товарищ, и, узнав меня, напомнил про Орел, а также в знак прежнего знакомства предложил свою койку на остаток ночи.

Но чем дальше, тем яснее становилось, что существованию Центрального Технического Бюро с прежними его функциями приходит конец. Даже до Орла, города тогда непромышленного, тихого и неподвижного, с маленькими отдельными домиками, окруженными палисадниками, производившего впечатление города, как кто-то выразился, «отставных генералов на покое и пенсии», докатывались раскаты надвигающейся революции.

Все чаще приходилось останавливаться на своевременности переменить «оружие критики» на «критику оружия». Эта мысль в центре принимала уже более или менее реальные очертания. Там уже делались изыскания по организации мастерских для изготовления динамита, пироксилина и других взрывчатых веществ, а также оболочек для бомб. «Никитич» в Петербурге создавал боевую группу для снабжения организации оружием. Отчасти с этой именно целью, связанной с переводом работы Тех. Бюро на боевые рельсы, отчасти для участия в организации типографии, которая предназначалась для печатания популярного партийного органа «Рабочий» в Москве, в конце сентября «Никитич» вызвал к себе из Орла В. Н. Соколова. В ожидании результатов этой поездки я остался в Орле, готовый по получении извещения немедленно выехать на новую работу.

Но мне пришлось несколько задержаться. Приближался октябрь. Огромное напряжение революционной энергии пролетариата искало выхода. Стачки фабрично-заводских рабочих в отдельных городах и на отдельных предприятиях, принявшие уже в сентябре массовый характер, превратились во всеобщую политическую забастовку. С 7 октября начали останавливаться железные дороги, окончательно прекратившие всякое движение через несколько дней. «Нормальная» жизнь страны останавливалась. Почувствовалось затишье перед грозой.

Необычайное возбуждение царило на вокзале, где остановились шедшие в различных направлениях поезда. Набитые застрявшими пассажирами помещения вокзала, давка, шум и почти беспрерывные митинги, на которых ораторами выступали большей частью сами же пассажиры. И в течение многих дней вокзал был главным местом притяжения для жителей города, имевших возможность именно здесь почувствовать непосредственную связь с развивающимися революционными событиями.

Наконец получен был в Орле «манифест» 17 октября 1905 г. в Городской Думе был организован общегородской митинг. Выступления многих ораторов различных направлений закончились решением идти всей толпой к тюрьме

с требованием освобождения политических заключенных. Это были немногие часы иллюзий, которым через несколько минут суждено было погибнуть. Поднявшись в верхнюю часть города и вызвав из театра оркестр перепуганных музыкантов, пытавшихся неудачно и как-то нелепо сыграть «марсельезу», мы направились по бульвару к тюрьме. В этот момент на площади показалась кучка бегущих людей. Предполагая, что это догоняют нас отставшие демонстранты, я повернулся к ним лицом, и в тот же миг подбежавший огромный детина, блеснув мне в глаза металлическим кастетом, со всего размаха ударил в лицо. Жена моя и Е. Д. Соколова (жена В. Н.), шедшие рядом со мной, были также избиты. Повалив знамя и знаменосца, стоявшего недалеко от нас, эта кучка черной сотни побежала дальше, рассеивая безоружную демонстрацию и хватая отдельных участников ее. Шествие было смято.

В городе начался погром, продолжавшийся дня два-три. «Тихий» Орел стал местом хозяйничания толпы наемных погромщиков, состоявшей из переодетых городовиков, жандармов, пожарных и шпиков. Таким образом, сигнал правительства к организации погромов, прокатившихся в первые же дни революции широкой волной по всей стране, был услышан и в Орле. Так прошел здесь первый день опьянения «свободами», оказавшийся в то же время и первым днем тяжелого похмелья.

В результате этого столкновения у меня оказались перелом носовых костей и большая потеря крови; приходилось серьезно думать о лечении, а мысль об отезде отложить до выздоровления. В Москву, куда меня уже вызывали, я попал только через две недели, в первых числах ноября.

4

Москва в ноябре переживала небывалый до этого времени под'ем революционного движения, несмотря на то, — а может быть именно потому, — что уже и тогда самодержавие предпринимало ряд попыток перейти в наступление.

После Орла жизнь в Москве захватывала своим неудержимым возбуждением. Митинги на окраинах и в центре, летучие уличные собрания, диспуты; ораторы всех мастей, газеты всяких направлений, сатирические журналы с боевыми названиями и хлестко-смелым содержанием, открытая продажа в магазинах оружия — револьверов, маузеров, винчестеров, — полные аудитории высших учебных заведений, открытых в политических целях, возникавшие во многих местах революционные штабы — в Высшем Техническом учи-

лище, реальном училище Фидлера в Мыльниковом переулке, на Высших женских курсах, где дружинники и партийные работники обучались военному искусству, — во всем этом чувствовался учащенный и полный напряжения пульс революции.

Со всей страстностью открыто и свободно развернулись споры между различными партиями и течениями. На митингах гремели эсеровские «светила», разные «Непобедимые», «Солнце» и пр. Большой популярностью пользовались и большевистские «силы», как напр., Станислав Вольский (А. В. Соколов), превосходный, энергичный оратор, и Гр. Алексинский [1]), ядовитый спорщик и хороший полемист. Не могу не вспомнить одного диспута, привлекшего массу слушателей и состоявшегося где-то в большой аудитории. Диспут по аграрному вопросу, служившему тогда вообще темой многих дискуссий. Главными докладчиками выступали от эсеров Фундаминский (он как раз и назывался «Непобедимым»), от либералов, насколько помню, Милюков, развивавший кадетское решение аграрного вопроса, и от эсдеков-меньшевиков П. П. Маслов, излагавший свою «муниципализацию земли». Выступление последнего было крайне неудачным. Плохой вообще и ненаходчивый оратор, не обладавший к тому же достаточным для большой и возбужденной аудитории голосом, Маслов совершенно стушевался перед красноречием первых двух участников диспута. В конце концов он вызвал всеобщий хохот всей аудитории, когда в заключительном слове сравнивал, по басне Крылова, первых двух ораторов с лебедем и раком, не заметив, что ему оставалась роль щуки.

Пробыв в Москве несколько дней, я выехал в Петербург по вызову «Никитича». Последний был перегружен различными делами до последней степени. Повидаться и поговорить с ним мне удалось только во время обеда, после которого он сейчас же опять уехал на заседание Совета Рабочих Депутатов. А я, переночевав у него на квартире, на следующий день к вечеру выехал в Двинск для переговоров с местными товарищами о приобретении большой партии оружия, возможность чего предполагали в Петербурге. Двинцы охотно согласились и дали обещание выслать оружие в Петербург, но, как потом выяснилось, ничего не прислали. Из Двинска я возвратился прямо в Москву.

Функции Центрального Технического Бюро к тому времени уже окончательно распылились, и мы — группа товарищей, объединенных прежней совместной работой — заня-

[1]) Известный теперь ренегат-белогвардеец.

лись подготовкой издания ежедневного печатного партийного органа московской большевистской организации.

Прежняя подпольная печать, в ограниченном количестве и не периодически проникавшая в рабочие массы, не могла, разумеется, удовлетворить все возраставшие требования. К тому же печатный станок подполья стихийно свертывался. Революция, развязавшая силы рабочего класса, в первые же дни поставила перед партийными организациями вопрос о создании легальной партийной газеты, которая явилась бы руководящим органом в революционном движении, охватывавшем все более широкие массы пролетариата.

В то время уже стала выходить в Питере «Новая жизнь» (с конца октября ст. ст.). Мысль об издании в Москве строго выдержанной в партийном отношении газеты напрашивалась сама собой. Уже принимались меры к изданию большой газеты «Борьба», которая действительно и увидела свет в конце ноября (первый номер вышел 27 XI) под редакцией Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. Но московская организация ставила перед собой задачу создать, помимо большого политического органа, также и популярную агитационную газету, потребность в которой чувствовалась особенно остро в связи с вовлечением в движение широких рабочих масс.

Инициативу в создании такой именно газеты мы и взяли на себя. Быстро закончив переговоры с Московским Комитетом, мы занялись организационными и техническими вопросами. Всю работу в этом отношении взяли на себя: В. Н. Соколов, А. А. Квятковский, В. М. Свердлов, Я. Розеноер («Аристарх»), А. П. Голубков и др. От Московского Областного Бюро Ц. К., в которое тогда входили «Марат» (В. Л. Шанцер) и «Дядя Миша» (М. А. Михайлов), и от Московского Комитета были выделены в качестве ответственных редакторов И. Ф. Дубровинский («Иннокентий»), М. И. Южин-Васильев и А. В. Соколов («Станислав Вольский»). В редакционной работе принимали участие также тт. Л. Я. Карпов (умерший в 1921 г.) и М. А. Сильвин-Таганский [1]), — оба члены Ц. К., последний — кооптированный незадолго до ареста Ц. К. в феврале 1905 г.

Дело финансирования газеты удалось наладить довольно легко. Мощный поток революционного движения широко раскрыл кошельки состоятельных либералов и вообще элементов, до поры до времени сочувствовавших революции. Известна, например, широкая материальная поддержка, которую оказывал фабрикант Савва Морозов, передавая пар-

---

[1]) Сейчас вне партии.

тийным организациям значительные суммы денег. Таким образом организовать финансовую базу газеты в то время, до вооруженного восстания, — было сравнительно легко. Много этому содействовали А. А. Квятковский, благодаря своим связям быстро производивший денежные сборы, С. Б. Лушникова (сестра Л. Б. Красина) и др.

Вопрос с помещением был также быстро улажен. В центре города в большом доме на Никитской (№ 22) была снята квартира, удобная и просторная, в расчете на прочное и продолжительное существование. Была приобретена вся необходимая для «приличной» редакции и конторы обстановка. Распределили между собой функции и обязанности: конторой и бухгалтерией заведывали В. Н. Соколов и В. М. Свердлов, экспедицию возглавлял И. И. Муралов, на мою долю выпало быть секретарем редакции.

Гораздо сложнее оказалось дело с печатанием газеты. Здесь встретились значительные затруднения. Дело в том, что новый, так называемый «явочный» порядок выпуска периодических органов печати после провозглашения «свобод» предусматривал, однако, необходимость подачи градоначальнику заявления с представлением подробных сведений как о названии, программе и содержании газеты, так и об официальных участниках ее. И лишь при отсутствии возражения со стороны градоначальства в течение двух недель газета считалась разрешенной. Без этого ни одна типография не соглашалась брать газету к печати. В сущности это была старая, прежде существовавшая, теперь несколько подправленная, разрешительная система.

В такие тонкости толкования правительственных узаконений мы не входили. Решив издавать газету и остановившись на славном по традициям подпольных времен названии «Вперед», мы сейчас же поместили в выходивших тогда в Москве органах периодической печати анонс о предстоящем выходе нашей газеты, поставили совершенно произвольно фамилии (в качестве редактора-издателя — мою, а в качестве издателя — В. Н. Соколова) и объявили подписку. Мы считали это достаточным. Но при первых же переговорах с типографиями мы натолкнулись на решительное их сопротивление и категорический отказ иметь с нами какое-либо дело без соблюдения установленных правил.

Пришлось искать какой-нибудь выход. Кто-то сообщил, что у некоего Кожевникова, редактора толстого ежемесячного «легально-марксистского» журнала «Правда», находится прежде им полученное и неиспользованное разрешение. Я вступил с ним в переговоры, из которых выяснилось, что у него действительно есть на руках разрешение, но только...

на издание библиографического справочника, еженедельника, без всякого политического содержания, под названием «Книжный рынок». В сущности издание это для наших целей ни в какой степени не подходило, — ни по содержанию, ни по форме, ни по названию, ни по периодичности. Но искать чего-либо другого не приходилось, — мы ухватились и за эту возможность. Мою просьбу передать мне это разрешение Кожевников согласился исполнить и, с'ездив со мной к нотариусу, перевел издание на мое имя.

Но здесь возникал вопрос о названии. С одной стороны, мы уже анонсировали газету «Вперед», как орган партии с определенной политической программой. О выходе именно этой газеты широко оповещены были все районы, и мы уже принимали на нее подписку. С другой стороны, — «Книжный рынок»! Что это за название для партийной газеты?! Мы были в большом недоумении, но из этого нелепого положения был найден очень простой выход. Было решено в заголовке газеты, посреди, печатать крупным шрифтом — «Вперед», а сбоку, мелким — «Книжный рынок». Так и возникло это довольно странное и с первого взгляда непонятное заглавие газеты.

Но наши хлопоты на этом не кончились. Трения с типографиями продолжались и после этого. В сущности перевод разрешения, имевшегося у Кожевникова, на мое имя, будучи юридическим актом между мной и им, не являлся перед лицом властей законным оформлением моего права издавать газету. Надо было еще получить установленную правилами санкцию градоначальника. Но на это «законопослушание» у нас решительно уже нехватало ни терпения, ни желания, ни времени.

Наконец, мы нашли некоего Холчева, издателя бульварно-радикальной газетки «Вечерняя почта», имевшего на Тверском бульваре небольшую собственную типографию. Он согласился печатать газету, но, пользуясь нашим затруднительным положением и вдобавок еще «за риск», назначил небывало дорогую цену. Но даже и тогда, при выпуске каждого номера, запугивал нас дальнейшим отказом печатать газету и набивал себе цену. Больших трудов стоило нам каждый раз уламывать его и доказывать свою кредитоспособность.

Задолго еще до выхода газеты квартира наша стала местом встречи товарищей, свидания с вновь приезжавшими, местом для различных собраний и пр. Помню, помимо постоянных участников газеты, приходили сюда «Марат», Лядов, Землячка, «Михаил Миронович» (Н. Н. Мандельштам, брат Лядова), Л. Серебряков, А. Енукидзе (проездом через

Москву) и многие другие. Помещение редакции становилось, таким образом, одним из штабов московской организации, игравшим и дальнейшую роль в дни вооруженного восстания.

Наконец, 2 декабря вышел первый номер «Вперед». Появление в свет газеты укрепляло связь редакции с рабочими районами, тем более, что и распространение газеты мы организовали путем привлечения безработных в качестве продавцов. В дни выхода газеты кучами врывались газетчики, с самого раннего утра дежурившие около редакции; для скорейшей отправки и раздачи газеты мобилизовались все силы экспедиции и конторы, и работа, в которой принимали участие и добровольцы, кипела целое утро. Эти дни были особенно шумными и многолюдными. Приходили товарищи из районов, брали пачки газет, приносили известия с предприятий, доставляли корреспонденции, встречались и обменивались известиями с товарищами из других районов. Каждый день квартира была полна народу, что очень не нравилось управляющему домом, какому-то полковнику в отставке, неоднократно приходившему с жалобами на то, что наши посетители пачкают его парадную лестницу.

До вооруженного восстания, с началом которого мы принуждены были окончательно прекратить выпуск газеты, вышло всего четыре номера — № 2—3 XII, № 3—4/XII и № 4 — 6 XII. Недостатка в материале газета не испытывала. Мне, как секретарю редакции, приходилось целые дни разбираться в куче статей, корреспонденций, заметок и даже стихотворений. Помимо руководящих статей, телеграфной и телефонной информации, много места уделялось в газете сведениям из жизни фабрик, заводов и казарм, хронике рабочей жизни, корреспонденциям как из московских районов, так и из провинции, освещавшим партийную работу и профессиональное движение.

Просматривая теперь, через 25 лет, листы четырех номеров этой газеты [1]), получаешь впечатление, что она правильно освещала происходившие события и верно намечала ближайшие перспективы, пытаясь стать организатором широких масс московского пролетариата. Если этого не удалось, то это не ее вина. Руководящие статьи, написанные понятным языком, заостренные на главнейших событиях дня, ярко отражали в себе важнейшие моменты партийной тактики. Свежий информационный материал, поданный в остро-агитационной форме, придавал газете живой и популярный ха-

---

[1]) Она переиздана в 1926 г. Московским Истпартом. Изд. «Моск. Рабочий»

рактер. Правда, чувствуется, что повседневная, регулярная, как мы теперь сказали бы, плановая связь с партийной и рабочей жизнью была все-таки недостаточна. Она часто носила характер случайный и только-только начинала налаживаться. Пятидневное существование газеты не дало возможности развернуться ей в должной мере. Но «на первый раз», да еще принимая в расчет недостаток надлежащего опыта, часто заменявшегося революционным порывом, — дело было поставлено все-таки удовлетворительно. Мы ведь все были в этой области только начинающими учениками.

Когда несколько лет спустя меня судила московская судебная палата за разные «преступления», в том числе и за «Вперед», я, слушая из уст прокурора целый ряд цитат из газеты, между прочим также и слова, «оскорбительные для его величества» [1]), невольно изумлялся: «неужели мы, сидя в центре Москвы, могли все это легально писать, печатать и распространять?» Времена переменились — это был 1910 г., эпоха разгула реакции.

Помню, что с самого начала выхода газеты, в редакцию, пока с черного хода, стали приходить чины полиции, предлагая расписаться в получении каких-то бумаг и повесток. Но мы просто не обращали на это никакого внимания, никаких повесток не принимали и расписок не давали. Выпроваживая за дверь полицию, отмахиваясь от ее назойливости, мы переходили к очередным делам. Однажды мы нашли на столе в кухне принесенный околоточным надзирателем пакет, и, вскрыв его, узнали из бумаги градоначальника, что газета выходить не имела ни малейшего основания. Она не имела надлежащего разрешения на выпуск, подлежала конфискации с первого же номера, а мы с Соколовым вызывались к градоначальнику. Мы и на это не обратили внимания.

До поры, до времени власти не решались трогать газеты и принимать в отношении ее и нас репрессивных мер: был канун восстания, широкой волной поднимались рабочие массы, на улице пахло порохом. Революция вооружалась.

* * *

Не пытаясь давать общей оценки московского вооруженного восстания и значения его в развитии революции

---

[1]) Эти слова — из статьи «Правительство жаждет крови» Южина-Васильева в № 4. Вот они: «Царь усердно подписывает милостивые рескрипты, в которых сердечно благодарит казаков и солдат за произведенные ими убийства и насилия. За эти убийства солдатам обещают платить по 15 коп. в день. Недорого, но, по мнению царского правительства, голодный солдат охотно будет убивать своих братьев и сестер и за «пятиалтынный». За них мне, сверх всего, «припаяли» 103 ст. Угол. Ул.

1905 г., что сделано уже в нашей партийной литературе с достаточной полнотой, я хотел бы только, как один из непосредственных участников и очевидцев его, указать на один характерный момент в его развитии, до некоторой степени определивший его результаты.

После черносотенных погромов, организованных правительством непосредственно вслед за об'явлением «свобод» и целого ряда попыток старой власти перейти в наступление, — с одной стороны, и при наличии все нараставшей активности широких масс пролетариата, с другой, — идея вооруженного выступления, собственно говоря, как бы носилась в воздухе и насыщала собой всю окружающую обстановку. Наступал момент, когда, казалось, ружья сами начинают стрелять. Мысль о необходимости вооружения не оставляла и партийные организации и широкие слои населения. Но эта мысль не получила еще реального осуществления, не вылилась в какой-либо определенный организованный план; партийные организации не ухватились за те рычаги, которыми можно было бы управлять политическим движением. Единой организующей воли еще не было. Поэтому с самого начала в огромной степени преобладавшие стихийные элементы не уступили места организующему началу до самого конца, и восстание, явившееся естественным и неизбежным выходом накопившейся революционной энергии пролетариата, не было подчинено никакому планомерному руководству. Наряду с другими причинами это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль в исходе этого исторического события. Но, как показало дальнейшее развитие русской революции, Московское вооруженное восстание явилось «генеральной репетицией» (слова В. И. Ленина) Октября 1917 года.

И этого уже было достаточно.

Собственно говоря, уже с ноября целый ряд событий ставил оба враждующих лагеря — правительство и революцию — лицом к лицу в упор. Правительство об'являет военное положение в Польше, предает военно-полевому суду кронштадтских матросов, приговаривает к смертной казни железнодорожников на ст. Кушка (Ср.-Азиатской жел. дор.), — Петербургский Совет рабочих депутатов отвечает призывом к массовой стачке и проводит почтово-телеграфную забастовку. В начале декабря правительство арестовывает председателя Петербургского Совета. Совет отвечает выпуском известного «Финансового манифеста». Правительство арестовывает Исполнительный Комитет Совета, — революция переходит к открытому выступлению, закончившемуся вооруженным восстанием.

Одновременно под'ем революционного настроения начинается и в армии, и во флоте. Он сказался уже в ноябре в таких значительных событиях, как восстания в Кронштадте и Севастополе. Поступали сведения о брожении в войсках из разных городов. Подымались солдаты в Киеве, в гвардейских полках Петербурга, в Харькове, Воронеже и пр. Во многих местах устраивались военные митинги, собирались демонстрации вместе с толпами народа, пред'являлись требования о предоставлении солдатам гражданских прав. В Москве возникало брожение в разных частях гарнизона. Открыто на сторону революции стал Ростовский полк (помещавшийся в Спасских казармах). Но это настроение в военных частях не было в достаточной степени использовано. Разрозненные, предоставленные сами себе, эти выступления были быстро сломлены репрессивными действиями правительства, больше всего опасавшегося ненадежности войск. Ростовский полк к моменту вооруженного восстания был заперт в казармах и окружен караулом.

В то же время происходило и размежевание движущих сил революции. Вскоре уже после 17 октября начался отход от революции либерально-буржуазных партий. Напуганные перспективой открытого рабочего движения и дальнейшего развития революционных событий, они уже мечтали о компромиссах и соглашениях с правительством. Буржуазная оппозиция, таким образом, начала уже играть свою предательскую роль, с полной последовательностью завершив ее, после подавления вооруженного восстания, приветствиями и заздравными речами московскому генерал-губернатору Дубасову. Уже состоявшийся 6 XI в Москве с'езд земских деятелей ясно выявил намечавшийся поворот либеральной оппозиции от нараставшего революционного под'ема. Страх перед «анархией» погнал либералов в лагерь контрреволюции. Роль пролетариата, как гегемона революции, выявилась со всей отчетливостью.

Выступление московского пролетариата было предопределено всей революционной обстановкой. И состоявшиеся 5 и 6 декабря постановления Московского Совета Рабочих Депутатов и московских революционных организаций только подытоживали и оформляли уже заранее вынесенное решение о неизбежности выступления.

В воспоминаниях товарищей, писавших о 1905 г., неоднократно описана конференция большевистского актива, состоявшаяся вечером 5 декабря в училище Фидлера. Я тоже хорошо помню ее. На трибуне — «Марат», Землячка, Лядов, Ст. Вольский, Любич (И. А. Саммер, представитель Ц. К.). В зале — серьезное, выжидательное и, вместе с тем, полное

решимости настроение. Выступление одного за другим рабочих, представителей районов, обрисовывавших положение и настроение на местах. Единодушное требование об'явить всеобщую забастовку с переводом ее в вооруженное восстание... И вместе с тем жалобы на недостаток оружия. Присоединение представителей железнодорожников к тем же требованиям. Горячие речи «Марата», Станислава Вольского и, наконец, голосование...

Вопрос был решен. На следующий день Московский Совет Рабочих Депутатов принял постановление: «Московский Совет Рабочих Депутатов об'являет всеобщую политическую забастовку в среду 7 декабря с 12 часов дня, всемерно стремясь перевести ее в вооруженное восстание». Тогда же был принят текст известного воззвания от имени Совета и революционных партий с обращением: «Товарищи рабочие, солдаты и граждане», заканчивавшимся призывом: «Смело в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане. Долой преступное царское правительство! Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!»

7-го Москва начала забастовку. 7-го же город был об'явлен на чрезвычайном положении. 8-го на улицах прозвучали первые выстрелы.

В первые же дни правительство пыталось перейти в контрнаступление. 8-го декабря войсками был разогнан огромный, в несколько тысяч человек, митинг, организованный революционными партиями в «Аквариуме». 9-го декабря правительственные войска разгромили училище Фидлера, являвшееся главным штабом революции. Но уже 8-го стали появляться баррикады. Помню первую баррикаду на углу Тверской и Садовой Триумфальной, которая строилась 8-го вечером, среди общей напряженной тишины, прерываемой изредка одиночными, какими-то непонятными, выстрелами из окон напротив стоявшего дома. Первая баррикада! Нужно иметь перо художника, чтобы сказать о тех мыслях и настроении, которые связаны с этим словом!

Пока еще можно было кое-как пробираться по улицам, мы собирались ежедневно в редакции, помещение которой превратилось к тому времени в складочное место для оружия всякого рода. Маузеры, винчестеры и револьверы, доставлявшиеся в редакцию, мы переносили на себе в районы и к баррикадам. Итти приходилось с большой опаской, — на улицах раздавалась стрельба, жужжали пули; обстреливали систематически с колокольни церкви в Козихинском переулке; раз'езжали патрули, стояли усиленные наряды полиции, производившие обыски почти всех проходивших по Тверскому бульвару, около церковного двора против дома градона-

чальства, на Бронной, у Никитских ворот. А вместе с тем соблюсти полную конспирацию и спрятать тщательно оружие было очень трудно. Запрятывали его куда только можно: мужчины под пальто, женщины — в чулки. Приемы, конечно, чрезвычайно примитивные, и только растерянностью и неорганизованностью полиции можно об'яснить, почему никто из нас во время этих путешествий не был арестован. А попасться с оружием в руках — это значило подвергнуться немедленному расстрелу. И такие случаи бывали. На войне, как на войне.

Я жил тогда на Садовой-Каретной. Опорным пунктом в нашем районе была огромная баррикада на перекрестке Малой Дмитровки и Садовой. Весь город делился тогда на два лагеря: вражеский, в центре города, где распоряжались и хозяйничали правительственные войска и полиция, и свой, «по эту сторону баррикад», куда доступ противнику был закрыт. Передвигаться по Тверской, Каретному ряду, Дмитровке можно было только с большой осторожностью, все время рискуя сделаться мишенью для неприятельской пули. На колокольне Страстного монастыря стояли пулеметы, — как эмблема роли церкви в революции, — обстреливавшие близлежащие улицы, на Страстной площади, производившей по вечерам впечатление настоящего военного бивуака, около горящего костра стояла пушка, время от времени посылавшая снаряды вверх по Тверской. Только дойдя до так называемой теперь линии «Б», можно было чувствовать себя в своем лагере.

Помню, как строили мы свою баррикаду. Валили трамвайный вагон [1]), пилили телеграфные столбы, выкидывали со дворов бочки, сани, пролетки, переносили дрова, доски, тащили решительно все, что только могло пригодиться; резали телеграфную и трамвайную проволоку и опутывали ею всю баррикаду. В начале восстания в оборудовании баррикады принимали участие самые разнообразные слои населения, не исключая лавочников и обывательниц, тащивших подушки и пуховики (превосходный материал для баррикад).

Помню неоднократные дежурства у баррикады, долгие ночные часы с перерывами в помещении ближайшей чайной, служившей местом, где можно было согреться от декабрьской (хотя вообще в том году не особенно морозной) погоды. Такими убежищами служили еще два пункта: аптека на уг. Долгоруковской ул. и Оружейного переулка, где фармацевты устроили перевязочный пункт, и в б. ресторане «Вол-

---

[1]) Единственной тогда трамвайной линии — от Страстного монастыря до Бутырской заставы.

на», около Каретного ряда, где собирались дружинники, главным образом рабочие с Кушнеревской типографии на Пименовской улице.

Как неоднократно было отмечено, длительных баррикадных боев в собственном смысле этого слова во время восстания не было (исключая Пресню). Не было их и в нашем районе. Когда показывался противник, раздавалось несколько выстрелов со стороны дружинников из-под заслона баррикады или из окна близлежащего дома, и этого большей частью было достаточно для прекращения дальнейшего наступления неприятеля.

Очень хорошо запомнился характерный эпизод. От Страстного монастыря по Малой Дмитровке приближался небольшой кавалерийский отряд, впереди которого ехал офицер. Один дружинник, вскочив на баррикаду, крикнул: «Солдаты, не стреляйте». В ответ на это все же раздались выстрелы, никого из нас не задевшие, так как нас защищала баррикада. Один из товарищей выстрелил, — с офицера свалилась фуражка, и весь отряд «на рысях» повернул обратно.

Теперь, когда опубликованы документы, относящиеся к этой эпохе, мы уже знаем, что у Дубасова не было достаточно надежной воинской силы для быстрого подавления революции, и первое время он тщетно добивался подкрепления из Петербурга. Царское правительство отказывало ему в присылке войска, опасаясь лишить Петербург защиты в случае каких-либо осложнений. Несомненно, что ненадежность отдельных войсковых частей увеличивалась также и агитацией, которую вели партии среди солдат, и воздействием боевых отрядов дружинников, сталкивавшихся с войсковыми частями. Нужно отметить, что действия дружинников по отношению к солдатам были не так агрессивны, как их действия против полиции, и очень часто ограничивались уговорами. Во всяком случае разложение армии действительно угрожало правительству в определенный, по крайней мере, момент. В силу этого оно не могло перейти к решительному наступлению.

С другой стороны, такую же нерешительность проявляли и повстанцы в силу отсутствия плана восстания, а также единого боевого и организующего центра [1]). Оба вооруженных враждебных лагеря стояли друг против друга, не предпринимая дальнейших действий. Невольно напрашивался

[1]) Резолюция III съезда партии дала совершенно точное определение по этому вопросу. «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства им, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»

вопрос: «а что же будет дальше, что делать?» Отдельные партизанские стычки, отдельные революционные акты, как, например, арест и расстрел начальника сыскного отделения Войлошникова, не двигали дела восстания к какой-либо определенной цели. Стояние на месте деморализовало революцию; смутные перспективы на будущее ослабляли силы восстания. Долго так продолжаться не могло. Мы уже знали, — и опыт прежних революций учил, — что не пассивное сопротивление, а натиск и решительное наступление — залог победоносной революции.

Из этого тупика восстание было выведено царским правительством. Николаевская железная дорога, не примкнувшая к железнодорожной забастовке, пропустила Семеновский полк. По получении подкрепления силы Дубасова перешли в наступление.

Как только выявился перевес на стороне правительственного лагеря, резко изменилось отношение широких слоев населения к восстанию. Оно стало резко враждебным. Начинали разбирать баррикады часто те же самые лица, которые помогали их строить. Дворники, добровольцы из прохожих им усиленно помогали.

С прибытием семеновцев началась быстрая ликвидация восстания. Снова на улицах хозяевами стала полиция. Начались аресты на улицах, повальные обыски в больших домах, подозрительных по составу жильцов. Полиция решительно принялась за разборку баррикад. Там, где это не удавалось, действовали пушки. И наша баррикада, та самая, один выстрел с которой заставил отступить целый отряд солдат, была снесена одним пушечным выстрелом.

Наконец 16 декабря начался разгром Пресни, героически защищавшейся в течение трех-четырех дней. Падавшие снаряды вызывали пожары в различных местах, и зарево зажженной Пресни, издалека видное, окрашивало ночные облака в багровый цвет.

Расстрелы, жестокие насилия и издевательства, применявшиеся семеновцами под руководством полковника Мина, карательный рейс Римана по Московско-Казанской железной дороге, поиски и расстрелы дружинников в окрестностях Москвы положили конец отныне историческому выступлению московского пролетариата.

Вооруженное восстание 1905 г., унеся с собой сотни жертв, было подавлено. Но это поражение, в историческом развитии революционного движения, было временным. Оно сыграло огромную роль в развитии рабочего движения, оно закрепило кровную связь пролетариата с большевистской партией, оно навсегда закрыло путь соглашательству с поли-

цейским режимом, своими ошибками и неудачами оно послужило уроком для будущего, оно стало, наконец, преддверием Октября 1917 года.

***

Разгром восстания дезорганизовал, разумеется, и московскую партийную организацию. Многие товарищи были арестованы; многие уехали, перейдя на нелегальное положение. Числа 17 мы, оставшиеся пока в Москве на свободе, собрались в помещении редакции для обсуждения вопроса о возможности продолжать издание газеты. Мнения разделились... «Иннокентий», трезво учитывая реальное соотношение сил и степень поражения революции, категорически настаивал на прекращении издания. Большинство высказывалось за то, что нужно попытаться выпустить хотя бы еще один номер газеты для того, чтобы подвести итоги происшедшим событиям и выяснить значение восстания, к которому призывала на своих страницах газета. Решено было сделать еще одну попытку.

Но совершенно ясно было, что оставаться в прежнем помещении, на виду, в центре города в буржуазном доме было невозможно. Да и управляющий домом проявлял все большее нетерпение и, желая избавиться от таких неприятных соседей, готов был возвратить нам квартирную плату, лишь бы мы скорее переехали. Поэтому было решено приискать другую, более дешевую и скромную квартиру.

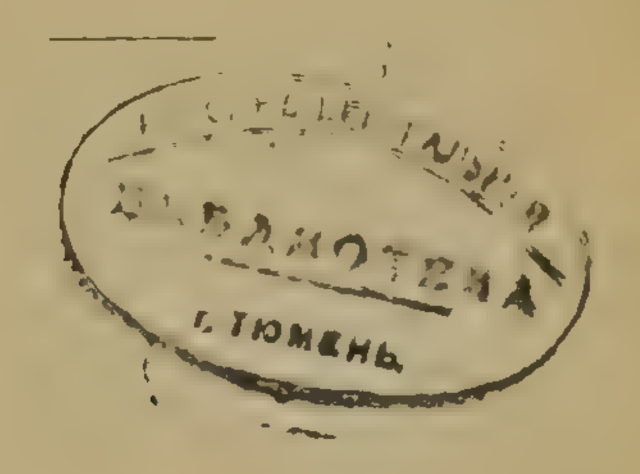
В это время т. Марат, один из главных организаторов московского пролетариата в тот период, и «дядя Миша», оба работавшие в Московском Областном Бюро Ц. К., были уже арестованы. Необходимо было среди всеобщей растерянности хоть как-нибудь поддерживать связи с организациями и сохранить некоторую преемственность в работе. За это взялся М. Ф. Владимирский, а я стал ему помогать.

Но условия работы были уже не прежние. Многочисленные аресты, повальные обыски, общая подавленность создавали огромные затруднения. Выражавшие прежде свое сочувствие и помогавшие нам либерально-буржуазные элементы, теперь напуганные и озлобленные, отвернулись. Технических помощников не было, — адресов, квартир недоставало. К тому же работавшая еще до восстания техническим секретарем Бюро Ольга Федоровна Путята, не оставлявшая своей работы и теперь, оказалась злостным провокатором, что вскоре и обнаружилось. Она была одним из первых агентов охранки, в первые же дни восстания явившаяся к начальнику охранного отделения со свежими сведениями о

ходе восстания. Кольцо полицейского нажима, таким образом, все больше суживалось.

Наконец в конце декабря для редакции была найдена небольшая квартира в Палашовском переулке. 1-го января редакция была перевезена. Вечером того же дня несколько товарищей, — Свердлов, Квятковский, Котяков, я с женой пришли в новую квартиру осматриваться на новом месте. Все находилось в полном беспорядке: столы, стулья, пачки газет, рукописи и оружие, перевезенное со старой квартиры. Двери квартиры были раскрыты, стало темнеть, незаметно появились в комнатах какие-то штатские личности, расхаживавшие по квартире, а через несколько мгновений помещение было наполнено полицией: начался обыск. Мы были арестованы и в полицейской карете отправлены «по назначению».

Так кончился 1905-й год.

В. Деготь

Меньшевизм и белогвардейщина во время гражданской войны в Одессе

Украина пережила очень много во время гражданской войны: оккупация за оккупацией то белогвардейцами, то петлюровцами, а также иностранные интервенции следовали друг за другом. Одесса, как портовый город, была в центре внимания империалистических государств. В печати уже неоднократно освещалась роль нашей партии на Украине этого периода; была описана и та колоссальная работа, которая проделана в подпольи нашей партийной организацией, а также и героиская гибель наших товарищей за идеалы коммунизма и пролетарской революции. Поэтому мне хотелось бы остановиться в этой статье только на том, какую роль сыграли меньшевики во время этих оккупаций и как на словах занимая позицию нейтралитета в гражданской войне, они об'ективно поддерживали оккупантов.

Документы, которыми мы располагаем, достаточно будут убедительны для того, чтобы читатель увидел, какую контрреволюционную роль играл меньшевизм.

Последний процесс меньшевиков, открыто признавших свою контрреволюционную и шпионскую деятельность, нам кажется недостаточным. Нужно, чтобы наша общественность знала, какую роль в годы гражданской войны на Украине играл меньшевизм.

Когда в 1919 году французские оккупанты были разгромлены и советская власть восстановлена, белогвардейцы делали все, чтобы поднять восстание и снова захватить город в свои руки.

Во время восстания немцев-колонистов около Одессы, которым руководил белогвардейский генерал, лучшая часть рабочих была мобилизована и пошла защищать город. Из 600 членов Союза коммунистической молодежи в городе осталось только 300, все остальные были мобилизованы и посланы на фронт, как сообщает «Коммунист» от 8 июля, № 91.

Все это время, когда восстание неподалеку от города продолжалось, меньшевики вместе с правыми эсерами выступали на ряде заводов с ожесточенной критикой советской власти. Однако, на громадном большинстве фабрик и заводов им не давали говорить, выбрасывая их с заводов. На заводе Ропита было много рабочих, ставших таковыми лишь во время войны исключительно для того, чтобы не пойти на фронт, в большинстве они рекрутировались из мелкобуржуазной среды (сынки мелких лавочников и спекулянтов). На этом заводе, когда борьба с белогвардейцами велась недалеко от города, во время работы устраивались митинги против советской власти. Тогда губисполкому пришлось издать следующий приказ:

«Принимая во внимание, что рабочие-металлисты по предложению правления союза металлистов и Центропрофа являются милитаризированными, губисполком на совещании постановил: воспретить под строжайшую ответственность фабрично-заводских комитетов проникновение на заводы и предприятия посторонних лиц. Назначить следственную комиссию по расследованию событий на заводе Ропита, имевших место 26—27 с. м. Комиссии предлагается выяснить причину остановки завода, работающего на оборону Советской республики. Расследовать и предать суду всех виновных, подстрекавших собрание на пред'явление ультиматума и неподчинение приказу губисполкома о запрещении собрания. Комиссии поручается также выяснить виновников физического посягательства на представителей губисполкома, явившихся на собрание с целью предотвращения возможного кровопролития» [1].

Нужно сказать, что повстанцев — немецких колонистов, было около 12 тысяч. Иностранные суда помогали им обстреливать наших красноармейцев.

Товарищи анархисты, стоявшие на советской платформе, как известный в Одессе бывший каторжанин Красный, сидевший со мной в одесской тюрьме, первыми пошли на фронт. Тов. Красный погиб вместе с начальником охраны города коммунистом Мизикевичем на подступах к городу. Насколько анархисты, как, например, т. Фельдман и другие, работавшие с нами все время и в легальных и нелегальных условиях, своей кровью доказали свою преданность диктатуре пролетариата и насколько они не на словах, а на деле защищали советскую власть, настолько меньшевики своею критикой советской власти и защитой пресловутой демократии делали все для того, чтобы дезорганизовать пролетариат. Такая политика меньшевиков срывала мероприятия советской власти и об'ективно шла на пользу белогвардейцам.

Немецкие колонисты были разбиты красными частями 6 августа 1919 г. В это время Херсон обстреливался иностран-

[1] «Изв.» 30/VII 1919 г., № 100.

ными судами В течение целого дня город подвергался бомбардировке.

Пленуму Совета пришлось реагировать на разрушительную работу меньшевиков; в принятой единогласно резолюции говорилось:

«Пленум Совета совместно с представителями всех рабочих организаций Одессы призывает к порядку тех рабочих, которые во время работы устраивают митинги, останавливают работу на заводах и тем самым способствуют приходу деникинцев и румынских помещиков. Пленум предлагает губисполкому бороться всеми мерами против провокации в рабочей среде. Пленум заявляет, что ответом на провокацию и антисоветскую агитацию будет беспощадный красный террор. Товарищи рабочие, дисциплина и выдержка — залог победы» [1]).

Пленуму пришлось поставить вопрос о красном терроре и о расстреле не только белогвардейцев, но и тех, которые активно выступали с призывами рабочих к забастовке и даже провоцировали их.

В это время на большом рейде находились два французских военных судна: контрминоносец и миноистребитель. Белые наступали со всех сторон. Военные крейсера бомбардировали то Николаев, то Херсон, а здесь делали все, чтобы помочь десанту белых. В последние дни положение было настолько тяжелое, что председатель Комитета Обороны и губисполкома Клименко от имени губисполкома издал следующее воззвание:

«В последнее время деникинская провокация, как злокачественный струп, распространяется по рабочим кварталам и стремится отравить классовое сознание пролетариев. Друзья генералов Деникина и Шкуро распространяют гнусную клевету, будто советская власть решила взорвать заводы и фабрики.

Белогвардейцы знают, что больное место рабочего — это станок и потому распространяют эту бессмысленную и подлую выдумку. Цель белогвардейцев будет достигнута, если этой гнусной клевете удастся подорвать доверие рабочих к своему совету. Цель же их известна — возвратить фабрики, заводы и поместья капиталистам и помещикам, а рабочих и крестьян опять превратить в рабов.

Эту цель белогвардейцы проводят в жизнь, где их провокации поддаются красноармейцы, бессознательные крестьяне и рабочие. Комитет Обороны и губисполком, призывая рабочих к дисциплине и выдержке, решительно заявляют, что агенты Деникина и Шкуро могут распространять эти провокационные слухи в целях внесения смятения и розни в ряды рабочих.

Лица, распространяющие эти слухи — враги пролетарской революции, будут преданы военно-революционному суду» [2]).

Белогвардейцы для того, чтобы отвлечь рабочих от главного врага, распространяли слухи, будто бы советская власть собирается разрушать заводы и фабрики перед своим уходом.

---

[1]) «Коммунист», 15/III, 124.

[2]) «Коммунист», 23/VIII, № 130.

23 августа советская власть пала. Город и вокзал со всех сторон бомбардировались французскими судами, не дававшими возможности нашим частям отступать. Большевиков расстреливали на улице, других вешали здесь же. Но партийная организация не умерла: уже до этого была подготовлена нелегальная типография, в которой был оставлен на работе ряд товарищей, и скоро начали выходить прокламации и подпольная газета «Коммунист».

На следующий день после ухода наших частей стали выходить буржуазные газеты — «Одесские Новости», «Одесский Листок» и меньшевистский «Южный Рабочий».

Первое, что было сделано белогвардейцами, — это то, что они, аннулировав советские знаки, этим самым ударили главным образом по рабочим. В систему были введены, помимо ограблений, расстрелы прохожих, попадавшихся белогвардейским патрулям после 8 часов вечера на улицах терроризованного города. Но опьяневшая от вина и классовой злобы офицерщина этим не удовлетворялась.

Варварские расстрелы доходили до того, что даже в легальных одесских газетах стали появляться такие, например, хроникерские заметки: «В евангелической больнице был убит ворвавшимися вооруженными лицами член Ч. К. Лесниченко», который, добавим от себя, возможно, никогда не работал там.

Под видом расправ с чекистами, белогвардейцы расправлялись с рабочими, даже беспартийными, и особенно жестоко с сочувствовавшими советской власти, а часто даже с только работавшими в советских учреждениях. При этом белогвардейцы проделали такую вещь: в здании, где помещалась до их прихода Ч. К., на другой день после нашего ухода варварски убивались наши же товарищи, а во всех газетах сообщалось, что все граждане приглашаются смотреть на убитых Ч. К.

Граждане, в особенности черносотенные элементы города, толпами бродили по зданию, рассматривая зверски изуродованные трупы варварски убитых наших товарищей, захваченных на улицах города или конспиративных квартирах. Эта мерзейшая фальсификация проделывалась специально в агитационных целях, в целях возбуждения в населении чувства животной ненависти к большевизму.

Зверски расправившись с коммунистами и выдав их трупы за трупы расстрелянных Ч. К., генерал-майор Гаврилов издал воззвание, напечатанное в «Одесских Новостях» 27 августа. В нем говорится:

«Все граждане Одессы убедились, какие ужасы несет большевизм. Голод, болезнь и смерть косят большевистскую

Россию. Кто хочет бороться против разрушителей родины — к оружию, каждый гражданин должен выполнить свой долг». Заканчивается воззвание следующими словами: «Помните, граждане, что только вследствие нашей бездеятельности большевики до сих пор терзают нашу родину и несут гибель лучшим ее сынам, всеобщую нищету и голодную смерть. Итак без колебания, все и все на борьбу с большевизмом» [1]).

Так называемые рабочие завода Ропита обратились к генералу Шиллингу. Генерал их очень охотно принял и заявил:

«Добровольческая армия опирается не на силу своих штыков, а на интересы и сочувствие всех классов общества. Поэтому интересы рабочих близки добровольческой армии. Рабочие профсоюзы пусть продолжают свою деятельность без вмешательства в политические дела страны» [2]).

Меньшевики в профсоюзах занимались исключительно тем, что посылали делегации к генералу со всякого рода просьбами. Генерал их успокаивал и обещал, хотя никогда не выполнял своих обещаний. В то время, когда на пленуме Совета профессиональных союзов был заострен вопрос об аннулировании советских денег, когда рабочие возмущались, что в результате этого мероприятия нечем жить, профессиональные союзы большего ничего придумать не могли, как отправить делегацию к генералу с настоянием произвести обмен аннулированных совзнаков. («Одесские Новости» от 18/IX).

В этой же газете от 20 сентября сообщается, что избранный Исполнительный Комитет Совета профессиональных союзов состоял главным образом из меньшевиков.

Безработица все больше и больше увеличивалась. Как сообщает «Южный Рабочий» от 23 сентября, количество безработных дошло до 40.000 человек. А Совет профессиональных союзов так боролся с безработицей: он печатал воззвание ко всем гражданам с просьбой пожертвовать в пользу безработных города!

Самоуправление ничего не делало для того, чтобы помочь безработице, а в это время в «Одесских Новостях» печаталось такое воззвание:

«Жертвуйте, граждане, пришли наши спасители добровольцы-освободители России, нашей несчастной и истерзанной родины. Им еще предстоит долгий и тяжелый путь. Ваш долг помочь и деньгами и вещами» [3]).

---

[1]) «Од. Нов.», 27/VIII, № 10968.
[2]) «Од. Нов.», 31/VIII, № 10972.
[3]) «Од. Новости», 25/IX, № 10997.

Буржуазные и мелкобуржуазные газеты призывали помогать белогвардейцам в то время, когда умирали с голода безработные и голодали работавшие, которые не имели возможности приобретать продукты по спекулятивным ценам. Советские деньги были аннулированы, а белогвардейские знаки крестьяне не брали, как не имеющие никакой ценности. Приказ генерала гласил, чтобы из всех квартир, которые были заселены по ордерам советских органов, жильцы были немедленно выселены. На основании этого приказа большая часть рабочих была выброшена на улицу. И когда рабочие обратились в Совет профессиональных союзов, руководителями которого были меньшевики, то они больше ничего не нашли возможным сделать, как обратиться к генералу с ходатайством о смягчении этого приказа.

Политическими вопросами союзы не занимались, а занимались главным образом тем, что собирали делегатские собрания, где прилагали все усилия к тому, чтобы отчисления в союз поступали во-время, дабы правление имело возможность регулярно выдавать пособие безработным. Они принимали все меры к тому, чтобы владельцы вносили отчисления в общественную кассу, возбудили в правлении вопрос о надбавке, в связи с ростом дороговизны; правление должно принять все меры к тому, чтобы не нарушался воскресный отдых [1]).

В то время «освободители-белогвардейцы» вешали и расстреливали рабочих и членов нашей партии самым варварским способом. Меньшевистские руководители вместо того, чтобы призвать пролетариат к борьбе с белогвардейским террором, занимались посылкой делегаций к деникинским властям с просьбами о помиловании присужденных к смертной казни коммунистов и рабочих.

А когда по всем городам и местечкам Украины белогвардейцы устраивали неслыханные погромы; когда жители целых еврейских местечек вырезались почти сплошь, когда убивали стариков, женщин и детей; когда в Киеве целую ночь резали людей, а известный погромщик Шульгин в своей газете писал: «что на несколько верст от Киева был слышен вой жидов, которых резали», в это время одесским комитетом меньшевиков принимается резолюция, которая призывает к протесту во имя гуманности. Ни слова о решительной борьбе, ни слова о политической забастовке, ни слова о том, что собой представляет страна, вы не найдете в этой резолюции; она настолько характерна, что мы считаем нужным дать ее полностью.

---

[1]) «Южн. Рабоч.», 25/X, № 50.

Резолюция одесского комитета с.-д.

Обсудив кровавые события, имевшие место в Киеве, одесский комитет РСДРП призывает всех честных граждан независимо от национальности и партийной принадлежности выступить с резким протестом против творящихся ужасов. Пора понять, что в крови погромов гибнет и еврейский народ. В первую голову одесский комитет обращается к рабочему классу — пролетариату, которому дело человечности и справедливости должно быть особенно близко, потому что ему больше, чем всем другим классам, пришлось вынести бесчеловечности.

Во имя гуманности и во имя своей собственной свободы, рабочий класс, отрицающий национальную рознь, обязан быть впереди других в деле борьбы с погромной агитацией. Одесский комитет призывает все рабочие организации вынести соответствующие резолюции и начать энергичную кампанию в защиту прав всех народов России [1]).

Когда просматриваешь газеты того времени, волосы становятся дыбом от варварского истребления наших товарищей. Вот по постановлению военно-полевого суда расстреляны за участие в Чрезвычайной Комиссии — С. Макеев, за службу в Красной армии — Чекванас, член союза Спартак — Костеман [2]).

Та же газета от 5 числа сообщает, что аресты за последние дни усиливаются. Среди арестованных — бывший сотрудник ЧК Мирошниченко. Приговорен к повешению гр. Ройза, 27 лет, за агитацию против добровольческой армии. Та же газета сообщает: по приговору военно-полевого суда расстрелян председатель завкома трубочного завода рабочий Тараук за способствование большевикам в эвакуации имущества завода. В дальнейшем сообщается об аресте 11 человек, обвиняемых в большевизме. Все газеты пестрят сообщениями о том, как вешали и расстреливали наших товарищей. В это время меньшевики ничего не делали, а союзы, как, например, правление союза Иглы («Южный Рабочий» от 17/XI), занимались только тем, что *постановляли «произвести перерегистрацию членов союза, главным образом, для поступивших в союз во время советской власти»* и работавших тогда в Воензаге.

Правление, считая, что эти «элементы» засоряют союз, с целью ограничения их количества, обложило их специальным членским взносом в 3 рубля.

В Херсоне, как сообщают «Одесские Новости», в разных местах окраины города повешены на телеграфных столбах 11 человек за участие в органах советской власти и за сотрудничество с советскими властями; среди повешенных один член уездного исполкома. Та же газета сообщает, что в го-

---

[1]) «Од. Новости», 1/XI — № 11032.

[2]) «Од. Новости», 3/XI — № 11034.

роде на столбах рабочие висели по нескольку дней. Это показывает, как белогвардейцы расправлялись с большевиками.

К январю подпольные организации нашего комитета все больше и больше завоевывают широкие рабочие массы. Подпольный Областной Комитет начинает быть настолько влиятельным, что проникает в профсоюзы, и на заседании пленума Губпрофсовета по вопросу об отношении рабочих к властям была принята большевистская резолюция, в которой говорилось об об'явлении всеобщей забастовки в связи с варварским истреблением рабочих и с варварским отношением к сидящим в тюрьмах. Меньшевики, конечно, решительно высказывались против, но, несмотря на террор, несмотря на ужасные условия, большевистская резолюция получила 49 голосов, а меньшевики только 34; воздержавшихся было 13 человек. Эту резолюцию, напечатанную в подпольном «Одесском Коммунисте» в январе в № 147, мы даем полностью:

«Единственным и верным способом борьбы в защиту т.т., которые несмотря на все драконовские законы, применяемые к ним властями, продолжали и продолжают бороться за великое дело всех рабочих, является всеобщая забастовка, — забастовка протеста и предупреждения властям и обществу.

Все рабочие должны грудью отстаивать свои требования о немедленном прекращении инквизиторских пыток, применяемых к политическим арестованным, о приостановлении дальнейших арестов и об освобождении всех политических, томящихся в тюрьме».

Разногласия вызвал вопрос о том, декретировать ли сейчас эту забастовку или повременить, пока выскажутся т-союзы, какие до сих пор не имели возможности собраться и обсудить этот вопрос.

Голосование дало следующие результаты: за немедленное декретирование забастовки 49, против 34, воздержавшихся 13.

Конечно, меньшевики пользовались тем, что большевики не стояли во главе Губпрофсовета, потому что лучших наших товарищей арестовали. Они же сами не проводили решения пленума в жизнь, а саботировали и тем самым помогали в дальнейшем, несмотря на это решение, белогвардейцам.

Красная армия все быстрее приближалась к городу, подпольная организация расширяла свою работу; тем не менее контрразведчики, пользуясь бездеятельностью меньшевиков, продолжали разделываться с нашими товарищами.

Молодежь—комсомольцы—играла в подпольной работе колоссальнейшую роль. Несмотря на то, что об этом в печати говорилось не раз, все же недостаточно описаны ее роль и ее героизм во время арестов, на судах и во время казней. В

особенности этот героизм проявился при аресте 17 человек, из которых 9 человек были приговорены к смертной казни через повешение: Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройтман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дунковский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барк.

Эти товарищи, сидя в Бульварном участке, пели революционные песни, писали боевые письма своим родственникам; эти письма напечатаны и ряд из них мы процитируем.

Из этих писем ясно видно, каких героев рабочий класс выдвигал из своей среды. Два раза военный караул отказывался в них стрелять, и только грузины в пьяном виде в Бульварном участке варварски их истребили. Их нашли обнявшихся друг с другом. Когда они были преданы военному суду, всеобщая забастовка не проводилась меньшевиками в жизнь, несмотря на постановление Губпрофсовета.

Вот что писали перед смертью наши юные герои.

Ида Краснощекина пишет:

Милые родные, через 24 часа меня повесят в [illegible] ... [illegible] перед [illegible] ... Что же? Глубоко [illegible] ... 17 человек имеет большее значение для [illegible] ... 9 ... из их числа. Милая сестра, [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... Только [illegible] ... что осудили [illegible] ... Мне 20 лет, [illegible] ... что за это время [illegible] ... Мне [illegible] ... что [illegible] все [illegible] ... [illegible] ... как [illegible] ... Да здравствует Коммунистическая революция!

А вот что пишет Дора Любарская:

[illegible] я умираю. Я умираю честно, [illegible] ... Через 8 часов мне будет 22 года, [illegible] вечером [illegible] ... Мне жаль, что [illegible] ... Жаль, что мало [illegible] ... Только теперь я чувствую себя [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... Жаль, что не могу [illegible] ...
Ну, прощайте, будьте счастливы!

Вот [illegible] послание всех 9 осужденных:

[illegible] ... 1920 года [illegible] ...

успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но гордимся и приветствуем победоносное наступление Красной армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал!»

Осужденные: **Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дуниновский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барк.**

В это же самое время меньшевики и Кулябко-Корецкий— лидер правых эсеров в Одессе выступили, призывая к созданию единой России и к спокойной работе. Вот что говорится по этому вопросу в «Одесских Новостях» от 12 января:

«На собрании рабочих и мастеровых Одесского ж.-д. узла выступал инженер Кирста и прибывшие из Киева рабочие с призывом поддержать организуемую в Одессе боевую дружину для обороны Одессы. Затем выступал Кулябко-Корецкий, председатель Союза железнодорожников Панов и др. Большинство ораторов говорило о с о з д а н и и е д и н о й Р о с с и и и п р и з ы в а л о к с п о к о й н о й р а б о т е.

Резолюции на собрании вынесено не было».

На Украине в это время организовался «Союз Возрождения», в который вошел лидер правых эсеров Кулябко-Корецкий и другие. Вот какое воззвание этот «Союз Возрождения» опубликовал в «Одесских Новостях» от 27 января:

«Во имя освобождения России от советской тирании, во имя торжества дела демократии Союз Возрождения России зовет всех граждан к активной борьбе. Демократия должна создать армию свободы и народовластия».

Рабочие меньшевики были до того возмущены тем, что в «Союз Возрождения» входили вместе с помещиками и фабрикантами один или два из членов их партии, что Одесскому Комитету пришлось предложить меньшевикам выйти из этой организации. Вот что пишут «Одесские Новости» от 31 января.

«Одесский К-т РСДРП предложил своим членам выйти из состава Союза Возрождения России, так как союз является политической организацией, а пребывание одновременно в 2-х политических партиях не может быть допустимо».

Мелкобуржуазные партии деятельно помогали иностранным буржуазным государствам. Вот воззвание начальника британской военной миссии полковника Нолша. Этот господин об'единяет все партии против большевиков во имя спасения цивилизации. Члены «Союза Возрождения» и кадеты все стояли на одной точке зрения — борьбы с большевизмом, и полковник призывал их, чтобы они еще больше сплотились для борьбы с большевиками. Это воззвание настолько характерно, что мы его даем полностью.

Граждане Одессы!

Наступил момент активной работы, а не политических разговоров. Раздоры и несогласия в Одессе не позволяют предпринять решительных мер, чтобы остановить приближение врага к городу.

Только в одном сходятся все партии - именно в их вражде к большевикам.

Большевики — враги всего цивилизованного мира.

Поэтому, во имя цивилизации, как представитель британской военной миссии, я призываю все культурное население прекратить все споры и раздоры, чтобы соединиться и двинуться против нашего общего врага.

Недостаток солидарности, недостаток дисциплины и веры в начальников — все это является причиной настоящих временных успехов варваров.

Соединитесь для спасения города, ваших жен и детей, будьте солдатами и Великобритания будет поддерживать всех, кто будет защищать культуру от разрушающих ее дикарей.

Начальник британской военной миссии полк. **Иолш».**

Это воззвание было опубликовано как раз тогда, когда победоносная Красная армия все ближе и ближе подходила к Одессе. Наконец, 8 февраля Красная армия вместе с вооруженными рабочими, выступившими в городе под руководством Областного Комитета партии, разгромила всех врагов, и Военно-Революционный Комитет обратился с воззванием к рабочим. Интересно сравнить воззвание представителя империализма, который призывал к объединению всех против большевиков от меньшевиков и эсеров до кадетов, с воззванием представителей рабочего класса, за которыми шли крестьяне. Вот что писал Одесский Комитет партии и Ревком:

«Враг разбит. Банд царских холопов и помещичьих сынков на Украине нет больше. Раздавлен последний осколок деникинской реакции — группа ген. Шиллинга. Через пару дней над освобожденной Одессой развевается красное знамя и насильно оторванный от строительства новой жизни одесский рабочий класс вновь вернется к прерванной работе по восстановлению разрушенного хозяйства и укреплению своей социалистической родины.

В момент, когда агонизирующая контрреволюция уже не в силах противостоять натиску революционной армии, а пролетарская власть в городе не сорганизовала, несомненно попытаются воспользоваться темные элементы для целей, чуждых и вредных рабочему классу.

Помешать врагам трудового народа и черной сотне в их человеконенавистнических планах, объединиться для создания и охраны революционного порядка, подготовиться для принятия в свои руки городского хозяйства — вот ближайшая задача одесских рабочих.

В надежде на самодеятельность широких рабочих масс и поддержку трудового населения и приступил к работе Военно-Революционный Комитет г. Одессы, в переходный период возлагающий на себя всю военно-административную и политическую власть в городе.

Организованный, путем соглашения всех партий, возглавляющих революционный пролетариат и крестьянство, Военно-Революционный Комитет ставит себе целью защиту и обеспечение интересов трудового

народа и охрану революционного порядка в городе и в работе своей он будет опираться исключительно на широкие слои трудового населения. В то же время, считая своей главной задачей подготовку нормального Советского строя в Одессе, на основе свободно выраженной воли трудового народа, Военно-Революционный Комитет уже приступит к организации выборов в Совет Рабочих Депутатов и к восстановлению всех рабочих организаций, разогнанных деникинскими жандармами, для чего при Военно-Революционном Комитете организована особая комиссия по выборам в Совет Рабочих Депутатов.

Только широкая, организованная поддержка, революционная энергия и самодеятельность трудящихся масс помогут Военно-Революционному Комитету преодолеть разруху, хозяйственный развал и тяжелое наследие разгула добровольческих варваров»[1]).

В Совет Рабочих Депутатов рабочими еще выдвигались отдельные меньшевики и эсеры, а когда стало ясно для всех, что это — контрреволюционные организации, тогда на заседании 1-го пленума Совета Рабочих Депутатов было постановлено: представителей меньшевиков и правых эсеров, как недостойных членов пролетарской семьи, мешающих проведению диктатуры пролетариата, исключить из пленума Совета. «Выражая волю Совета,— заявил председатель собрания Совета т. Кин, — предлагаю представителям означенных партий оставить заседание». Меньшевики покидают зал, между тем, как все члены Совета поют Интернационал[2]).

В дальнейшем Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссией в ночь на 17 декабря было арестовано 60 местных меньшевиков.

Причины этого ареста следующие:

Ч. К. обладала достаточным количеством документов, свидетельствующих о том, что меньшевики, действуя в тесном контакте с правыми с.-р. стали призывать пролетариат к организованному выступлению против советской власти. При этом одесские меньшевики старались проникнуть в советские учреждения в качестве «спецов» и всячески подрывать престиж рабоче-крестьянской власти, пользуясь всеми легальными и нелегальными способами и приемами.

Стоявшая на страже интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, в качестве карающего революционного органа советской власти, ЧК произвела аресты меньшевиков, вносивших развал в среду пролетариата в столь острый момент, когда требовалась особая спайка и организованность при перходе к мирному строительству[3]).

В дальнейшем пленум Совета по докладу ЧК о причинах ареста вынес следующее решение:

---

[1]) «Од. Комм.», от 8/III.
[2]) «Од. Комм».,от 11/IV — № 197.
[3]) «Изв. Од. Губревкома и Губкома», от 18/XII — № 324

Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов, обсудив сообщение председателя Ч. К. об аресте меньшевиков находит, что задачам Советской власти, стремящейся использовать блестящие победы Красной армии и разгром банд международного империализма для улучшения хозяйственного положения страны и быта трудящихся, препятствуют махинации врагов пролетарской диктатуры, направленные к срыву продовольственной, экономической и общей политики Советской власти. К числу этих врагов принадлежат меньшевики, которые жалкие остатки своего влияния на некоторые слои пролетариата стремятся использовать в направлении борьбы с Советской властью. Меньшевики не раз давали доказательство того, что даже и тогда, когда они на словах осуждали политику международного империализма, на деле осуществляли его задания.

Вхождение одесских меньшевиков в советы, их признание Советской власти, хотя бы и с многочисленными оговорками, обязывало их ко многому. Тем не менее, они свое пребывание в Совете использовали для попыток разрушения основ Советской политики. Своими демагогическими выступлениями против продовольственной политики они стремились натравить крестьянство на рабочий класс; спекулируя на голоде и холоде, на отсталом сознании некоторых слоев одесского пролетариата они препятствовали органам Советской власти проводить экономическую политику.

Решением собрания своей организации 1 XII — меньшевики постановляют усилить политическую работу по борьбе с Советской властью. Выступление меньшевика Косарева на рабочем собрании в таможне с циничным заявлением, что партия меньшевиков ведет с Советской властью такую же борьбу, какую она вела с царским самодержавием, выступление Богданова перед рабочими завода Гена с другим признанием, что меньшевики 3 года ведут борьбу с Советской властью, достаточно ярко подчеркивают, что меньшевики и свое пребывание в Совете сделали средством непримиримой борьбы с Советской властью [1]).

Все эти документы достаточно наглядно показывают, насколько меньшевики рука об руку работали с белогвардейцами, насколько они уже тогда, в 1917—1920 годах, были активными агентами — представителями не только нашей контрреволюции, но также и агентами империалистических стран.

В дальнейшем меньшевики распространяли свою контрреволюционную работу по всему Союзу; на словах обманывая всех, говоря о признании советской власти, о том, что они честно работают, они на деле вместе с заграничной группой Дана, Абрамовича и др. вели шпионскую контрреволюционную работу, объединившись с «Промпартией».

Случайно ли меньшевики докатились до контрреволюции или это имеет исторические истоки? Если разобрать роль меньшевизма в нашей революции, будет ясно, что не случайно меньшевики постепенно, со ступеньки на ступеньку, переходили все больше и больше на сторону буржуазии, а в конце концов совместно с ярыми активными контрреволюцио-

---

[1]) «Изв. Од. Губревкома и Губкома» от 21/XII — № 226

перами занимались разрушением нашего социалистического строительства, шпионажем и срывом всего нашего хозяйства.

После раскола нашей партии в 1903 году большевизм самостоятельно повел борьбу с оппортунизмом, с меньшевизмом, и если до 1905 г. были теоретические и тактические споры, то когда революция возникла, здесь большевизм и меньшевизм столкнулись с противоположными теоретическими предпосылками и тактическими методами.

В то время, когда меньшевики считали, что поскольку мы переживаем буржуазную революцию и в этой революции заинтересована как класс буржуазия, мы должны войти в соглашение с ней для того, чтобы совместно добиться демократической республики, в это время большевизм, имея опыт революций других стран и зная роль буржуазии этих стран, как предательскую, — резко выступил против этих лозунгов и считал, что единственным союзником рабочего класса может быть только крестьянство.

Меньшевизм выступил против лозунга большевиков — подготовки вооруженного восстания масс, против лозунга всеобщей политической забастовки и против временного революционного правительства; все это показало, что меньшевизм, как только началась первая революция, стал на сторону буржуазии.

Знаменитое выступление Плеханова после московского восстания, его заявление, что «не нужно было браться за оружие», осуждение вооруженных восстаний, — не только московского, но и в других местах, — уже тогда сигнализировало начало отхода меньшевизма от революционных методов борьбы.

Все это показывает, что уже тогда меньшевизм был ближе к буржуазии, чем к пролетариату.

Эволюция меньшевизма не случайна. Меньшевизм стал активным помощником буржуазии, и то, что меньшевизм у нас проделывал раньше, проделывает сейчас в других условиях II Интернационал во всех капиталистических странах.

С. Басов-Верхоянцев

На другой день

Взойдет гроза на небосклоне —
И волны на берег с утра
Нагрянут с бешенством погони
И слягут бронзовые кони
И Николая, и Петра.

Н. Огарев.

Еще с первых чисел января (1905 г.) рабочий Питер волновался, бурлил. Остановилась где-то фабрика, завод.

6-го, может быть, шальной пушечный выстрел по царской ставке во время водосвятия на Неве.

Жарко местами спорили: в самом ли деле из пушки? Или бомбой?

Были голоса среди рабочих:

— Эх, если бы теперь забастовка ахнула побольше!

Забастовка ахнула. И все крепче слухи: рабочие готовятся подать царю петицию.

Сами понесут.

Указывали и сроки.

Некий Гапон, тюремный священник, организовывает рабочих-ходоков, а какие-то революционеры помогают ему.

Об этом у нас разговор.

Едем вечером по Невскому втроем: я — уже с некоторого времени не я, Сергей Басов, а самому мне неведомый какой-то Иван Сергеевич Дормедонтов.

Максимилиан Швейцер — тоже не Швейцер, а англичанин Артур-Генри Мак-Куллон.

Третий — когда-то уфимский слесарь Егор Олимпиевич Дулебов, а теперь питерский извозчик Петр Агапов (он же «Петруха»).

У Мак-Куллона (Швейцера) за плечами участие в умерщвлении министра внутренних дел Плеве (июль 1904). У Дулебова — тот же Плеве, а еще ранее — лишение жизни уфимского губернатора: месть за расстрел рабочих (забастовка в Златоусте 1903 г.).

Все мы члены Боевой организации партии социалистов-революционеров. (Есть у нас и еще товарищи в Питере, Москве, Киеве). Наша задача — совершить несколько террористических актов против наиболее видных или зловредных членов правительства.

Далекие времена: царская Россия накануне великих потрясений.

Но рабочий класс не вполне еще осознал себя и не овладел всецело рычагами революции. Отсюда неизбежное распыление сил пролетариата, втягивание некоторых его части в мелкобуржуазные течения.

Эсеры еще не заклеймены как приспешники мирового капитала. В 1905 г. они — «представители крайней левой фракции нашей буржуазной демократии» (Ленин). Их знамя зовет на борьбу, обещает даже «социализацию земли».

Обещания, растаявшие как дым в 1917 году, лишь только партия с.-р. очутилась у власти. Но в ту пору — приманка для честных горячих голов (Дулебов и ему подобные).

Обольщала возможность немедленно же вступить в рукопашную с представителями ненавистного строя.

Рассуждали так: когда-то еще организуется рабочая революционная армия. А тут коротко: ухватил любого царского сатрапа — и о земь! — Уже повержены Боголепов, Сипягин, Богданович, Плеве.

Наивно рассчитывали террористическими актами ускорить надвигающуюся революцию.

Боевики — обреченные люди. Их мечта — как можно скорее отдать свою жизнь в бою за свободу.

(Только впоследствии открылось: чуть ли не с первых дней рождения этой партии в ней свила гнездо провокация — Азеф, Татаров).

В Питере у нас на очереди министр юстиции Муравьев, когда-то прокурор по делу 1 марта 1881 года (Желябов, Перовская и др).

Пока-что, мне предстоит отлучиться на малое время из Питера по партийным делам. Я — на Николаевский (теперь Октябрьский) вокзал. Извозчик и два седока — удобная в конспиративном отношении группировка: не возбуждая ничьего подозрения, можно повидаться и сговориться о своих делах.

— К вашему возвращению, — говорит Швейцер, — большие, может быть, события здесь развернутся.

— Да что вы «Леопольд» (одна из конспиративных кличек Швейцера), неужели тоже возлагаете надежды на этого попа?

В своем щегольском «европейском» пальто, с бобровым воротником, Швейцер, сидя рядом со мной в санках, ежится, может быть, от холода, медлит ответом.

Дулебов, полуоборотившись с козел (нажженное морозом безбородое лицо):

— Думается, все это ералаш. Ведь поп! Да еще и какой: он верховод «Общества заводских рабочих». Легальная, дозволенная начальством организация, чтобы отводить рабочих от политики. Так это та же зубатовщина!

Швейцер спокойно:

— Не горячитесь, Петр. Разумеется, Гапон не наш. Н. может быть, в самом деле своего рода Зубатов. Да ведь зубатовщина-то знаете, как потом повернулась! Рабочие от зубатовщины перешли в конце концов к политике.

— Ну, и чорт с ним! — грубовато бросил Петр. — А нам с попами нечего возжаться.

— Да я и не спорю. Гапон сам по себе нам, конечно, не нужен. Но тут связались с ним кое-кто из наших эсеров Считают так стихийное движение. Не удастся ли вырвать у попа из рук возжи да и направить массу на другой путь.

— Значит, вызвать народное восстание? Навряд ли удастся? С образами хотят итти. Наши некоторые извозчики тоже собираются.

— А может быть удастся. Мы в это дело не вмешиваемся. У нас свое. А другим почему не попробовать, раз выступает на сцену стихия.

В виду вокзала, на Лиговке, спускаем с саней Швейцера. Петр бойко подкатывает к под'езду, ловко откидывает полость саней.

Городовые, носильщики.

Соскочив с легким чемоданом в руке, сую извозчику деньги.

— Покорно благодарим! — кричит Дулебов и по крутому кругу поворачивает от вокзала.

— Билет 2-го класса в Москву, — говорю я подскочившему ко мне носильщику.

В Москве, по явке, данной мне еще в Париже Азефом, попадаю в квартиру Анны Серебряковой. (Тут можно бы задним числом удивляться, как ловко все слажено у провокаторов).

Хозяйку видим в первый раз в жизни. Под разными предлогами она то-и-дело ввертывается к нам в комнату: приносит чаю, угощает булками и проч. Вся в мучительном напряжении, неимоверно вытягивая шею, словно резиновую, выдвигает вперед свою голову, стараясь вслушиваться в наш разговор с товарищем.

— Эка страдает, бедняжка! — замечает тот полушопотом.

Приписав тогда поведение Серебряковой простому обывательскому любопытству, мы постарались оттеснить ее в мягких формах.

Москва — Тверь.

В скобках. Осталось впечатление: в Твери эсеровская организация слаба. Работают с помощью социал-демократов. Явка для наиболее конспиративных дел (данная мне также за границей) в квартире большевика Я. А. Андреева

В ночь на 10 января из Твери в Питер.

Скорый поезд — в Любани, кажется, последняя остановка. Уже давно белый день. Раскрыты двери купэ. Все пассажиры на ногах. Официанты по вагонам с подносами — кофе, чай.

И вот теперь в неистовом беге выстукивают колеса. По бокам в круговой пляске убегают назад забитые снегом поляны, перелески.

Разговор — словно царапнуло ухо. Прислушиваюсь, не подавая вида. Какой-то офицер, напротив меня, выскакивавший на минутку на станции, приглушенным голосом — своему соседу.

Один, другой обрывок слова, фразы — «раненые»... «убитые»... «рабочие». Встревоженные лица.

Все ясно. Что-то случилось там, в Питере, вчера!

А когда поезд подходит к вокзалу, весь вагон уже знает, что вчера на улицах столицы войска расстреливали рабочих.

Ничего особенного на Николаевском вокзале, у вокзала и в этом конце Невского. На площади, как обычно, теснит взоры высокий досчатый забор, оберегая огромное пространство, отведенное под памятник Александру III.

Памятник еще не открыт, даже не достроен, но будущий облик монумента давно известен по иллюстрациям. Уж ходит по Питеру словесное оформление его, не известно кем сочиненное:

Стоит комод,
А на нем бегемот.

На противоположной стороне площади Северная гостиница. — Мимо. Несколько месяцев назад в ней погиб от взрыва собственной бомбы член нашей боевой организации Покотилов, готовивший свой снаряд под Плеве. Конечно, здесь особенно зорко следят за приезжими.

Остановился на Знаменской, в гостинице «Бель-ви». По-русски — хорошая или веселая жизнь. Однако, на первый взгляд веселья здесь нет и в помине. На встречных лицах

смущение, тревога. Сейчас же потребовали «вид» в прописку.

Рассмотрев паспорт, швейцар как-будто несколько успокоился.

— Значит, приезжие будете?

— Да, я из Полтавы.

— А у нас что тут вчера было!

— Что такое? Я только сейчас с поезда, ничего не слышал.

Швейцар полушопотом, вытаращив глаза и оглядываясь:

— На улице стрельба была. Солдаты в рабочих!... А у Зимнего Дворца — страсть!

Кто он? Действительно сочувствующий рабочим или обычный чин домовой полиции, обязанный наблюдать за постояльцами и «чуть-что» — доносить в участок (как и всякий швейцар или дворник в царские времена).

Перекинулся еще двумя-тремя фразами и, не являя особого любопытства, ушел в отведенный мне номер.

В два у меня явка на Невском, в кофейной Филиппова. Остается еще достаточно времени, успею побывать на улице, посмотреть собственными глазами.

Но прежде на минуту в «Русское Богатство» к Иванчину-Писареву.

Встарину видный пропагандист-народник, впоследствии народоволец, первую половину 80-х годов в ссылке. Теперь он налегал на культурно-просветительную работу (в числе «упразил журнала). Не отказывался помогать кое в чем и Б. О., исключительно, впрочем, по части осведомительной.

Весь в матовом серебре — волосы, узкая борода — очень еще бодрый крепыш, сильно сжал своею маленькой рукой мою.

— Ну, вот видите, какие тут дела у нас.. Говорят, распорядился Владимир. Причастен и Трепов.

Иванчик-Писарев очень торопился. Последняя политическая новость: где то собираются писатели, вырабатывают программу своего выступления. Предполагают отправить к кому-то депутацию в связи с вчерашними событиями. Будет даже и Суворин [1]). Вопрос: допускать ли Суворина?

От Литейного — по Невскому — на Адмиралтейскую иглу.

Сразу бросается в глаза: для этого часа дня на Невском поразительно мало народа. Повстречался патруль конногвардейцев в белых фуражках. У Гостиного, по Садовой.

---

[1]) А. С. Суворин — редактор-издатель реакционной газеты «Новое Время».

пересек улицу казачий раз'езд. По дороге на белом убитом снегу все чаще (от Полицейского моста) желтые пятна. Местами дворники скребут панель и засыпают, затирают ее песком. Красные пятна на жолобах, на стенах. Ссадины — следы пуль.

Так вот как было... Хорошо, за все ответят!

На санях два, не то три воза с гробами, наскоро сколоченными, обогнали меня и свернули куда-то в сторону.

И опять конногвардейцы. Вот запушонный инеем угол Александровского сада. Направо развернулась необ'ятная площадь Зимнего Дворца, на ней в морозном тумане отряды войск.

Впереди орудия, жерлами обращенные на город. В дыму разведенных там и сям по площади костров суетятся солдаты. Как в завоеванном городе.

В кофейной, в условленном зале, за столиком, с газетой в руках Швейцер. За эти дни он очень изменился. Потускнел, точно пережил болезнь.

В бледной улыбке, блеснув зубами:

— Как хорошо, что вы во-время приехали. Надо нам посоветоваться. Ведь уже знаете?

Я сказал, что прошел только по Невскому, а как все было вчера, еще порядком не слышал.

В кофейную стал набиваться народ, говорить неудобно.

Для виду посидев несколько за столиком, мы вышли.

С Невского по Литейному, назад.

Коротко, волнуясь, рассказал он то, что теперь всем известно о кровавом воскресении.

Нынче утром он сам видел несколько возов, набитых, как бревнами, мертвыми телами.

Быть может, тысячи убитых и раненых.

В Александровском саду под пулями, как груши, сыпались с деревьев ребятишки: забрались было туда, чтобы полюбоваться шествием рабочих [1]).

Ясно: подлая провокация. К вчерашнему выступлению готовились почти открыто. Полиция бездействовала. Чудовищный умысел со стороны властей: разделаться с рабочими так, чтоб им впредь неповадно было.

— А помните, Макс, у Дулебова знак равенства: зубатовщина — гапоновщина?

— Гапон-то ведь скрылся.

— От кого скрылся: от полиции или от рабочих?

---

[1]) Впоследствии слышал я и такое утверждение: детей убивали неумышленно. А вот — дрогнуло солдатское сердце: часть солдат стреляла в воздух, по верхушкам деревьев, не зная, что в ветвях прячутся ребятишки.

Швейцер рассмеялся.

— От полиции, разумеется. Да, подвел он здорово рабочих. Ведь огромное большинство и в мыслях не держало, что войска палить начнут.

Но что Гапон! Самое главное: после бойни, к вечеру, на Васильевском острове, рабочие строили баррикады.

— Надо поддержать баррикады и отомстить! Вот об этом-то я и хотел посоветоваться с вами.

— Надо, Макс, и как можно скорее. Хоть бы сейчас.

— Как сейчас? На кого же направить удар? Надо все-таки выбрать хоть сколько-нибудь видную фигуру.

— Размениваться по мелочам мы не можем, — ведь нас очень мало.

— А кого всех больше обвиняют?

— По-моему, виноват, конечно, царь. Говорят о Владимире, называют и Московского Трепова. Но ведь их так скоро не достанешь. Вот разве Фулон? Градоначальник?

— Да. Ничтожество. Да и не он повидимому дал распоряжение о расстреле.

Но все-таки больше остановиться сейчас не на ком.

— А мне кажется, в данном случае не важно: точно ли мы взвесим вину Фулона. Довольно и того, что формально в его руках весь город.

— Да, вы, пожалуй, правы. Убивают рабочих и сегодня.

— Ну, вот. Подумайте только, какой это будет ответ: сегодня Фулон, через день-два Муравьев, как у нас намечено. А там еще кто-нибудь. Может быть сам царь. А Москва, Киев!

(За Николаем уже следит некоторое время член Б. О Леонтьева).

Швейцер оживился.

— Прекрасно! Но как практически в отношении Фулона? У него приемы в градоначальстве. А сейчас нет у меня готовой бомбы. Да и неудобно там бомбой — ведь много бывает постороннего народа.

— Зачем же бомбой! Можно из револьвера.

— У меня хороший браунинг.

— Вот и прекрасно. А я умею хорошо стрелять.

— Я тоже стреляю недурно. Только бы застигнуть Фулона.

— Пустяки вы говорите. Без вас некому руководить отрядом.

— Как некому? Останетесь вы, Петр. Еще поспеду... У вас Леонтьева.

— Я мало еще опытен в этих делах. А главное — не химик.

— Москва под боком — вот вам и химия.

— Вы же сами видите, что это не годится. И вот что, Макс: мы обреченные. Но гибнуть нам все же следует с расчетом, по плану, с наибольшим вредом для врага. Ваш день еще не настал.

Взяли на углу Бассейной лихача и — к градоначальству, угол Гороховой, против Александровского сада.

— Подождите в санях, — сказал Швейцер, — а я пойду узнаю, как и что, есть ли прием. Мне уж тут знакомо, бывал не раз.

Через несколько минут он вышел из под'езда.

— Ну, что ж, мы пройдемся тут пешком.

Отпустил рысака, потом мне: — Неудача. Приема нет. Фулон уже в отставке. Говорят, Трепов назначен петербургским генерал-губернатором.

К ночи народу на Невском и по прилегающим улицам значительно прибавилось. Но почти исключительно рабочие. Молодые парни, подростки дразнили гарцующих солдат, казаков, швыряли в них камнями, били во дворцах стекла — в Аничковом, в Строгановском.

Так вот оно — преддверие революции!

Озверелые, пьяные казаки в погоне за обидчиками скакали по тротуарам, направо и налево секли нагайками, орали:

— У, сволочи! Мы покажем вам, как бунтовать!

— А вы лучше покажите, как вас японцы бьют! — кричали убегающие.

Под конногвардейцем поскользнулась лошадь и смаху грохнулась на мостовую. Отряд промчался, не задерживаясь. Лошадь поднялась, а всадник остался на снегу.

Швейцер к нему,— конечно, поднять на ноги.

— Чорт с ним! Пускай валяется! — протестуют с панели. — Будет знать, как своих бить.

— Товарищи, да ведь он же несознательный. Сам не знает, что делает.

— Несознательный! Так пускай полежит, очухается. Тогда, может, и сознает.

Швейцер махнул рукой.

В 9 вечера опять втроем на Исакиевской площади, у собора: Швейцер, я, Дулебов (оставил санки на извозчичьем дворе).

Военный совет. Выезды министра Муравьева установлены с точностью — раз или два в неделю, в определенные дни, с докладами в Царское Село (постоянное местопребывание царского двора). В следующую его поездку к царю можно бы поставить акт. Но при создавшемся положении надо бы сперва покончить с Треповым, если уж нельзя до-

стать «дядю» (Владимир, дядя царя). Необходим портрет Трепова для опознания.

— Побуду с вами еще с полчасика, — заявляет Петр. — Очень уж темно у нас на квартире. Спим вповалку, грязь, вонище, махра — эта, хоть топор вешай.

Под извозчичьей грузной шапкой Дулебов смотрит нелюдимым. На самом же деле общительный, веселый.

Смеясь, рассказывает о своих кучерских похождениях, иногда очень опасных.

– Прошлый раз, как вез бомбы от парада... (Предполагалось присутствие великих князей на каком-то параде). — Попался на глаза офицерам. — «Вези на вокзал!»

Я было отказываться:

— Лошадь устала, а вас двое.

Накинулись на меня: «Врешь! Вези, а не то!..» Повез. Глядь, а кнута у меня нет. Лошадь с ленцой — трюх, трюх Да и опасно ехать быстрей. Офицеры шумят: «Погоняй, а то опоздаем!»

— Нечем погонять, — говорю, — кнут потерял.

Обозлились, давай меня по шее: «Ах, ты, сукин сын! Какой же ты без кнута извозчик!»

— Виноват, ваше благодорие, не заметил, как потерял.

А сам думаю: «Ах, сволочи вы этакие! Под сидением-то у меня что? Как трахну хорошенько, ото-всех мокро останется». Ну все ж таки довез.

От Исакиевской площади, вдоль Сенатской — к набережной Невы. От памятника Николаю I (на Исакиевской) к скале Петра I.

Дулебов:

— Вот про этих дяденек сложено:

Дурак умного догоняет,
Да Исакий мешает.

А я полагаю, ум-то у всех царей одинаков: только и думки у них, как бы нашего брата — под сапог.

Узким рукавом в Сенатскую площадь — Галерная улица.

— А знаете, где мы сейчас находимся? — спрашивает Швейцер.

— Угол Сенатской и Галерной. Извозчик, подавай! — шутит Петр.

Понимаю, не о том спрашивает Швейцер.

— Надо полагать, на этом месте у Николая I был бой с декабристами.

— Верно, — говорит Швейцер.

— Вот вы что! Знаю: солдаты отказались присягать царю. Да ведь когда ж было-то — удивляется Дулебов.

— 80 лет тому, Петя. 14 декабря 1825 года.

Из читанного и слышанного когда-то набегают воспоминания.

Да, вот на этой площади, у памятника Петру, стояли непокорные солдаты. Те же крепостные, рабы, только в аммуниции.

Насупротив, как и теперь, заслоняя собою Зимний Дворец, — верные трону войска.

Вот в эту тесную улицу, Галерную, хлынули декабристы, поражаемые в упор из орудий. По Галерной, по льду Невы гнала их императорская картечь, косила, рвала в куски живые тела.

Дулебов замечает:

— Это все быльем поросло. А вот вчера здесь так жарко было. Говорил я — провокация с этим попом. Ведь и сегодня на Васильевском стрельба: солдаты и полиция баррикады снимали.

И крепко, словно вколачивая гвозди:

— Ну, да ладно. Больше не проведут. Зашевелились людишки.

На другой день в читальне Черкесова, на Невском, я, просмотрев несколько годов «Нивы», нашел портрет Трепова и вырезал его. К вечеру передал вырезку Дулебову.

С этого времени началась работа Б. О. над петербургским генерал-губернатором.

Н. Шаханов

Волнения рабочих на баташевских заводах в 30-х годах прошлого столетия

В начале второй половины XVIII столетия на стыке четырех смежных губерний — Владимирской, Тамбовской, Рязанской и Нижегородской — началось строительство металлургических заводов, особенно усилившееся после того, как в этом районе, известном под названием Приокского горного округа, появились заводчики Баташевы. За промежуток около 50 лет здесь возникло 15 новых заводов: в 1754 г. — Еремишинский, в 1755 г. — Унженский, в 1759 г. — Гусевской, в 1765 г. — Выксунский и Велетемский, в 1772 г. — Илевский, в 1773 г. — Вознесенский, в 1774 г. — Железницкий и Пристанский, в 1783 г. — Верхоунженский, в 1784 г. — Сноведский, в 1786 г. — Сынгульский, в 1791 г. — Мердушевский, в 1801 г. — Верхне-Железницкий и в 1803 г. — проволочная фабрика на реке Железнице.

Почти двухвековое существование этих металлургических заводов [1]) дает необычайно много интересного материала как для истории развития русской промышленности и формирования кадров пролетариата из крепостного крестьянства, так и для характеристики владельцев заводов, являвшихся наиболее колоритными фигурами нарождавшегося промышленного капитализма в России, переживавшего свой период первоначального накопления.

Вокруг этих заводов создалось уже много легенд и преданий, в которых быль перемешивается с вымыслом, события нагромождаются одно на другое, путаются все даты и местности. Даже отдельные исследования о заводах, претендующие на «научность» и «историчность», выходят под такими сенсационными заглавиями, как «Орлиное гнездо» или «Гнездо хищника» [2]).

---

[1]) Большинство заводов закрылось в начале текущего столетия.

[2]) См., например, Чекина — «Орлиное гнездо», Касимов, 1924 и 1928 гг., и того же автора «Гнездо хищника» в газетах «Рабочий Клич»

Нет сомнения, что эти заводы в дальнейшем будут привлекать к себе внимание историков, особенно в части положения на них рабочих и крестьян, отданных на хищническую эксплоатацию самодуров-заводчиков, являвшихся полновластными хозяевами над десятками тысяч подвластных им крепостных рабов.

В настоящей статье мы остановимся на одном периоде из жизни рабочих баташевских металлургических заводов — на 30-х годах прошлого столетия. Это время было наиболее тяжелым для заводов. В бесчисленных оргиях и кутежах заводчики Баташевы ко второму десятилетию прошлого века промотали свои капиталы, заводы оказались в очень тяжелом материальном положении и над ними правительством в 1821 году была назначена опека. Но и опекуны на заводы смотрели только как на источник легкой наживы и поэтому очень мало заботились об их нормальной деятельности. Капиталов становилось все меньше. Долги росли, производство сокращалось. К 30-м годам заводы снова оказались на краю гибели.

Нет никакого сомнения в том, что главную тяжесть этого бедственного положения заводов пришлось в первую очередь испытать на себе принадлежавшим Баташевым рабочим и крестьянам [1]).

К началу 30-х годов прошлого столетия у Баташевых осталось 7 металлургических заводов: Гусевской, Верхоунженский (в Меленковском уезде, Владимирской губернии), Еремшинский, Мердушевский, Вознесенский (в Темниковском уезде, Тамбовской губернии), Илевский (в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии) и Сынтульский (в Касимовском уезде, Рязанской губернии). Кроме этих заводов, в Темниковском уезде у Баташевых была Белоключевская стеклянная фабрика.

(Рязань, 1925 г.) и «Павловская Жизнь» (Павлово, Нижегородской губ., 1925 г.). Более научно к истории металлургических заводов Приокского горного округа (главным образом тех, которые находились в пределах бывшей Владимирской губ.), подошел Н. П. Богатов в брошюре «Металлургическая промышленность Владимирской губ.», издание Владимирского губернского научного общества по узучению местного края. Владимир, 1929 г., стр. 42.

[1]) Все приводимые ниже сведения взяты из следующих архивных материалов: 1) архив канцелярии владимирского губернатора, 1833 г., дело № 367 — «по рапорту меленковского земского исправника о неповиновении, будто бы, крестьян в имении наследников Баташева»; 2) архив владимирского губернского правления, 1837 г., дело № 172 — «по рапорту правящего должность меленковского предводителя дворянства об оказанном мастеровыми Гусевского Ивана Баташева завода неповиновении заводскому начальству с отступлением от заводских работ».

По учету главной конторы баташевских заводов и имений, в марте 1834 г. на всех этих заводах и в приписанных к ним селениях находилось 29.318 человек мастеровых и крестьян (включая сюда и женщин), из которых около 6.000 человек работали непосредственно на заводах, приблизительно столько же обслуживали заводы путем добычи сырья (руды), заготовки угля, дров, вспомогательных материалов, перевозки заводских изделий и т. д., а остальные занимались крестьянством и платили Баташевым оброк, или барщину.

Каково же было материальное положение этой громадной армии крепостных рабов, принадлежавших Баташевым?

Те крестьяне, которые постоянно работали на заводах и числились рабочими или мастеровыми, пахотной земли не имели, а поэтому всецело зависели от заработков на заводах. Точное количество таких крестьян-мастеровых установить трудно, но по тем же данным главной баташевской конторы их в 1834 году было около 10 тысяч человек (вместе с семействами).

О размерах заработной платы на заводах можно судить по тем многочисленным заявлениям, которые подавались рабочими губернскому начальству, а также и по тем показаниям рабочих на следствиях, которые сопровождали каждое волнение на заводах.

По сообщению опекуна над имениями и заводами Ивана Баташева поручика Лукина, на Гусевском заводе за первые шесть месяцев 1833 года каждый рабочий получал в среднем 30 р. $58\frac{7}{8}$ коп., или около 5 р. 10 коп. в месяц; за первую половину 1834 года средний заработок каждого рабочего на этом заводе поднялся до 35 р. $48\frac{1}{2}$ коп., или до 5 р. 91 коп. в месяц. По заявлению того же Лукина, резких колебаний в заработной плате рабочих в сторону уменьшения или увеличения до 1838 года не было.

Сами рабочие о размерах заработной платы дают несколько иные сведения. Так, рабочий котельного цеха Дорофей Максимов на следствии показывал, что мастеровой в их цеху зарабатывал от 3 до 6 рублей в неделю, в досчатом цеху — от 3 р. 50 к. до 6 р., в гвоздяном цеху — от 3 до 4 р., в кастрюльном, сковородном и лудильном цехах — от 2 до 5 р., в плотничном цеху — от 1 р. 50 к. до 3 р., в молотовом цеху — от 3 р. до 6 р. и т. д. Надо принять во внимание, что это заработки наиболее квалифицированных рабочих, которых на заводах было меньшинство. Кроме того, это заработки при нормальной работе заводов, а на протяжении почти всех 30-х годов заводы, в виду отсутствия заказов, работали с перебоями и мастеровым приходилось одну неделю работать на заводе, а другую — на заготовке топлива, добы-

че руды и т. п., где заработок понижался для всех рабочих до 1 р. — 1 р. 50 к. в неделю.

В декабре 1839 г. мастеровые гвоздяного цеха Гусевского завода писали в заводскую контору: «известно самой заводской конторе, что плата нам за ковку гвоздей определена при покойном еще заводосодержателе Андр. Баташеве, когда ржаная мука продавалась от 50 к. до 1 р. ассигнациями за пуд, крупа по 90 к. — 1 р. 20 к., пшено — 1 р. 30 к. — 1 р. 60 к. за четверик... Семейству при одном работнике в 2—7 душ потребно муки 1 п. — 2 п. 20 ф., крупы от 1 четверика до 1 меры, соли на 12—25 к., масла на 25—50 к. и т. д., а всего с двумя душами потребно на 3 р. 55 к., с семью душами на 9 р. 75 к. в неделю, не считая обуви, одежды с бельем, рукавицами и защитками. В полную же неделю мы получаем 1 р. 50 к. — 5 р., а когда табельные и праздничные дни случаются, и того меньше, иногда вполовину» [1]).

Заработок рабочих, занятых на добыче руды, был значительно ниже заработков заводских мастеровых. Так, в 1833 г на Карповских рудниках рабочий в неделю зарабатывал 1 р. 50 к. Из этой суммы приходилось уплачивать 25 к. с человека за квартиру, печение хлеба и капусту для щей, — на все остальное приходилось только 1 р. 25 к. в неделю. Вследствие неурожая в течение целого ряда лет, цены на хлеб в Меленковском и других смежных с ним уездах в начале 30-х годов были необычайно высокие По сообщению меленковского земского исправника губернатору, в октябре 1833 г. цена пуда ржаной муки в уезде доходила до 2 р. 60 к., а позднее — до 4-х руб. Таким образом, недельной заработной платы одного рабочего, занятого на такой тяжелой работе, как добыча руды, нехватало и на полпуда ржаной муки.

Все эти факты говорят о том, что заработная плата на баташевских заводах в 30-х годах прошлого столетия была очень низкой и не обеспечивала даже минимальный прожиточный минимум рабочего. Помимо этого, заработная плата выдавалась неаккуратно, заводская контора всегда оставалась в долгу у рабочих. Так, на Карповских рудниках во второй половине 1833 г. рабочие вместо 1 р. 50 к. в неделю продолжительное время получали только по 60 коп., а остальные деньги считались в долгу за заводской конторой. Весной 1837 г. всем рабочим Гусевского завода контора задолжала за неделю и не уплачивала этого долга в течение 6 месяцев.

---

[1]) Богатов — «Металлургическая промышленность Владимирской губернии», стр. 21.

Часто у заводской конторы нехватало денег для расплаты с рабочими и тогда заработная плата выдавалась заводскими изделиями. В ноябре 1833 г. тамбовский губернатор жаловался владимирскому губернатору, что «плата некоторым рабочим и крестьянам производится вместо денег мелочными железными изделиями, которые рабочие люди, а особенно крестьяне, по безмолвному повиновению заводскому начальству, хотя и принимают, но, продавая за полцены и чувствуя большую потерю, весьма на то ропщут».

Совершенно безвыходным было положение тех рабочих, которые по инвалидности или полученному увечью не могли продолжать работу на заводах. Тамбовский губернатор в том же письме во Владимир в ноябре 1833 г. сообщал такой факт: «темниковского земского суда дворянский заседатель Разгильдеев донес мне, что Еремшинского завода наследников Баташева престарелого мастерового Никиты Сергеева жена Агафья Васильева 24-го минувшего августа удавилась от горести по недостатку продовольствия, которое она приобретала для семейства милостынею, ибо муж ее от заводского начальства хотя и просил вспомоществования, но токмо удовлетворения ему в том не сделано».

Не лучше было положение и принадлежавших Баташевым крестьян. Небольшие земельные наделы и плохие урожаи не давали возможности крестьянам кормиться своим хлебом, а поэтому они в подавляющем своем большинстве зависели от побочных заработков на баташевских заводах. По вычислениям главной Гусевской конторы, к концу 1834 года из 11.847 человек мастеровых и крестьян, имевшихся у Баташевых в Меленковском уезде, могли прокормиться своим хлебом только 370 человек, или 3,1%, остальные должны были рассчитывать исключительно на заводские заработки. В Темниковском уезде из 10.098 человек мастеровых и крестьян своим хлебом могли прокормиться 5.290 чел., или 52,8%, в Ардатовском уезде из 2502 чел. кормилось своим хлебом 1537 чел., или 61,4%. Таким образом, из 24.447 чел. баташевских мастеровых и крестьян в этих трех уездах 17.250 чел., или 70,5%, уже в ноябре месяце не имели своего хлеба и должны были рассчитывать исключительно на побочные заработки на заводах.

Заводские конторы крестьянам за работу на заводах платили очень неаккуратно. Достаточно привести такой пример: на 10-е декабря 1833 г. опекунское правление над заводами и имениями Баташевых задолжало крестьянам за разные работы около 140 тысяч рублей. Цифра по тому времени огромная. Некоторым артелям крестьян, работавшим на заготовке древесного угля и на подвозке заводских изде-

ний, не платили за работу от 2 до 6 месяцев. По одному только Меленковскому уезду опекунское правление должно было 1220 крестьянам свыше 20 тысяч рублей.

При таком положении неудивительно, что баташевский крестьянин в округе отличался от других своим убогим, забитым, изнуренным видом, плохой одеждой, развалившейся избой и т. п. Неурожайные 1832 и 1833 годы еще более ухудшили тяжелое положение баташевских крестьян. Тамбовский губернатор в цитированном уже нами письме во Владимир, в ноябре 1833 г. сообщал, что принадлежавшие Баташевым крестьяне «по двухлетнему неурожаю хлеба ныне питаются остатками ярового хлеба с примесью к оному лебеды, желудей и мякины, но и остатков ярового хлеба до того мало, что на будущую весну даже и семян они иметь не могут».

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы иметь представление о материальном положении почти 20 тысяч принадлежавших Баташевым мастеровых и крестьян. О правовом положении их мы здесь не говорим, оно достаточно известно из обширной литературы о крепостном праве.

Несмотря на суровый режим, существовавший на баташевских заводах, невыносимые условия жизни часто вызывали в среде рабочих волнения, доходившие до прекращения работ. 30-е годы особенно богаты этими волненьями. Остановимся на них подробнее.

31-го октября 1833 г. московское управление сообщило владимирскому губернатору, что работающие на Карповских рудниках рабочие и крестьяне ведомств Еремшинской, Мердушевской и Илевской заводских контор в числе 115 человек 5-го октября отказались в урочное время приступить к работе. Через несколько часов прекратили работы 163 чел. крестьян ведомства Карповской конторы.

Причиной прекращения работ явилось то обстоятельство, что заводская контора вместо причитающихся рабочим за неделю 1 р. 25 к. выдавала только 60 коп., ссылаясь на отсутствие средств у опекунского управления, ведавшего заводами, для полной расплаты с рабочими.

Все прекратившие работы рабочие и крестьяне собрались к заводской конторе и заявили главному приказчику жалобу на свое тяжелое положение. Они говорили, что получаемой платы им нехватает даже на пропитание самих себя, не говоря уже о семействах, что они задолжали своим квартирным хозяевам, которые в виду этого отказываются пускать их на ночлег и готовить им пищу.

Приказчик начал было убеждать рабочих возобновить работы и дождаться приезда кого-нибудь из опекунского управления, но рабочие на это не согласились. «Не вняв убеждению, — писало впоследствии горное управление владимирскому губернатору, — крестьяне чинили разные грубости, заключить кои можно к бунту». Тех рабочих, которые сначала не хотели прекращать работы и которые после разговора с приказчиком намеревались возвратиться в рудники, рабочие, по сообщению того же горного управления, «своим судом наказали».

Приказчик послал за помощью в Меленки, откуда к вечеру этого дня на рудники приехал земский исправник. Последнему рабочие также жаловались на свое тяжелое материальное положение, а на приказание его — возобновить работы, ответили, что не могут этого исполнить, так как рабочие Дощатинского завода, у которых они стоят на квартирах, за неплатеж квартирной платы отобрали у них все инструменты.

Так как среди рабочих всех баташевских заводов наблюдалось в это время очень напряженное настроение, а жалобы начальству на тяжелое материальное положение от них поступали все чаще и чаще, — исправник не решился квалифицировать оставление работы рабочими Карповских рудников «неповиновением начальству», а донес губернатору, что «бунта на рудниках не было» и что рабочие вынуждены были прекратить работы потому, что рабочие Дощатинского завода отобрали у них инструменты.

Приехавший представитель опекунского управления обещал рабочим выдавать в дальнейшем аккуратно заработную плату; у рабочих Дощатинского завода часть инструментов была выкуплена заводской конторой; остальным рабочим выдали новые инструменты, и через несколько дней работа на рудниках возобновилась.

Волнения на Карповских рудниках затронули очень небольшое количество рабочих, поэтому заводская администрация не придала им большого значения. Положение рабочих на заводах не только не улучшалось, но с каждым месяцем ухудшалось. Продовольствие дорожало: ржаная мука весной 1834 г. доходила до четырех рублей за пуд, а заработная плата рабочих оставалась на одном уровне.

На заводах начались более серьезные волнения.

4-го июня 1834 г. прекратили работу рабочие Сынтульского завода. По донесению меленковской дворянской опеки и московского горного управления владимирскому губернатору, рабочие утром «во многом количестве» собрались к заводской конторе и потребовали увеличения заработной

платы. Заведующий сынтульской конторой заявил рабочим, что такого вопроса самостоятельно он решить не может и донесет о просьбе рабочих опекунскому управлению. Такой ответ рабочих не удовлетворил и они решили идти жаловаться на заводские порядки уездному начальству в г. Касимов. Управляющий стал отговаривать их от такого намерения, рекомендуя лучше выбрать из своей среды одного или двух человек и послать их в опекунское управление с просьбой о повышении заработной платы, а самим до их возвращения стать на работу. Рабочие на это ответили управляющему, что в опекунское управление они с такой просьбой обращались уже три раза, но результатов от этого никаких не получилось. Теперь рабочие хотят испытать еще одно средство — отправиться всем в г. Касимов и просить уездное начальство заставить опекунское правление повысить заработную плату на заводе.

Как сообщала меленковская дворянская опека владимирскому губернатору, главными зачинщиками прекращения работ и инициаторами похода в г. Касимов были рабочие Михаил Иванов и Герасим Степанов.

Любопытная подробность: перед отправкой в г. Касимов рабочие пошли в соседнее село Таковеево и просили тамошнего священника «отслужить им напутственный молебен». Священник, находившийся в полной зависимости от заводского начальства и «питавшийся от щедрот» заводчиков Баташевых, отказался исполнить эту просьбу рабочих.

В Касимове рабочие, понятно, ничего не добились. Туда к их приходу были стянуты все полицейские силы из уезда, приведена была в боевую готовность местная «штатная воинская команда». Угрозами и убеждениями властей рабочие принуждены были ни с чем возвратиться на завод и с 6-го июня на старых условиях возобновить работы.

Таким образом, и эти волнения не принесли рабочим какого-либо улучшения их материального положения. Но несмотря на это, волнения не прекратились, и в сентябре месяце того же года с новой силой вспыхнули на самом крупном баташевском заводе — в Гусе-Железном, Меленковского уезда. Внешней причиной этих волнений послужило то обстоятельство, что 22-го сентября заработная плата рабочим была выдана не за целую неделю, как обычно, а только за половину недели.

Последовательный ход этих волнений, по донесениям меленковской дворянской опеки владимирскому губернатору, рисуется в таком виде.

23-го сентября на квартиру к опекуну над имениями и заводами наследников Баташевых Пирогову пришли рабо-

чие молотового цеха — Леонтий Лягушкин, Максим Шленн, Павел Лукьянов-Большой, Тимофей Постников и рабочие гвоздяного цеха — Гавриил Чернышков и Роман Платонов. Рабочие заявили Пирогову, что выданной им накануне заработной платы за половину недели нехватает на продовольствие, а поэтому они требуют выдачи заработка сполна и до удовлетворения этого требования работать не будут. Пирогов стал об'яснять рабочим тяжелое финансовое положение завода и дал обещание, что как только деньги поступят в заводскую контору, полный расчет с рабочими будет произведен немедленно. Это обещание Пирогова не удовлетворило рабочих и они вновь заявили, что не станут работать до выдачи сполна заработной платы за истекшую неделю. Кроме этого, рабочие об'яснили Пирогову, что они накануне ходили советоваться по этому поводу с приехавшим на завод одним из наследников Баташевых — Петру Андреевичу Баташеву, который сказал рабочим, чтобы они шли в опекунское правление и требовали выдачи сполна всей причитающейся им заработной платы. По словам рабочих, Петр Баташев заявил им, что если опекунское правление не может справляться с управлением заводами, то пусть откажется от этого дела, а когда заводы перейдут к нему, то он «будет кормить рабочих своим капиталом».

Утром 24-го сентября уже все рабочие молотового и гвоздяного цехов, в количестве около 500 человек, «на разводе заводским приказчиком оказали ослушание и в распределяемые им работы не пошли»[1], а явились в опекунское правление и пред'явили такие же требования, какие были изложены накануне Пирогову отдельными рабочими этих цехов.

Уговоров и обещаний опекуна Пирогова и приехавшего в этот день на завод чиновника горного управления обергиттенфервалтера Васильева рабочие не слушали. «Не убеждаясь никакими резонами», рабочие «требовали с грубостью» выдачи им сполна заработной платы за истекшую неделю.

Оба цеха весь день не работали, рабочие толпами ходили по заводу.

В 5 часов вечера они вновь собрались в квартире Пирогова и «дерзости против него увеличили более прежнего». Рабочие опять настойчиво требовали выдачи им сполна заработной платы, заявляя, что не приступят к работе до тех пор, пока их требование не будет исполнено.

С утра 25-го сентября к прекратившим накануне работы молотовому и гвоздяному цехам присоединились рабочие

---

[1]) Все взятые в кавычки фразы приводятся из донесений Меленковской дворянской опеки.

дощатого и котельного цехов. Около 11 часов дня рабочие «во многом числе» собрались около молотового цеха, вынесли из него икону и дали перед ней «клятвенное обещание» не возобновлять работы до полного удовлетворения их требований. Тут же было решено, что, так как опекунское правление отказывается выдать им задержанную за половину недели заработную плату, то все рабочие должны итти жаловаться на свое положение властям в г. Меленки, а если и там ничего не добьются, то итти во Владимир к губернатору.

Сходка рабочих продолжалась до 2-х часов дня. Пирогов послал заводского приказчика уговорить рабочих возобновить работу, но рабочие его слушать не стали. Твердо решив итти в Меленки, они разошлись после сходки по домам, чтобы собраться в дорогу.

По донесению главной гусевской конторы в меленковскую дворянскую опеку, главными руководителями сходки у молотового цеха были рабочие: Максим Сафронов, Михаил Якимов, Максим Андреев, Павел Лукьянов-Большой и Тимофей Постников.

Около 3-х часов дня рабочие снова собрались к молотовому цеху и послали за местным священником, прося его «отслужить напутственный молебен и принять от них заруку». Священник просьбу рабочих исполнить отказался.

У заводской заставы приказчик со своим помощником снова пытались остановить рабочих от их путешествия в Меленки. Приказчик напомнил рабочим, что они недавно дали заводскому и полицейскому начальству подписку в том, что не будут целыми цехами пред'являть какие-либо требования; грозил тяжелой ответственностью за их поступок; рекомендовал послать делегацию из 2-3 рабочих, а самим вернуться на завод. Уговоры приказчика рабочих не остановили, и они около 4-х часов дня ушли в Меленки.

Меленковские власти заранее были извещены заводским начальством о том, что туда идут рабочие Гусевского завода, поэтому приход последних утром 27-го сентября не явился для властей неожиданностью. Рабочие прежде всего пошли в дворянскую опеку, но, не дождавшись там никаких результатов, отправились на квартиру к меленковскому предводителю дворянства Евсюкову, которому и об'яснили свое материальное положение и причины оставления работ на заводе. Евсюков заявил рабочим, что опекунское правление в скором времени получает под залог части имения Баташевых ссуду и по получении ее произведет полный расчет с рабочими. Напомнив рабочим, что они за самовольное оставление работ подвергают себя тяжелой ответственности,

Евсюков советовал им отправиться обратно и возобновить работу, ожидая в скором времени выдачи задержанной заводской конторой заработной платы.

Рабочие послушались совета Евсюкова и в тот же день отправились обратно на завод. С 29-го сентября работы на заводе возобновились.

Донося об этом волнении рабочих владимирскому губернатору, меленковская дворянская опека писала, что в среде рабочих всех баташевских заводов недовольство усиливается, что рабочие пользуются всяким случаем, чтобы «устроить бунт». В противовес рабочим, опека очень хорошо отзывалась о конторских служащих на заводах, которые «будучи рассудительнее грубого чернорабочего народа, терпят по нужде недостатка в конторе денег жалованье свое за конторою без малого до 20 недель и возмущения не производят». Волнения рабочих на Гусевском заводе опека пыталась об'яснить тем, что рабочих подговаривает на это приехавший на завод Петр Баташев, и просила губернатора запретить ему до раздела имения появляться на территории завода.

Уважена ли была последняя просьба меленковской дворянской опеки — неизвестно. В архивных материалах не удалось пока обнаружить и сведений о том, пострадал ли кто из рабочих за участие в волнениях и выполнено ли было обещание предводителя дворянства Евсюкова о скорой выдаче рабочим недоданной опекунским правлением заработной платы.

Но и после этих волнений положение рабочих Гусевского завода не только не улучшилось, но с каждым годом становилось все хуже и хуже. Опекунское правление не справилось с управлением заводами, опекуны за бесхозяйственность и упущения один за другим пошли под суд. Назначенная царем в 1836 г. следственная комиссия установила, что за 14 лет опекунского управления (с 1822 по 1836 г.) убыль капитала по баташевским заводам выразилась в 2.440.026 р. 26 коп.

В 1835 г. баташевское имение было разделено между наследниками, при чем Гусевской завод достался Ивану Андреевичу Баташеву. Что из себя представлял этот новый владелец завода видно из того, что еще в 1833 г., еще до раздела имения, над ним «за невоздержанную его жизнь и пристрастие к горячим напиткам» была уже назначена опека. Таким образом, для Гусевского завода положение после раздела баташевского имения фактически почти не изменилось — он попрежнему остался в ведении опекунского правления. К большим долгам по заводу прибавились еще долги

самого Баташева, да плюс к этому ему самому пришлось ежемесячно выдавать на прожитие по 200—500 рублей» [1]).

Вполне понятно, что такое состояние завода прежде всего тяжело отражалось на материальном положении рабочих. С конца 1834 года началось систематическое снижение заработной платы и расценков по всем цехам. Насколько интенсивно шло это снижение видно из того, что к началу 1835 г. расценки по основным цехам Гусевского завода были уменьшены: в катальном цехе — на жесть по 20 к. с сотни, (т.-е. наполовину — до этого сотня стоила 40 коп), на шинное железо по 1 к. с пуда; в дощатом цехе — с аршинного брака по 2 р. 50 к., с трехчетвертного квадратного по 1 р., с трехчетвертного простого по 50 к., со сковородных кругов по 1 р., с двухаршинных досок по 5 р. с сотни, с досок разных сортов от 40 до 60 к. со штуки, с жести одинарной по 30 к. с сотни; в гвоздяном цеху — с разных сортов гвоздей от 1 до 10 коп. с сотни; в кузнечном, кастрюльном, сковородном и лудильном цехах — со всех изделий от 1 до 10 коп. со штуки и т. д.

Уменьшение оборотного капитала и сокращение заказов приводило к тому, что часто весь завод или отдельные его цеха останавливались, а рабочие посылались на другие работы — заготовку дров, жжение угля, копку руды и т. д. Для рабочих, зависевших исключительно от заводских заработков, эти остановки завода создали прямо невыносимое положение. Если и при низких расценках рабочий на заводе все же зарабатывал в среднем в неделю от 3 до 4 р., а квалифицированный и до 6 р., то на посторонних работах недельный заработок не превышал 2 р., хотя на эти работы почти каждый прихватывал кого-либо из своей семьи. Кроме этого, заготовка дров, добыча руды и осыпка угольных ям происходили вдали от завода, так что рабочим приходилось употреблять много времени на хождение туда и обратно [2]).

Учитывая неудачу волнений в 1834 году, рабочие долгое время пытались мирными способами обратить внимание властей на свое тяжелое материальное положение. В Меленки и во Владимир неоднократно посылались ходоки, подавалась жалоба министру внутренних дел, но все это оставалось без результатов. В 1837 г. через г. Касимов проезжал будущий царь Александр II, тогда «наследник престола». Узнав об этом, рабочие выбрали из своей среды делегацию, собрали

---

[1]) Богатов — «Металлургическая промышленность Владимирской губ.», стр. 31—33.

[2]) Осыпка угольных ям, например, производилась в 30-ти верстах от завода.

ей на дорогу четыре полуимпериала[1]) и послали ее подать жалобу на заводское начальство. Результатов от этого также никаких не получилось.

Чаша терпения рабочих переполнилась, когда в сентябре 1837 года один из ходоков, Ермил Степанов, за подачу жалобы от имени рабочих владимирскому губернатору был приговорен судом к наказанию плетьми. Чтобы отучить рабочих «беспокоить высшие правительственные места затейливыми и прихотливыми просьбами», или такими просьбами, которые «сопряжены с невозможностью удовлетворить избыточные их желания», — решено было наказание Степанова произвести на заводе в присутствии всех рабочих. Для этой цели 27-го сентября на завод приехал дворянский заседатель меленковского земского суда Черневский, в присутствии которого и всех рабочих завода и был исполнен приговор суда над Степановым.

Но результаты от этого получились не те, какие ожидало начальство. После наказания Степанова рабочие кузнечного, кастрюльного и дощатого цехов отказались по наряду приказчиков стать на работу. Узнав об этом, немедленно к ним присоединились рабочие гвоздяного цеха. Образовалась толпа в 400—500 человек. По донесению приказчиков, рабочие «буйственно выражались о намерении оставить заводские действия», «дознать о причинах наказания мастерового Степанова» и итти всем жаловаться на такие порядки высшему начальству.

Дворянский заседатель Черневский и заводские приказчики стали было уговаривать рабочих отказаться от их намерения и послать с жалобой делегацию в составе двух-трех человек, но получили на это от рабочих резонный ответ, что делегатов они больше посылать не будут, так как последние, подобно Степанову, должны страдать за всех, и что в дальнейшем они будут добиваться улучшения своего положения только всем заводом.

После этих переговоров с дворянским заседателем и приказчиками рабочие вышли с заводского двора на площадь за плотину, где к ним присоединились рабочие молотового и катального цехов. Из одной рабочей квартиры были вынесены стол, икона и хлеб и все рабочие дали клятвенное обещание дружно поддерживать свои требования перед властями в Меленках и во Владимире, куда все рабочие должны немедленно отправиться. По донесению опекуна поручика Лукина в дворянскую опеку, рабочие здесь же заключили клятвенный договор в том, что если кто не

[1]) Полуимпериал — 5 золотых рублей.

пойдет с полною, то у того разорить весь дом и самого его отдать в солдаты».

Видя вредную решимость рабочих касательно оставления их занятия и через то навлечения разорительных убытков для имения», дворянский заседатель Черневский и заводские приказчики вторично пришли к рабочим и вновь стали их убеждать возобновить работу и послать в Меленки двух-трех человек. Красноречие Черневского как будто бы имело успех. По его сообщению губернатору, рабочие совсем было отказались сообща итти в Меленки и даже понесли обратно стол, хлеб и икону, но в это время на площадь явился в дорожной одежде, с кошелем и посохом, наказанный мастеровой Ермил Степанов, поднял над толпой руку с надетой на ней шапкой и закричал:

«Пойдемте куда задумали, всех нас не пересекут».

Призыв Степанова подействовал на рабочих. Снова были вынесены на площадь стол, хлеб и икона, повторено было клятвенное обещание, рабочие попрощались со своими семьями и в числе около 600 человек отправились в Меленки. Вновь пытаться убеждать рабочих заводские приказчики «почли себя опасным».

В Меленки рабочие пришли в 9 часов утра 29-го сентября и остановились на площади против корпуса присутственных мест. Вскоре сюда собралось все уездное и городское начальство. Уездный судья Качиони, исправлявший должность предводителя дворянства, стал спрашивать рабочих о причинах прекращения ими работ и прихода в Меленки. Рабочие подали ему прошение и об'яснили словами, что они находятся в очень тяжелом материальном положении, что заводское начальство задерживает выдачу им заработной платы, посылает на посторонние работы по добыче руды, заготовке дров, угля и т. д. Качиони также стал убеждать рабочих возвратиться на завод, угрожая тяжелой ответственностью за самовольное прекращение работ и нанесение этим убытков своему помещику.

В конце своих очень долгих убеждений Качиони заявил, что прошение рабочих будет внимательно рассмотрено дворянскою опекою, а определение об'явят им через земский суд.

Доводы эти рабочих не удовлетворили и они потребовали выдачи билетов для прохода их поверенных во Владимир и Петербург. На это Качиони ответил, что если они останутся недовольны определением дворянской опеки, то он даст приказание опекуну о выдаче их поверенным билетов для прохода во Владимир.

На этом переговоры рабочих с уездными властями закончились. К вечеру рабочие отправились из Меленок, но не на завод, а по дороге во Владимир.

До Владимира рабочие, однако, не дошли. Неизвестно по каким причинам, они решили послать во Владимир только трех рабочих — Филиппа Игнатьева, Василья Тимофеева и Илью Иванова, а все остальные небольшими партиями в течение двух дней возвратились на завод.

С 4-го октября на заводе возобновились работы.

Во Владимире посланные рабочими ходоки подали прошение губернатору, в результате чего на завод был командирован советник губернского правления Станиславский, который в течение месяца производил следствие о причинах волнении и положении рабочих на заводе.

Но и это следствие не внесло никакого изменения в положение рабочих. Все дело было передано на рассмотрение губернского правления, которое 23-го декабря 1837 года вынесло такое определение:

«Из представленных следствий усматривается:

1) что рапорт мастеровых на неисправную дачу задельной платы и употребление не на заводские работы произошел в тот самый час, когда бывшим прежде поверенным их мастеровой Ермил Степанов за ослушание против начальства был наказан плетьми;

2) некоторое уменьшение плат с заводских изделий и посылка на другие работы не есть действие той недели или месяца, но учреждение, основанное на недостатке заводских капиталов и самих материалов к производству работ, продолжающееся уже несколько лет и известное самим мастеровым;

3) употреблять мастеровых кроме занятий по заводу в другие работы дозволено положением о горных заводах и сие в настоящее время тем более сделалось необходимым, что от Ивана Баташева отошло по разделу 2 тыс. душ крестьян другому сонаследнику, а эти люди доставляли заводу немалое пособие рубкою дров, жжением угля и копкою руды;

4) что мастеровым, которые находят невыгодным для себя заниматься по заводу, предоставлено право сторонней промышленности, даже с тем, что они никакого не платят оброка, сверх того, за них же оплачиваются подати из общих заводских сумм;

5) что на избрание поверенных никогда воспрещения не было;

6) из собственных показаний мастеровых и следствия ясно видно, что они собрались толпою в Меленки, с жалобою на стеснения потому, что прежний поверенный Степанов наказан телесно, и что если изберут и других поверенных, то не надеются в успехе, к чему они возбуждены были как тем Степановым, так и еще Васильем и Филиппом Игнатьевыми, Андрианом Киреевым, Антоном Федоровым, Васильем Хлыновым, Трифоном Карповым, Козьмою Антоновым, Алексеем Федоровым Вагиным, Никитою Алексеевым и Алексеем Баклуновым

По соображении вышеизложенных обстоятельств, губернское правление определяет:

Предписать Меленковскому земскому суду об'явить мастеровым, что просьба их оставлена без уважения и чтобы они впредь отнюдь не осмеливались уходить с завода толпою для принесения жалобы;

[Но, если встретят в том надобности, то избрали бы одного или двух поверенных, а в противном случае они обращены будут к порядку, как ослушники, военною экзекуциею][1]).

Следствие отослать в Меленковский уездный суд, предписав ему с главными зачинщиками происшедшего беспорядка поступить по законам.

Свидетельство, данное из Меленковского земского суда господину советнику Станиславскому о числе верст от Меленок до Гусевского завода, препроводить в казенную палату.

[Затем от лица г. гражданского губернатора отнестись к исправляющему должность Меленковского предводителя, чтобы он внушил опекуну Лукину и вообще заводскому управлению, что в подобных делах, как волнение между мастеровыми, никакая переписка между ними неуместна и что таковые случаи должны быть прекращаемы тотчас при обнаружении, и если бы собственные способы не были к тому достаточны, то тотчас же давать знать местному земскому суду].

А тамошней дворянской опеке, поставив ей в вину вышеизложенные обстоятельства, велеть по соображении оных, с сведениями, какие она имеет относительно хозяйственных распоряжений по заводам г. Баташева, сделать свое заключение и о содержании оного довести на дальнейшее распоряжение московского горного правления».

21-го февраля 1838 г. меленковский земский суд донес во Владимир, что это определение губернского правления объявлено под расписку всем мастеровым Гусевского завода.

На этом заканчиваются имеющиеся во Владимире архивные материалы о волнениях рабочих на баташевских заводах в 30-х годах прошлого столетия.

---

[1]) Заключенное в прямые скобки — в подлиннике зачеркнуто.

Ал. Коротенко

Новое о Ип. Н. Мышкине

Ниже мы печатаем три документа о попытке побега из Ново-Белгородской тюрьмы в апреле 1880 года Ип. Мышкина, куда он был водворен после процесса 193-х. О революционной деятельности Ип. Мышкина у нас имеется большая литература, которая достаточно полно освещает Мышкина как революционера. Для определения места Мышкина среди революционеров-народников 70 и 80 гг. достаточно будет разве только вспомнить характеристику В. И. Ленина, освещающую Мышкина как практического деятеля: «По кружкам корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова» [1].

Первым из печатаемых нами документов является донесение Временному Харьковскому генерал-губернатору о попытке побега Мышкина из Ново-Белгородской тюрьмы, обнаруженной 18 апреля 1880 г. Этот [illegible], что из него [illegible], с [illegible], а также с мизерными средствами, Мышкин [illegible] под тюремные стены. Этот документ [illegible] печатаемых ниже показаний Мышкина о [illegible], [illegible] которых мы можем видеть его политические взгляды.

Его мысли [illegible] в Сибири «Новой России», [illegible] в этом документе, [illegible] утопичностью, особенно, когда эти мысли [illegible] с взглядами, высказанными им на процессе 193-х, относительно того, что [illegible] справедливую организацию [illegible] революции и в союзе с массами.

Но как [illegible], что такой корифей, — [illegible] в процессе 193-х, [illegible] утопистом, и как он свою [illegible] «частной» по сравнению с последовавшим манифестом Александра II?

На [illegible] ответ [illegible] из наших документов, на основе [illegible], что время, проведенное Мышкиным [illegible], что он стал не совсем [illegible], что в последующие годы подтверждали С. [illegible] и В. [illegible] и против чего так энергично [illegible] М. [illegible], доказывая, что Ип. Мышкин был [illegible] нормальным человеком. Конечно, очень [illegible] на основании печатаемых нами документов и на основании в с-

[1] Ленин, т. IV. Изд. 3-е. Стр. 442.

[2] «Кат. и Ссылка», 1924 г., № 1.

[3] Там же.

по мнению С. Ковалика и Вл. Короленко утверждать, что Ип. Мышкин был не совсем нормальным человеком.

Если же это верно, то тогда можно и не обращать внимания на его утопические, бесхребетные, бесклассовые, политические взгляды, не обращать внимания на его теорию о том, что с изменением географической среды изменится к лучшему и положение народа, и, наконец, не придавать большого значения его надеждам на милость монарха в устройстве «Новой России».

Если же он действительно был вполне нормальным человеком, как утверждает М. Чернавский в своих воспоминаниях (а М. Чернавский познакомился с Ип. Мышкиным уже после 1880 года), то тогда придется внести большие коррективы и в революционность Ип. Мышкина, и во всю ту обширную литературу, какая написана о нем.

Пока-что полных и достоверных документов по этому вопросу не имеется, а потому и нельзя утверждать что-нибудь положительное о нормальности Мышкина [1].

Однако, документы, публикуемые нами, особенно показания Мышкина, — представляют собою большую историческую и политическую ценность для изучения периода народничества.

Господину Харьковскому Генерал-Губернатору.

Смотритель Ново-Белгородской центральной тюрьмы рапортом от 18 апреля за № 20 доносит мне, что содержащийся во вверенной ему тюрьме политический ссыльно-каторжный Ипполит Мышкин имел намерение сделать побег, для чего вынул одну доску из пола в № 7 правой одиночной камеры и прорыл довольно значительную яму под стену камеры по направлению к мастерской, но того же 18-го числа действия его были обнаружены младшим надзирателем Филиппом Максименком. Вследствие чего Мышкин посажен в карцер на 6 дней с наложением ножных кандалов, а по окончании срока ареста он будет переведен в другую одиночную камеру левой одиночки. Мышкину дозволено было заниматься рисованием географических карт статистического атласа и наклеиванием таковых на коленкор. Из коленкора этого он успел сшить себе на живую нитку пиджак, брюки и фуражку и заготовил два фальшивые свидетельства, — одно от 9-го апреля за № 2387, на имя Новгородского мещанина, а другое на имя коллежского регистратора Дмитрия Николаева Андреева, печати на свидетельствах сделаны им от руки посредством рисования тушью: это доказывается тем, что печать на одном свидетельстве более, а на другом менее и в средине орла на одной печати нет установленного герба. Вещи эти и свидетельства найдены под полом камеры вместе с орудиями, которыми

---

[1]) В качестве материала, который необходимо учесть при решении этого вопроса, мы помещаем ниже статью М. М. Чернавского «К показанию И. Н. Мышкина».

Мышкин копал яму, а именно: деревянною лопаткою не более 5-ти вершков длины, тупым шилом и обломком железа, вставленным в кусок дерева, длиною с деревом 4 вершка. Землю из ямы Мышкин помещал под полом, так как там оказалось большое пустое пространство, накат совершенно сгнил, а равно и концы балок, так что вынуть доску ему не нужно было большого труда [1]).

Господину Харьковскому Генерал Губернатору.

В дополнение к представлению исправлявшего должность харьковского губернатора, от 26 минувшего апреля за № 2.909-м, имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что по произведенному дознанию о покушении на побег из Ново-Белгородской каторжной тюрьмы государственного преступника Ипполита Мышкина обвиняются: во-1-х, Мышкин: а) в покушении на побег из тюрьмы; для приведения в исполнение таковаго замысла он, срезав в камере половую доску, посредством находившихся у него инструментов, сделал подкоп к тюремному двору, не окончив его по причине открытия таковаго тюремным надзирателем, сшил костюм из коленкора, данного ему для наклейки дозволенных ему рисовать географических карт, и б) в составлении двух подложных свидетельств от Херсонского губернского правления: одно на имя новгородского мещанина Дмитрия Андреева, а другое на имя, служащего в том правлении, коллежского регистратора Дмитрия Андреева, для свободного прохода в Новгород, Киев, Москву и на Соловецкие острова. Во-2-х, тюремное начальство, допустившее таковой подкоп, шитье костюма и составление подложных официальных бумаг, что должно отнести к ненаблюдению за Мышкиным, так как для совершения всего сделанного им, при таких ничтожных орудиях, каковы маленькая (в виде штукатурной) деревянная лопатка, найденная им в саду, шило, сделанное им же из гвоздя, взятого в зимней раме и кусочек железа, потребовалось довольно продолжительное время. А потому, предварительно разрешения вопроса о том: какому наказанию подлежит преступник Мышкин за покушение на побег из каторжной тюрьмы и составление двух подложных свидетельств, имея в виду, во-первых, сомнительное состояние умственных способностей Мышкина, что замечается из содержания его показания и удостоверено

---

[1]) Харьковский Краевой Исторический Архив. Фонд канцелярии бывшего Харьк. генер.-губернатора № 107 — 188[illegible] г., листы 1 — 2

тюремным врачом чиновнику особых поручений, и во-вторых, 92 ст. улож. о наказ., изд. 1866 г., по которой преступления не вменяются в вину по безумию, сумасшествию и припадкам болезни, приводящим в умоисступление или совершенное беспамятство, — предложено врачебному отделению губернского правления исследовать, не одержим ли Мышкин каким-либо из об'ясненных недугов. Рассмотрение же поступков тюремного начальства поручено 1-му отделению правления. При этом имею честь представить копию показания Мышкина [1]).

3-го мая 1880 года я, чиновник особых поручений при харьковском губернаторе, Двигубский, расспрашивал ссыльно-каторжного Ипполита Мышкина, который показал следующее:

«Да, у меня была мысль о побеге и я делал некоторые приготовления, чтобы при удобном случае, если таковой представится, покуситься привести эту мысль в исполнение. Но об'явление нам высочайшего манифеста по случаю 25-тилетнего царствования нынешнего государя, в силу каковаго манифеста всем политическим преступникам дарована ограниченная амнистия, делало излишним дальнейшее осуществление оного замысла. Если бы тюремное начальство не лишило меня письменных принадлежностей и нужных для меня книг, то я давно изготовил бы потребованный от меня г. министром внутренних дел ответ на вопрос о свойстве общественной общегосударственной реформы, способной поднять благосостояние русского народа да и тогда я немедленно был бы, согласно высочайшему манифесту, освобожден отсюда. — Пользуясь настоящим случаем, я могу заявить, что, хотя лишенный ныне всяких вообще книг и вообще всяких средств для умственного труда, я не могу подкрепить свой социальный проект необходимыми цифровыми данными, но могу выразить основную идею и, если г. министру угодно будет признать ее справедливою и осуществимою, то я обязуюсь разработать ее во всех подробностях. Что касается до остальных предложенных мне вопросов, то хотя они не имеют ныне для меня никакого значения, я готов на них дать ответы, если ближайшее начальство для своих видов желает получить от меня эти ответы. — Когда я именно приступил к приведению в исполнение приготовлений своей несчастной мысли (несчастной по сравнению с последовавшим манифестом), я с точностью сказать не

---

[1]) Харьковский Краевой Исторический Архив. Фонд канцелярии временного Харьковского генерал-губернатора № 107, дело № 96, 1880 г., 3-й лист.

могу, но зимою; доску я вынул так: маленьким ножичком очистил дерево, окружающее наружный конец гвоздя, вбитого в крае доски, и затем оказалось ненужным производить такую же операцию над соседним гвоздем: последний сам и без того стал выниматься; но все-таки нужно было повторить то же самое и с двумя средними гвоздями, тогда доска поднялась. Костюм из коленкора сшит незадолго до об'явления нам манифеста, всего за несколько дней. — Лопаточка деревянная найдена мною в саду; я не знаю, о каком шиле меня спрашивают; если под этим разумеется гвоздь, вделанный в дерево, то гвоздь взят мною от зимней рамы; паспорты на имя Дмитрия Николаева Андреева представляют мои упражнения в подделке фальшивых паспортов; у меня было еще два-три таких упражнения, но я их разорвал, да и на этих, что найдены, печать вышла такая плохая, что я не считаю их доказательствами моей способности в этом преступном деле. Во всем том, что мною сделано было, никто не оказывал мне содействия, но я изыскивал случая дать знать на волю, чтобы кто-нибудь из бывших моих товарищей помог мне; только при этой помощи можно было бы рассчитывать на сколько-нибудь успешное окончание моего замысла; к счастью, об'явление нам манифеста сделало излишним дальнейшие мои хлопоты и избавило меня от весьма вероятного окончательного погубления себя. Бдительности стражи я избегал, соблюдая обыкновенную осторожность; шить костюм мне можно было потому, что дан был мне коленкор для наклейки карт и чертежей. На вопрос припомнить поточнее время начала моих приготовлений я могу сказать, что доска вынута вероятно за месяц или немного ранее до об'явления манифеста. В заключение убедительнейше прошу распорядиться, чтобы тюремное начальство не ставило мне препятствий для изготовления упомянутого выше ответа г. министру и в особенности, чтобы мне дана была библия, так как в основу ближайшего будущего строя в религиозном отношении, я после тщательного обсуждения этого предмета кладу монотеизм, а для того, чтобы ответить, какая именно форма монотеизма считается мною наиболее пригодною, одна ли из существовавших уже в истории различных народов или скомбинированная из них, мне необходимо прежде всего всесторонне ознакомиться с древнейшею формою монотеизма, именно еврейскою, и проследить его историческое развитие, запечатленное в библии. Опасаясь, что ближайшее начальство, из зависти, еще долго будет препятствовать успешному занятию моему социальным проектом, я здесь же изложу в кратких словах фундаментальную мысль его: я исхожу из евангельского положения, что нельзя

«вино новое вливать в мехи старые»; в применении к общегосударственным работам это значит, что только при новой материальной обстановке может быть создано новое общество; известно, что материальная обстановка неотразимо влияет на всю человеческую жизнь, следовательно, если данные физические условия страны привели общество к таким то социальным формам, которыми мы оказываемся недовольны, то, чтобы достигнуть радикального изменения этих форм, нужно иметь дело с радикально иными физическими условиями; этого можно достигнуть путем правильной в обширных размерах колонизации на общегосударственный счет. — Россия в этом отношении находится в отличном положении; она имеет обширные еще не занятые пространства, которые еще ждут человеческой культуры. В моем проекте центром новой России или, лучше сказать, базисом ее, должна послужить долина реки Амура, и затем от этой долины население должно распространиться во всех возможных направлениях и особенно по течениям рек Витима, Олекмы и Алдана и затем все далее к западу: к долине Енисея с ее Тунгузками, далее в Барабинскую степь, к Оби и т. д. Начало осуществления проекта должно быть таково: должна быть снаряжена экспедиция на Амур из представителей всех губерний; эти представители должны быть назначены губернскими земскими собраниями, в губерниях, где введены земские учреждения, а где не введены, — там губернскими, областными или войсковыми управлениями. Эта экспедиция должна исследовать край в экономическом отношении и определить места для первоначального поселения первых колонистов из древней России в новую. Когда эта экспедиционная работа будет выполнена, тогда те же учреждения, которые выбирали членов экспедиции, выберут по 1000 человек из каждой губернии; это будут пионеры новой России, они должны быть выбраны из лиц, наделенных лучшими физическими и душевными качествами; только такие люди в состоянии будут заложить прочный фундамент новой России, все худшее пусть остается и доживает на старых местах. — В следующие годы размер колонизационных работ, при содействии начальных поселенцев, может быть все более и более расширяем. От изложения моего мнения относительно подробностей моего проекта я никогда не откажусь. Твердо веря в практическую осуществимость и неизмеримо благодетельные последствия моего проекта, я надеюсь, что г. министр, вновь назначенный недавно, проникнутый искренним желанием улучшить судьбу несчастного русскаго народа, — так по крайней мере я слышал о нем, — отнесется с должным вниманием к моему социальному проекту. На до-

почтительный вопрос о времени начала преступных работ, я хотя не могу с точностью определить его, но если не изменяет память, доска вынута при прежнем смотрителе, а все остальное сделано при новом. Сверх того желаю заявить еще, что мне крайне необходима библия.

Ипполит Мышкин.

Все, что я помню, мною показано, более ничего показать не могу. Мышкин [1]).

М. М. Чернавский

К показанию И. Н. Мышкина

Показание — документ чрезвычайно интересный и для Мышкина весьма характерный.

Симуляция бросается в глаза с первых же строк. Прежде всего привлекает внимание стиль. Разве Мышкин так разговаривал? Если бы он писал свое показание в состоянии невменяемости, его обычно резкий, порывистый язык, освобожденный от контроля сознания, должен был бы еще более обостриться. Здесь же какая-то кисло-сладкая размазня. Здесь стиль нарочито сделанный, при чем каждое слово взвешивалось на аптекарских весах. Перед нами как будто произведение маленького чинуши, в роде какого-нибудь надворного советника, мечтающего своим прожектом облагодетельствовать родину да, кстати, и продвинуться по службе. И в то же время это сознательно скомбинированная чепуха изложения в преднамеренном беспорядке. Несомненная симуляция, тщательно до мельчайших подробностей продуманная.

Таково первое впечатление, производимое чтением этого документа. И оно не только остается непоколебленным, но даже усиливается, когда начинаешь разбирать его в деталях, когда задаешься вопросом, почему попала в этот винегрет из разного рода чепухи и действительных фактов та или другая подробность. Тут получается нечто неожиданное: начинаешь замечать, что сквозь смиренно почтительный тон всего произведения местами просвечивает как будто явное издевательство. Начнем с пресловутого манифеста по случаю 25-летнего юбилея царствования Александра II. Какой-нибудь

---

[1]) Харьковский Краевой Исторический Архив. Фонд Харьк. губерн. правления № 114 80 1-го отделения 3-го стола за 1880 г., л. л. 6—7.

Ред.

манифест, вероятно, был (к сожалению, я не в состоянии справиться по газетам того времени), но «ограниченной амнистии» политическим преступникам, не было [1]). Во всяком случае нам в централке таковая не об'являлась [2]).

Не подлежит сомнению тот факт, что до коронационного манифеста Александра III в 1883 году никто из централистов никаких смягчений не получил. Об'явление нам амнистии Мышкин выдумал. Дело в том, что юбилей-то был почти на все сто процентов испорчен. Надо вспомнить события того времени. 25-летие «благополучного» (такое определение всегда употреблялось в официальных документах) царствования Александра II истекало 19 февраля 1880 г. К юбилею начали готовиться задолго до его наступления. Помнится, в тюрьме передавали, — должно быть со слов доктора [3]), — что на воле ходят слухи о готовящейся амнистии по случаю праздника. Но ровно за 2 недели до наступления торжественного дня, 5 февраля, С. Н. Халтурин устроил в Зимнем Дворце взрыв. В правительственных сферах, разумеется, происходит большой переполох. Учреждается чрезвычайная верховная комиссия для борьбы с крамолой. Тут было не до амнистии. Юбилей был скомкан. Знал ли Мышкин о взрыве в Зимнем Дворце? Наверное знал. Он был большой мастер выковыривать из доктора новости.

Думается мне, что Мышкин испытывал превеликое удовольствие, приправляя свой винегрет острым перцем напоминания об испорченном юбилее.

Перехожу к основной части показания, к проекту о переселении на Амур. Выбор темы и самое изложение заставляют вспомнить Щедрина. Знаменитый сатирик неоднократно с грустью отмечал исконную тягу русского мужика на новые места, туда, где текут молочные реки в кисельных берегах; его привычный метод борьбы со всякого рода обидами и притеснениями — бегство подальше от начальства, стремление запрятаться в пустыню или в глухие леса, — «сказаться

---

[1]) Никакого манифеста относительно амнистии в действительности об'явлено не было.

[2]) Должен оговориться 1880 г. в моей памяти подернут туманом особенно последние 2—3 месяца пребывания в централке. В эти месяцы я уже занимался ловлей своего двойника. Надзиратели отзывались обо мне караульному офицеру как о сумасшедшем. Если я смело утверждаю, что нам амнистия не об'являлась, то главным образом на том основании, что до 1883 года никому из централистов никаких сокращений сроков не было.

[3]) Новости проникли в тюрьму двумя путями: или со свиданий (иногда родственникам удавалось шепнуть кое-что о событиях на воле), или доктор набирался храбрости и тоже шептал кому-нибудь из заключенных.

Ред.

в четях», как говаривали в старину. Русское правительство нередко эксплоатировало эти склонности русского мужика. Когда требовалось заткнуть какую-нибудь дыру, смягчить недовольство, оно прибегало к переселению недовольных на новые места. В 70-х годах, убедившись, что «великая реформа» не осчастливила мужика, правительство приходит к мысли о необходимости разредить население в местностях Европейской России, где крестьяне особенно страдали от малоземелья. Начинается обычная бюрократическая суета с мероприятиями по переселению. Когда Мышкин, задумавши притвориться сумасшедшим, подыскивал для себя пунктик помешательства, — непременно «благонамеренным», — он вспомнил об указанной антипатичной для всякого революционера черте русского крестьянина и об основывавшихся на ней мероприятиях правительства и решил, что искомый пунктик найден. Проект переселения на Амур составлялся по Щедрину. Мышкин несколько раз называет свой проект «социальным», говорит о создании «нового общества», об основании «Новой России». Это, якобы, жиденькая дань революционному прошлому. Повидимому, она приплетается, чтобы замаскировать притворство, чтобы его не разгадали.

«Социальный проект» все-таки не обходится без приправы острым перцем. Разве предложение правительству сплавить на Амур лучших русских людей, а у себя оставить тех, кто похуже, не смахивает на издевательство? Не лишен пикантности также и особый интерес к древне-еврейскому монотеизму в проекте, предназначавшемся для правительственных сфер, как известно, всегда отличавшихся ярым юдофобством.

Оставим, однако, толкования и догадки, перейдем к несомненным фактам и попробуем установить связь между ними и показанием Мышкина. Может быть таким путем нам удастся решить вопрос, зачем Ипполиту Никитичу понадобилось разыграть роль Щедринского помпадура приготовительного класса.

Возьмем сначала два важнейших факта. 18 апреля происходит провал приготовлений к побегу, а 30 августа Мышкин дает смотрителю тюрьмы пощечину в самой торжественной обстановке, какая только возможна в тюрьме. Инцидент произошел в церкви по окончании обедни и молебна по случаю именин царя, в присутствии тюремной администрации, доктора (все в полной парадной форме) и почти всех уголовных арестантов (свыше 500 человек). Когда смотритель направился к попу, чтобы приложиться ко кресту, Мышкин последовал за ним, делая вид, что хочет

сделать то же самое. Сопровождавший его одиночный надзиратель, не находя в его намерении ничего предосудительного, пошел вслед за ним. Когда смотритель, поцеловав крест, повернулся, чтобы пойти к выходу, он оказался лицом к лицу с Мышкиным и получил звонкую пощечину, при чем Мышкин крикнул: «Вот тебе, мерзавец!» Показание 3-го мая ясно связано с двумя указанными событиями, но эта связь разнородна. Из события 18-го апреля показание вытекает, как неизбежное следствие, тогда как по отношению к событию 30-го августа оно является подготовительной стадией, ибо с начала до конца, во всех своих подробностях, оно имеет в виду будущую оплеуху, которая, очевидно, была твердо решена еще до дачи показания.

Мне могут возразить, что показание имело в виду только ликвидацию провала по возможности без тяжких последствий для Мышкина, — отсюда и симуляция помешательства. Последствия известны — увеличение срока каторги на несколько лет. В это время Мышкин отбыл два года, оставалось, значит, 8 лет. Восемь лет без просвета впереди, без каких бы то ни было перспектив «сидеть у моря и ждать погоды» в то время, когда на воле устраиваются такие интересные юбилеи, — для человека с характером Мышкина все равно, что 80 лет. Нужно принять еще во внимание, что за истекшие два года провал 18 апреля был вторым. Первый провал произошел около половины марта 1879 года. Была перехвачена записка З[illegible]овича[1]), из которой администрация убедилась, что новый молодой тюремный врач передает заключенным новости: он сообщил, что харьковским губернатором на место убитого Крапоткина назначен фон-Валь. У врача был произведен обыск, и он немедленно отставлен от службы. Врач этот был свой человек, на него возлагалась какая-то роль в затевавшейся тогда попытке освободить из централки одного или нескольких заключенных. Первым кандидатом был, конечно, Мышкин. Подготовительные работы вели С. Л. Перовская и М. Ф. Фроленко. Помимо проникшего уже в тюрьму врача, налаживалось, — вначале довольно успешно, — проведение в тюремную контору своего человека в качестве конторщика, но эта попытка была провалена неосторожностью кандидата в конторщики. Перовская и Фроленко были отвлечены на работы по подготовке цареубийства и попытки освобождения прекращены[2]).

---

[1]) Напечатана в статье И. Беккера «[illegible] в Ново-Белгородской тюрьме». «Каторга и Ссылка», 1927 г., № 4 (33).

[2]) Подробности см. в моем 12-м примечании к указанной в предыдущем примечании статье И. Беккера — «Каторга и Ссылка», 1927 г., № 4 (33).

Тогда Мышкин задумал освободить себя самолично, занялся подкопом. Когда же и эта надежда вырваться на волю рухнула, он оказался перед дилеммой или досиживать свой срок в централке, или найти средство заставить администрацию перевезти его куда-нибудь, откуда, может быть, удастся бежать. Отсюда решение притвориться сумасшедшим, в расчете на то, что его перевезут в другую тюрьму (сумасшедшего Бочарова от нас увезли) или даже в больницу. Но помешательство не всегда гарантирует увоз из Ново-Белгородской централки: Бочарова увезли, а Боголюбов оставался в ней до самого конца содержания в ней политкаторжан. Нужно, значит, чтобы тихое, благонамеренного характера помешательство осложнялось неожиданными припадками крайне резкого буйства, особенно неудобного для администрации. Из этих соображений возник план нападения на смотрителя 30 августа. Он был продуман заранее до дачи показания.

Доказательства моих последних утверждений я нахожу в самом показании. Выше я указывал основной пунктик помешательства. Но там есть еще и второй пунктик, старательно подчеркнутый автором показания: работе над ответом на вопрос (его, Мышкина) г. министра внутренних дел, т.-е. над проектом создания «новой» России, м е ш а е т и з а в и с т и ближайшее тюремное начальство (ясно — смотритель). Здесь заранее дается объяснение, почему у такого благонамеренно настроенного помешанного иногда могут возникать буйные припадки. В показании есть подробности, которые должны расчистить путь для успешного выполнения акта 30-го августа. Заинтересованность Мышкина вопросом, какой из вероучителей, т.-е. какую из существующих религий следует выбрать для «новой» России, должна свидетельствовать о религиозном настроении, которого за ним раньше совсем не замечалось. Это было нужно, чтобы его желание пойти в церковь не возбудило изумления и подозрения, чтобы надзиратель, когда Мышкин сделает вид, что хочет приложиться к кресту, его не остановил. 30 августа все произошло по давно разработанному плану.

Когда я писал статью о Мышкине, помещенную в № 1 (8) «Каторги и Ссылки» за 1924 год, я ничего не знал о показании и о симуляции. Поэтому выступление 30 августа я истолковал, как акт резкого протеста против условий содержания политзаключенных, рассчитанный на смертную казнь. Меня натолкнул на такое истолкование совершенный позднее подобный акт в Шлиссельбургской крепости, повлекший за собою расстрел Мышкина. Теперь приходится внести поправку к указанной статье. Мне думается, что, создавая свой

план, Мышкин имел в виду два исхода, два варианта: или его признают помешанным и куда-нибудь увезут, или не поверят его помешательству и тогда — смерть. Для первого варианта он сделал все своим показанием, для второго варианта он также сделал все тем, что выбрал для своего акта такую обстановку, которая отягчала его в глазах властей в сильнейшей степени. Повидимому, он ничего не имел против того и другого исхода, но он не в силах был примириться с 8-летним сидением у моря в ожидании погоды.

Позвольте закончить анализ показания маленькой поправкой. Мышкин показывает, что лопаточку он нашел в саду. Убежден, что это неправда. Достаточно ознакомиться с условиями прогулки в саду, чтобы убедиться, что он не мог принести оттуда лопаточку. Представьте себе прямоугольный треугольник, один его катет длиною 4 метра, другой около 8 метров. Заключенный должен гулять по тропинке, идущей по катетам. Надзиратель стоит на средине гипотенузы. Сойти с дорожки нельзя, — сейчас же окрик: «Куда пошел? Ходи по дорожке!» Если бы лопаточка оказалась даже на самой дорожке, ее надо незаметно поднять и спрятать под бдительным наблюдением надзирателя. Нужно принять во внимание, что здесь в 1878 году произошел провал переписки между заключенными правой одиночки. На длинном катете возле тропинки стоял садовый стол — щелеватый и скамейка — тоже щелеватая. Заключенным разрешалось присаживаться отдохнуть. По инициативе Мышкина задумали использовать стол и скамейку для переписки. Не успела переписка как следует развернуться, как произошел провал. А ведь сунуть или вынуть незаметно из щели маленькую записочку гораздо легче, чем поднять с земли и спрятать лопаточку. Не мог Мышкин так рисковать, да не было и надобности. Он мог сделать лопаточку сам. В вышеупомянутой моей статье рассказано, как Мышкин добивался физической работы и как сначала политкаторжанам было разрешено колоть и пилить дрова за забором, поставленным во дворе, а потом одна из камер, в правой одиночке, была превращена в столярную мастерскую. В этой мастерской я впервые начал столярничать. Работали в одиночку под замком. Учились друг у друга, присматриваясь к исполненной работе товарищей. Вначале при выпуске и впуске в мастерскую заключенного обыскивали, но потом обыски прекратились. Надзиратель при выпуске из мастерской обязан был только проверить наличность инструментов. Когда Мышкин выяснил, что может поднять половицу, он мог начать столярничать, строить, напр., табуретку, сделать лопаточку и унести ее, спрятав под курткой. За мастерами следили слабо:

слышны звуки работы и т. д.? Но сказать следователю правду Мышкин не мог. Он знал логику царских чинуш: «Ага, сделал лопаточку для подкопа — закрыть мастерскую при правой одиночке!»

Последствия событий 1 апреля и 30 августа сложились по первому варианту. Мышкина перевезли в Ново-Борисоглебскую централку, но он оставался там недолго. Около половины октября всех централистов вывезли из централок в Мценскую пересыльную тюрьму для отправки весной в Сибирь. Это и произошло не в силу какой-нибудь амнистии, а в порядке «мер кротости, смягчения репрессий», «в целях умиротворения и успокоения взбудораженного общества». Распоряжение исходило от председателя чрезвычайной верховной комиссии. Оно было проявлением так называемой «диктатуры сердца» и свалилось к нам, как снег на голову, совершенно неожиданно.

Кажется, довольно скоро по прибытии в г. Мценск я услышал от кого-то из товарищей, что Мышкин, по словам Ковалика, производил в Ново-Борисоглебске впечатление ненормального человека. Я не обратил на это сообщение ни малейшего внимания и даже не потрудился спросить Ковалика, что привело его к такому заключению. Дело в том, что в Мценске я вошел в общение с множеством товарищей, на которых смотрел снизу вверх, и потому жадно ловил впечатления, наблюдал, сравнивал. Мышкин и Ковалик выдвигаются на первый план, на них особенно сосредоточено мое внимание. В результате в моей голове начинает сверлить мысль: вот передо мной два живых существа, оба построены по одному плану, из одного и того же материала, мало того — оба и настроены одинаково, у них одинаковые идеалы, оба богато одарены, занимались одним делом и оба заработали на нем по 10 лет каторги... и в то же время, как они непохожи друг на друга! Огонь и вода! Когда мне сообщили отзыв Ковалика, я подумал: «Возможно, что Мышкин с своей стороны тоже считает Ковалика ненормальным» — тем и ограничился.

Ознакомившись с положением, я убедился, что сделал глупость. До сих пор я был убежден, что первоисточником россказней о ненормальности Мышкина был Ковалик, теперь же приходится констатировать, что первоисточником был сам Ипполит Никитич. Вот оно что. Очевидно Мышкин, очутившись в другой централке, скоро убедился, что в его положении в сущности не произошло никакой перемены. Поэтому он решил продолжать симуляцию. Вероятно, он со временем намеревался учинить новое буйство, чтобы добиться отправки в больницу. Но тут вмешалась «диктатура

сердца» и Мышкин попал в Мценскую тюрьму. Перед ним открылись сибирские перспективы, и он сразу превратился в нормального человека. В Мценске я прожил с ним в одной камере вдвоем до самой отправки, в мае 1881 года, в Сибирь и ничего ненормального в нем не заметил. Но мое свидетельство может быть заподозрено. Обратимся к Ковалику. Он пишет: «Во время продолжительной своей жизни в среде товарищей в Мценске и на Каре он ни разу не обнаружил такой нервности, которая сколько-нибудь напоминала бы психическое расстройство» («Былое» 1906 г., XI, стр. 55). Таким образом Мышкин был «ненормален» ровно 6 месяцев с 18 апреля до половины октября, т.-е. период его симуляции.

Необходимо прибавить, что отношение В. Г. Короленко к Мышкину сложилось несомненно под влиянием Ковалика. С тем и другим Короленко познакомился зимой 1881 г. в Иркутской тюрьме, где он прожил в среде партии «централистов» около 2-х месяцев, в ожидании отправки в Якутскую область.

— —

Неизданные письма Н. Г. Чернышевского

Печатаемые в настоящем № письма Н. Г. Чернышевского, были обнаружены по выходе в свет «Литературного наследия Н. Г. Чернышевского», почему и не попали в него. Они войдут вместе с другими материалами в приложения к новому, исправленному и дополненному, изданию «Дневника» Н. Г. Чернышевского, выпускаемому в скором времени издательством Всесоюзного общества политкаторжан.

Редакция.

Письмо Н. Г. Чернышевского к А. Ф. Раеву.

Александр Федорович!

Еще раз благодарю вас, очень благодарю за ваше одолжение. Но об'ясните, сделайте милость, мне:

1) В каком об'еме будут спрашивать ответов на предложенные в программе вопросы (я думаю, подробнее, чем в семинарии, преподают, особенно из истории и физики, или нет?) Определите это, пожалуйста, как можно поточнее.

2) Какие учебники приспособлены к этим вопросам или (я думаю, все те же) какие употребляются в гимназиях С.-Петербургского округа?

3) Из математики (о, камень преткновения и воспитанников духовных семинарий!) будут ли спрашивать доказательства на предложения, теоремы, правила и пр.?

4) Из языков только ли перевод будут спрашивать, или еще и грамматику? Не заставят ли декламировать наизусть (как написано в программе саратовской гимназии) по лучшему отрывку из прозы и стихов? (Никакую грамматику, признаться, никак не могу привыкнуть долбить наизусть: спасибо, что во все 1½ года только раз спрашивали). Если перевод: нельзя ли сделать, что заставят переводить только с французского и немецкого на русский, а не обратно, как написано в программе! Если же уж это невозможно (впрочем, пишите, пожалуйста, если худо или трудно только), то в какой степени будут требовать чистоты и правильности перевода? Если же как бог вложил в мысль заставят *переводить* на русский, этого мы не боимся.

5) Из какого класса семинарии поступать в университет, можно ли из философского, или только из богословского? Если можно из философского, то по окончании ли курса, или пробывши только год.

Отвечайте, сделайте милость, покорнейше прошу вас (синонимы, — содействующие, по мнению «словесности», большей силе, выразительности, полноте, обилию, живости и занимательности речи), на все эти вопросные пункты, и так, чтоб ничего не оставалось сомнительного и обойденного (влияние оной же вышереченной наставницы мудрых ораторов). В самом деле, сделайте милость, об'ясните все это мне получше. Я буду вам очень благодарен.

6) Может ли недостаток баллов в одном предмете вознаграждаться излишеством в другом, и в какой мере? Может ли вознаграждаться в одинаковом предмете?

7) На какие предметы особенно обращается внимание? т. е. в каких строже экзаменуют, и баллы важнее?

Сделайте милость, не пожалейте труда и часа времени. Очень одолжите.

Не подумайте, однако, — из того, что я так настоятельно спрашиваю, — что я уже еду к вам. Ничего не знаю, как и прежде. Куда бог даст. Allein, wenn es nur um meinen Woll werden Sie befragen mich, so gehe ich mit der hochsten Freude und nämlich in Facultat der Orientalischen Sprachen [1]). Напишите какие языки преподают в восточном факультете и, чтоб поступить, требуется ли знание какого-либо из этих языков. Какие там профессора и адъюнкты? Пожалуйста.

Разумеется, скучно в семинарии. Но не так, как в гимназии: здесь не учат наизусть уроков, хоть это отрада. Уж если разбирать только, то лучше всего не поступать бы никуда, прямо в университет, но ведь бог знает, можно ли еще будет. В таком бы случае ни рыба, ни мясо. А уж в семинарии что делается, и не знаю. Было житье раньше, а ныне уж из огня да в полымя. Об учениках уже и говорить нечего: в класс не пришел — к архиерею. Но и между собою перекусались. Ректор на профессоров к архиерею, инспектор тоже на И. Ф. [2]) поздно ходит в класс. Дрязги семинарские превосходят все описание. Час от часу все хуже, глубже и пакостнее.

Приезжал преосвященный — на исторический класс Гордея Семеновича [3]) ученики так обрезали, что об'явил благодарность, а мы отделали И. Ф. так, что и теперь еще, думаю, лихорадка бьет. Терсинским [4]) ученики восхищаются.

---

[1]) Однако, если вы спросите меня только о моем собственном желании, — то я с высочайшею радостью пошел бы именно на факультет восточных языков.

Но ректор не дал ему ни одного хорошего ученика, а дрянь всю свалили к нему.

G. S.*) умеет только ругаться, а толку от него ничего нет. По-латыни переводит курам на-смех, и того же ругает, кто так, как должно, переводит.

Утешаюсь тем, что лучших взять негде.

В гимназии случилось важное происшествие**). Директор промотал тысяч 30, и учители, подписывавшие три года книги не глядя, стали к нему в декабре приступать, чтоб освидетельствовать сумму. Он во вторник утром вышел и с тех пор не возвращался домой. Спохватились, нигде не нашли. Открылось, что ездил на извощике в городок за [illegible], во вторник и среду. В среду поехал назад, отпустил извощика за речкою [illegible] и сказал, что пройдет пешком. Его остерегал извощик, говоря, что выступила в иных местах вода, чтоб он так не ходил уже. Он не послушался. С тех пор его нигде не видели. Большею частью говорят, что он утопился. Бог знает, может быть, убежал, может быть, где-нибудь скрывается. Но директора уже прислали нового, уже будет с неделю, на его место по донесению о пропаже его инспектора и учителей. Прислали и ревизора, освидетельствовать сумму.

18[illegible]41.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[illegible] Н. Г. [illegible] Н. Г. Ч[illegible] языков (лл. 4—6 рукописи, инв. № 835).

[illegible] А. Ф. Раев[illegible] Е. А. Ляцкий[illegible] «Современный Мир», 19[illegible] Ч[illegible] Н. Г. [illegible] Раев рассказывает о [illegible] Ч[illegible] университет.

2) И. Ф.—Иван Федорович Синайский, преподаватель греческого языка, составитель [illegible] других трудов.

3) Гордей Семенович Саблуков ([illegible]), преподаватель в семинарии [illegible], татарского и еврейского языков. Исследователь [illegible], переводчик Корана. Будучи человеком высокообразованным и талантливым, он резко выделялся среди семинарских педагогов. Чернышевский поддерживал с ним переписку в студенческие годы. Вероятно, под его влиянием у Ч. зародилась мысль о по-

ступлении на факультет восточных языков, высказанная им в настоящем письме к Раеву.

4) Тересинский, Иван Григорьевич (1817—18[illegible]) — магистр петербургской духовной академии, профессор богословия в саратовской семинарии, позже женился на [illegible] сестре Ч., Л. Н. Котляревской, и переехал на службу в Петербург.

5) [illegible] Гаврил Степанович Воскресенский, лектор [illegible], библейской истории и латинскому языку. В памяти семинаристов остались его побои, которыми он награждал их за неправильный перевод, или пропуск слова в вызубренном наизусть уроке (См. воспоминания А. Н. Раева в «Русск. Старине», 18[illegible] г., № 11, стр. 499—502).

6) «Происшествие» с директором гимназии действительно имело место в Саратове в [illegible] 18[illegible] г. «Саратовская летопись», [illegible] Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским, говорит об этом: «[illegible] директор народных училищ Гине, после чего [illegible] (см. «Саратовский Край». Исторические очерки, воспоминания, материалы. Изд. Саратовского Об-ва вспомоществования [illegible] литераторам. Вып. I. Саратов, 18[illegible]).

Н. Чернышевская-Быстрова.

Два письма Н. Г. Чернышевского к М. И. Михайлову.

I.

Михаил Илларионович!

[illegible] верите, что ни время, ни расстояние не ослабили [illegible] М. Е. [illegible], что [illegible] разлуки, не подавая никакого признака своего существования [illegible], — ни в форме писем, ни в форме [illegible] в руках — читайте и удивляйтесь.

[illegible] теперь, [illegible], кажется, [illegible] здесь без [illegible], как говорит, [illegible] ехать [illegible] (возобновим — [illegible], что она и прежде не начиналась, если [illegible] одно письмо в три [illegible] года), — [illegible] я не писал [illegible] потому, что [illegible] месяц ждал вас сюда. [illegible] на это письмо — что до меня, я готов исправно писать вам хоть каждый месяц.

Приступаю к делу и чтобы не сбиться с толку, веду дело систематически по порядку лиц в местоимениях 1) я, 2) ты-вы, 3) он-она ([illegible] abest), оно, они.

1) Я по системе Гегеля начинаю с мира материального и кончаю духовным.

А) Мир материальный. Я [illegible] [1]) и здоров кроме желудка, который часто расстроен от излишества в гастрономических наслаждениях. Волоса рыжи по-прежнему. Бороду под-

[1]) Неразборчиво.

стригаю, а не брею, потому что считаю неприличным такому мальчишке, как я, прибегать к употреблению бритвы.

B) Материальное как орудие или условие духовного. Кончаю курс, остаюсь здесь служить или делать что попадется под руки, а что именно делать и где служить, знаю не я а разве один черт. Скорее всего достану где-нибудь учительское место. Если нет, принимаюсь писать или переводить — что, не знаю, в каком духе — не знаю, и вы узнаете, если дочитаете письмо (в чем не сомневаюсь).

C) Духовный мир. С самого февраля 1848 года и до настоящей минуты все более и более вовлекаюсь в политику, и все тверже делаюсь в ультра-социалистическом образе мыслей. Главные предметы моего поклонения Луи-Блан (которого почти не читал), к последователям которого я принадлежу, Прудон, Фейербах и т. д. Ледрю Роллена тоже люблю, но он, кажется мне, немного, т.-е. очень и очень много отсталым человеком. Года полтора я только и делал, что читал газеты, и выдавалось часто по нескольку месяцев таких, что я каждый день бывал у Вольфа или где-нибудь в другой кондитерской. Теперь бываю обыкновенно у Иванова (подле Семеновского моста), где пожираю Presse; Siecle глуп, а Debats мерзки; но читаю все от первой строки до последней.

2) Ты-вы. Надеюсь получить от вас письма с подробным описанием этой субстанции, которую, поверьте мне, люблю от души (N. B. с условием, если вы не реакционер, не аристократ и не последователь Leon Faucher, Michel Chevalier и им подобных).

3) Он-они. Из многоразличных существ, подходящих под этот разряд, я сделался убийцей одного существа (белого котенка) — процесс смерти его неблагоприятен, потому увольняю вас от описания, скажу только, что этот котенок погиб по моей неосторожности 12 мая 1850 года. Из тех, с кем я вижусь, я чаще всего вижусь с А. Ф. Раевым, с Лободовским и кроме их почти ни с кем.

Здесь свирепствует цензура в степени невероятной и непостижимой. Подробности, если хотите, напишу в следующем письме. Теперь некогда уже потому, что Ал. Федорович Раев ждет окончания излияния моих чувств и мыслей.

Пишите пожалуйста.
Прощайте; целую вас.

Ваш
Николай Чернышевский.

[Петербург], 15 мая 1850 г.

2.

[Саратов], 28 мая 1851.

Извините меня, дорогой друг мой Михаил Илларионович за мое полуторамесячное молчание — «дрянь и тряпка стал всяк человек», а я больше и хуже всех. До сих пор не мог победить своей страшной, достойной Ив. Андреевича Крылова, незабвенного нашего баснописца, лени.

Ваши тетради остались в Петербурге, у брата. Напишите ему, чтоб он Вам их прислал, если они Вам нужны теперь. Я ему с этой же почтою напишу, чтоб он дожидался повеления Вашего об отсылке их. Адрес его: университет, Александру Николаевичу Пыпину. Он один из пламеннейших почитателей Вашей музы, без ума от Вас, решительно без ума.

Как я жалею, что не удалось нам повидаться с Вами, нечего и говорить. Что делать, нас ехало трое (Минаев, тот самый, над которым, помните, мы вместе с Вами смеялись как над творцом славной «Баянки» и над переводчиком «Слова о полку Игореве для любознательных отроковиц и юношей» — что Вы скажете! ведь в сущности то умный, чрезвычайно со светлыми понятиями в большей части случаев человек, — да еще брат автора «Обыкнов. истории» — Ник. Алекс. Гончаров, симбирский учитель). Они торопились, и я не мог их задерживать, тем более, что нам должно было ехать по Волге, она была уже плоха; нечего делать, пришлось уехать так! и тут, спеша, сколько было возможно, насилу успели перебраться в Казани через Волгу. А потом с самого почти Симбирска опять пришлось ехать бог знает по какой дороге и бог знает как переезжать через реки за Симбирском.

В Саратове я нашел еще большую глушь, чем нашли Вы в Нижнем. До сих пор я об этом впрочем мало тужу, потому что чем менее людей, тем менее развлечений, тем скорее кончу свои дела, а кончивши их, потащусь в Петербург.

Воспитанники в гимназии есть довольно развитые. Я по мере сил тоже буду содействовать развитию тех, кто сам еще не дошел до того, чтоб походить на порядочного молодого человека. Учителя — смех и горе, если смотреть с той точки зрения, с какой следует смотреть на людей, все-таки потершихся в университете — или позабыли все, кроме школьных своих тетрадок, или никогда и не имели понятия ни о чем. Разве, разве, один есть сколько нибудь развитой из них. А то все в состоянии младенческой невинности, подобные Адаму до вкушения от древа познания добра и зла. Вы понимаете, что я поставляю условием того, чтоб называться развитым человеком. Они и не слыхивали ни о чем, кроме Филарс-

тива катехизиса, Свода законов и «Московских Ведомостей» — православие, самодержавие, народность. А ведь трое из них молодые люди, и один еще немец. Директор страшный реакционер, обскурантист и абсолютист. Впрочем — и что-то хуже всего — кое-что читал и не совсем малоумен как обыкновенно бывают директора. Инспектор единственный порядочный человек — образованный и имеющий обо многом понятие, особенно по своей части, т.-е. учебной и ученой, со многими светлыми понятиями.

Вы помните, что я был поглощен политикою, так что ничто, кроме ее, и не занимало меня — теперь продолжается то же самое, и не ослабевает [illegible] раз[illegible] [illegible], так что я могу сказать о политике, что [illegible] твердил о Наталье Васильевне Александр Федорович:

> В толпе врагов, в кругу друзей,
> Среди воинственного шума
> У верной памяти моей
> Одна ты, царственная дума.

С [illegible] — [illegible] новый Пигмалион:

> So schling ich mich, mit eiebesarmen,
> Um die Hatur, mit Jugendlust
> Bis sie zu athmen, zu erwarmen
> Begint an meiner Dichterbrust
>
> (Schiller) [1].

[illegible] Jünglinge und Männer, deren [illegible] [illegible]

Прощайте, дорогой друг мой, целую Вас.

Надеюсь, что Вы [illegible] кающегося перед Вами недостойного

Н. Чернышевского.

ПРИМЕЧАНИЯ.

М. И. Михайлов (1829—1867), [illegible] его дядя.

---

[1]) С [illegible] страстью я обвиваю [illegible] природу, [illegible] дышать и согреваться [illegible] поэта.

[2]) Юноши и мужчины, души которых [illegible]

Раев, Александр Федорович (ум. в 1901) — дальний родственник Ч., несколькими годами старше его; Ч. в первый год студенчества жил на одной квартире с ним.

Лободовский, Василий Петрович, вольнослушатель петербургского университета, несколькими годами старше Ч., [illegible] самостоятельностью и резкостью своих суждений; позднее Л. служил по военно-учебному ведомству.

Поездка, о которой Ч. пишет в письме из Саратова, имела место в конце марта 1851 г. (См. дневник Ч., «Литер. наследие», т. I, стр. 527) Минаев, Дмитрий Иванович (1808—1876), поэт и [illegible], принадлежал, как и Ч., к кругу более близких знакомых известного переводчика и педагога Иринарха Ивановича Введенского (1813—1855), [illegible] Ч-м, и [illegible] до отъезда из Саратова в Петербурге.

Н. А. Алексеев.

Письмо Н. Г. Чернышевского к А. К. Васильевой.

Милая Анна Кирилловна!

Вы обещали помочь нам, когда понадобится, — позвольте мне попросить у вас 1000 руб. сер. года на два, пока мои дела совершенно устроятся.

Теперь я получаю в месяц рублей около 100 сер., — но это началось недавно, всего с сентября; до того времени мы должны были жить на ваши деньги; но это было еще ничего, — главное, обзаведенье в Петербурге стоит очень дорого и при нашей неопытности обошлось нам, может быть, дороже, чем обошлось бы другим. Мне хотелось бы купить для Оли, которая здесь снова получила любовь к музыке, хорошее фортепьяно, а у нас не достало на это денег, кроме того нужно завести к зиме еще несколько вещей, и, наконец, мне хотелось бы начать издавать задуманную мною «Историю всеобщей литературы». Надобно издать только I том, он окупит себя: даст возможность продолжать издание и принесет еще некоторые выгоды. Чтобы книга имела и вид почтенный, нужно издавать томы большие, у меня такой расчет: издать I том листов в 40 печатных (640 страниц); он будет обнимать литературу азиатских народов, греческую и римскую литературу; я думаю напечатать в числе 800 экз.; набор и печатанье по 12 р. сер. за лист — 480 р. сер., корректуру буду держать сам, бумаги (около 70 стоп по 3 р. сер.) — 210 р. сер., переплетчику за сшиванье экз.—около 60 р., всего 750 р.

Мне предполагается, что 600 экз. разойдутся меньше чем в полгода; цену можно положить по 2 р. 50 к. за том; со сбавкою 10 процентов книгопродавцам я буду получать по 2.25 и за 600 экз. получу 1350 р. Это даст мне возможность издать II том и, кроме того, даст выгоды рублей — 500 р., считаю 100 р. сер. на мелкие расходы по изданию.

Все издание я предполагаю сделать из 4 томов, и предполагаю закончить его в течение 2½ лет. Выгоды от него надеюсь получить — если разойдется около 600 экз. — около 2000 р., если же издание будет иметь более успеха, чем теперь предполагаю, и если будет расходиться, например, около 800 экз., то выгоды будет около 4000 рублей. Главный расчет мой на то, что разойдется 600 экз., основан на том, что история всеобщей литературы теперь вводится в гимназический курс: предполагая, на каждую гимназию по 5 экз., получим для 60 гимназий около 300 экз. История всеобщей литературы вводится также и в военно-учебные заведения — для 20 корпусов остается еще 100 экз...

ПРИМЕЧАНИЕ.

29 апреля 1853 г. Н. Г. Чернышевский, тогда — старший учитель словесности Саратовской гимназии, женился на дочери саратовского доктора С. Е. Васильева, Ольге Сократовне, и в начале мая уехал с женою в Петербург. Материальные условия его до начала литературной деятельности были незавидные (См. Н. Г. Чернышевский «Литературное наследие», т. III, стр. 455). Анна Кирилловна, мать Ольги Сократовны, очень недолюбливала свою дочь за ее резкий нрав и рада была сбыть ее с рук. Н. Г. Чернышевский писал к ней [illegible], и, не одолев [illegible] его нужда, не обратился бы к ней за помощью. Вероятно, А. К. ответила на его просьбу отказом. Во всяком случае мысль о составлении истории всеобщей литературы Ч-ким не была приведена в исполнение.

Находящееся выше письмо сохранилось только в черновике, написанном таким же шифром, как и дневник Ч. Расшифровка сделана мною. Даты на письме не поставлено. Судя по содержанию, оно писано осенью 1853 г.

Н. А. Алексеев.

К биографии А. А. Франжоли

«В тяжелые периоды борьбы с абсолютизмом во всех странах появляются свои герои и мученики. Одним из них бывает суждено сделаться знаменитостями, другим погибнуть в неизвестности, но если бы мы могли проникнуть в сокровенную глубину их душ, то мы убедились бы, что и те, и другие были одинаково полны самоотвержения и бескорыстной любви к свободе и человечеству». — Так начинается очерк Н. Морозова об Андрее Афанасьевиче Франжоли и Евгении Флориановне Завадской, «в которых скрывались все задатки для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах стать в ряду самых видных общественных деятелей своей родной страны, а героями они всегда были» [1].

Между тем в нашей литературе о них почти ничего нет, кроме упомянутой статьи Н. Морозова, нескольких строк в статье А. Л. [illegible]амевича [2], одной странички в энциклопедическом словаре и некролога в № 1 «Вест. Народной Воли» [3].

Полагая, что в истории «Народной Воли» интересны и нужны детали о ее деятельности и деятелях, считаем не лишним сообщить нижеследующее письмо, отобранное у брата А. А. — Николая Афанасьевича Франжоли в июне 1879 г., при обыске и аресте его по делу о подкопе под Херсонское казначейство [4].

Письмо написано мелким довольно четким почерком на трех листах обыкновенного почтового формата. На первой странице имеется адрес «г. Херсон, Суворовская улица, дом Подгайца, пекарня Ке[illegible]алы, Тимофею Афанасьевичу г-ну Франжоли».

В письме чувствуется сдержанность опытного конспиратора, несмотря на то, что оказия была верная: письмо дошло своевременно и непосредственно к адресату.

Письмо, кроме нескольких штрихов биографического характера, содержит еще ряд деталей, освещающих картину этапного хождения и положения политических ссыльных конца 70-х гг. прошлого века.

Кроме орфографии, — в письме ничего не изменено.

Все, что возможно, было расшифровано в примечаниях.

Сообщил Г. Кофф.

Дорогие мои...

Получил от вас посылку, состоящую из начал двух моих произведений и одной оконченной статейки, пяти писем

---

[1]) «Былое», 1907 г., март.

[2]) Там же.

[3]) В «Указателе литературы по истории «Нар. Воли», т. М. Дрея это последнее указание пропущено.

[4]) Одесский краевой исторический архив, фонд времен. ген.-губернатора. 1879 год, дело № 75.

Николая М [1]), трех ненужных казенных бумаг и троих писем от тебя, Коля [2]), от вас, Маруся, и от Мартына [3]). Великое спасибо как за статьи с письмами, так и за содержание ваших писем. Вместе с этим приношу мое сожаление по поводу моего прошлого письма. Вы, конечно, поймете, что оно написано под влиянием томительной неизвестности о дорогом и близком мне, и извините мне его резкий тон и несправедливые заключения. Здесь живу я не ахти как пространно. Вообще, положение ссыльного, человека бесправного, стесненного надзором, сопровождается массою неприятных столкновений; тем более неприятно оно теперь, в самом разгаре травли на «политических». Мне же как всегда везет [illegible], так что на первых порах произошли [illegible] объяснения с начальством и я, в пример другим, по[illegible] в особенно стеснительные условия. Б[illegible]арь за [illegible] [illegible] не во [illegible] [4]), письма распечатываются, тоже [illegible]. Весь сыр-бор загорелся из-за того, что я встретил [illegible] [illegible] и по[illegible]ению, некоего Ца[illegible] [5]) [illegible], одежду, книги и деньги, [illegible], что я [illegible] Вере Рогач[illegible] [6]), [illegible] с [illegible]ескими ссы[illegible] [illegible] хотя основ и не по[illegible] [illegible]ость в пр[illegible] [illegible] — это видно [illegible] [illegible]. Ц[illegible], [illegible] со мной в [illegible] в [illegible]-Сы[illegible], [illegible] [illegible] и успешно. З[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] в Якут[illegible] [illegible] от [illegible] его ведут в [illegible] [illegible], бледно[illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] с ним чем мог. Далее, Вера [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] жена несчастного [illegible], за которым не допустили

[1]) [illegible] Николая Морозова, [illegible] [illegible] 70-х г.г. О [illegible] см. «Былое» III, 1907, ст. А. Лукашевича «В народ».

[2]) «Коля» — брат А. А. — Николай.

[3]) [illegible] [illegible] по процес[illegible]су 193-х.

[4]) [illegible] объясняется тем, что был известен смелый побег А. А. под ст. Раздельная.

[5]) Ц[illegible] в [illegible] [illegible] А. А. [illegible]. Умер в 1882 г. в Якутской ссылке.

[6]) В. Р[illegible] по процессу 193-х — Д. М. Рогачева.

ет следовать на каторгу. Верочка, высидевшая три года в крепости, оправданная совершенно судом, была административно, подобно всем и оправданным и вмененным [1]) лицам нашего процесса, сослана на житье в тот же Усть-Сысольск. Здесь потребовали от ссыльных, чтобы они в 11 часов вечера сидели дома, чтобы они не катались по реке, и во исполнение сих требований дали бы подписку. Ссыльные отказались. За сие Веру перевели в Яренск этой же губернии, но город чисто зырянский, где она одна одинешенька и притом без газет, книг, денег. Не правда ли преступление выказать ей взаимность? О преступности преступлений вообще, если она не имеет коммерческого или хищнического характера, и распространяться нечего. Вот видите, друзья мои, нигде нашему брату нельзя жить даже лично человеческою жизнью, минуя воздействие на народ или общество, везде вмешиваются они, врываются в наш внутренний мир, тянут за его настроение к ответу и затем гонят в дальнейшие и дальнейшие дебри. Конечно, к нам применяются слова Христа — «и птицы имеют гнезда и звери логовища, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову». — Быть может, и вы, милые мои, будете писать и писать мне письма, не получая ответа, пока я не подам голоса из нового поселения в какой-нибудь трущобе. А если бы вы знали, что за ужасная вещь препровождение по этапу: грязь, холод, вонь, вперед надо идти по здешним болотам и пространствам целые месяцы. Сюда меня препровождали не по этапу, а с жандармами. Ехал я 13 дней с остановками. Херсонские жандармы довезли меня до Николаева. Все предупреждены и были очень любезны, обходительны и даже изображали из себя кающихся жандармов. В Николаеве я попал в старую жандармскую команду; целая свора зверья, собранного из разных городов, таращила на меня свои хищные глаза. Пробыв в Николаеве часа три, я оттуда отправился с новыми жандармами до Полтавы, где меня на вокзале встретил жандармский капитан, дал новых жандармов и через 15 минут я катил в Харьков. Николаевские и полтавские жандармы обращались сдержанно, с почтением и интересовались моей особой — как, за что и почему. В Харькове меня привезли в жандармское управление. Генерала не было дома, его разыскали, он, явившись, изобразил суровый вид и стал упрекать за то, что у него убили жандарма и пусть меня везут полицейские. Я ему сказал, что

[1]) Некоторым по процессу 193-х «вменено в наказание предварительное заключение». Большинство из этих «вмененных» все же, по миновании шефа жандармов Мезенцова, было выслано в различные «столь и не столь отдаленные» места.

жандармы мне более нравятся, а он — «то-то, а зачем убегаете? Кто здесь вам знакомый?» — «Не знаю»: «А Жебунева Владимира [1]) знаете?» — «Знаю». «Он здесь живет». — «Я этого не знал». И все-таки отправили меня в полицию. В этом грязном, отвратительном притоне, наделенном особою атмосферою, способною поселить в человеке глубочайшую апатию, тоску, уныние и всякую слабость духа, в этом притоне я пробыл до утра следующего дня, когда меня полицейские заблагорассудили спровадить в тюрьму. Между прочим, полицейские не поддаются прогрессу — тащат с человека самым дореформенным образом — с меня стянули рубля полтора. В Харьковской тюрьме мне очень понравилось, хотя меня заперли в одиночной камере, но арестанты, узнав, что я политический, обступили мою камеру и понаносили еды, арбузов, табаку. Там сидело двое политических: Ястрембский [2]) и Фомин [3]). Последнего содержали очень строго: не пропускали вольной еды, чаю, табаку, солдат не отходил от дверей, а [illegible] смотритель, как сказано в газетах, а молодцеватость харьковских арестантов [illegible] я просидел полдня, а затем явились жандармы, [illegible], где я пробыл в приятном обществе десятка жандармов и вечером отправился на Курск. Харьковские жандармы были весьма сносны и не проявляли ожидаемой много излишней подозрительности. В Курске, напившись с жандармами чаю в трактире, я отправился в их сообществе, конечно, по возмутительно тряской, верст пять в [illegible] дороге, в жандармское управление. Здесь мои вещи подвергли самому тщательному осмотру (в Харькове в тюрьме их тоже перерывали) и нашли крайне подозрительным мои расплавленные перочинный ножик и чернильный порошок, что и было у меня отобрано. Курский жандармский полковник Пальшау (не родня ли нашему?) мелочен до безобразия, но довольно вежлив и порядочен в обращении, дал мне чистую светлую комнату и угостил бифштексом и чашкой кофе. В этот же день вечером потащили меня далее. Курские жандармы — люди пожилые, солидные, очень заботились, чтобы я не голодал, а напротив, имел желудок, переполненный едой. С ними я доехал до Орла. В Орел приехал ночью. Насилу раздобыли жандармского майора, который порешил, что до утра я побуду на вокзале, а затем буду препровожден в жан-

[1]) Жебунев В. привлекался по проц. 193-х.

[2]) Ястрембский С. В. был арестован по возвращении в Россию из эмиграции. В 187[illegible] г. сидел в Харьковской тюрьме.

[3]) «Фомин» — Медведев. 13 января 1878 г. был арестован за попытку освободить Войнаральского. 30 VIII Ф. М. совершил неудачный побег из Харьковской тюрьмы через подкоп.

дармское управление. На мои слова «устал я» он отвечал с видом сочувствия и соболезнования: «Бросьте все это, советую вам. Не понимаю, что за желание мучить себя. Советую, советую бросить. У меня у самого были знакомые близкие, подобные вам люди, и что же хорошего себе они сделали?» Очевидно чудак понял мои слова в смысле душевной усталости. В Орле не оказалось жандармского полковника, и я, пробыв полдня в жандармской команде, был отправлен в тюрьму. Это богоугодное заведение имеет замечательно своеобразный вид, впрочем, соответствующий оригинальности города. Среди громаднейшей площади виднеется колоссальных размеров здание, обнесенное высокой стеной со многими башнями. Собственно за стеной два здания — тюрьма срочная и одиночная (для подсудимых). Меня заперли в последней. Одиночество не строгое, ключники народ патриархальный, и, вследствие этого, я виделся и беседовал с сидящим там политическим (фамилию забыл). Человек он лет под сорок, добродушнейший, наивнейший и горемыка великий; по положению на воле он офицер, значит имеет кое-какие привычки привилегированного люда—чай привык пить, табак курить, книжки читать, в тюрьме же он всего этого лишен, никто к нему не ходит, денег и книг не присылают, и это, заметьте, в Орле, в том самом городе, где раздавалась проповедь Маликова, куда стекалось со всех концов России масса люда чтобы послушать слово правды и любви с уст богочеловека, где и теперь есть люди, мнящие о себе, как о людях новых. Каков разлад между словом и делом. Кроме политического офицера, в этой же тюрьме встречался и с другими заключенными — суб'ектами не плохого сорта: — с раскольниками; но о них в другой раз. Всего пробыл в Орле 3-е суток с половиною. С орловскими жандармами отправился до Тулы, куда прибыл в глухую полночь, и немедленно, среди тьмы кромешной, потащили меня к жандармскому генералу (что город, то норов), которого разбудили и который отправил меня в кутузку. В кутузке имеется три камеры и все они были полны народу. Чтобы поместить меня, выгнали из одной камеры пять находившихся там женщин и предоставили моей особе одной занять это помещение. Поутру явился полицмейстер,—весьма элегантная образина,—расшаркался, улыбнулся, спросил, знаком ли я с Любатовичевыми и как мне нравится мое помещение. Через полтора суток двинулся я на Москву и очутился в сем первопрестольном граде довольно рано утром. Когда господь ниспослал огонь небесный на Содом и Гомору, то вывел оттуда только семью Лота, только одну семью; сомневаюсь, чтобы в Москве обрелась, в день кары над нею, такая семья. Кажется, все, что есть отвратительного в рус-

ском народе, собралось в Москве; Москва — это клоп, напившийся кровью человека, это кулак, разжиревший оттягиванием последних крох у бедняков. Когда я катил по тряским и вонючим улицам сего града, украшаясь сообществом 2-х жандармов, восседавших по обе стороны меня, то [illegible] жирные, пузатые образины с налитыми кровью хар[illegible] [illegible] в меня пальцами и [illegible] или сам убие[illegible] — подразумевая Мезенцова. [illegible] меня в жандармское управление, где царит генерал Слезкин, тот сам [illegible] [illegible] в России, которы[illegible] вместе с Жихаревым [illegible], [illegible] в 74 г. на все живое, честное, человечное, который 11 августа 74 г. [illegible] телеграмму из Бирского уезда: Задержан [illegible] Ф. [1]) которая изо всех сил билась [illegible] [illegible] камере. Но эта камера, ужасная камера. Весь ряд страдальцев, шедших на [illegible] через нее. [illegible] знакомых [illegible] — [illegible] грудина [illegible] и здесь [illegible] свою [illegible] Ярославль. [illegible] — [illegible] [illegible] образом [illegible] [illegible] В Ярославле я очутился в жандармском [illegible] из всех одинакового рода с ним. [illegible] характер простых жандармов [illegible] характеру их начальства — [illegible] способ[illegible]

1) «А. Ф.» — повидимому, сам автор письма.

2) Е. Ф. Завадская — «пропагандистка» по процессу 193-х — была [illegible] друг и товарищ А. А. Вместе бежали из ссылки, работали в Исп. Ком. «Нар. Воли».

Е. Ф. [illegible] с собой 6 августа 1[illegible]3 г. в Женеве, в день смерти А. А.

становиться по характеру копией своего господина и такою же способностью жандармов. Ярославский генерал—это нечто невозможно отвратительное не только по душевным свойствам, но и по внешности. Тщетно пытались бы вы в этом животе, одутловатом лице, в отвислых губах и в других частях внешности этого зверя уловить образ человека — зверь какой-то особой породы—и больше ничего. Здесь меня также отправили в тюрьму. Ярославская тюрьма ужаснее всех мне известных тюрем, даже хуже Петропавловской, и не думаю, чтобы в каторжных тюрьмах так ужасно, как в этой. Одиночество заключенных полное, пища отвратительная, обращение с заключенными возмутительное. Там содержатся 4 политических — 3 солдата и 1 учитель. Недавно было 4 солдата, но один замучен, при мне умирал еще и другой политический солдат. При мне случилось следующее безобразие, характеризующее тамошние порядки и мерзавца смотрителя. Несколько простых арестантов, ходя по двору, перекидывались со мною словами и служили средством переговоров с политическими; между прочим, последние попросили табаку; я, к несчастью, принес его мало, но разделил имеющееся у меня количество на части и выбросил в окно, арестанты подхватили и перебросили политическим. Через несколько времени слышу крики: негодяи, мерзавцы, мать вашу... и т. п. Это смотритель узнал о брошенном мною табаке и чинил расправу. Этот же негодяй, рассматривая мои карточки, нашел их подозрительными, отослал жандармскому генералу, а этот ихтиозавр задержал их, и таким образом я лишился дорогих портретов близких и дорогих мне людей, в том числе и вашей Маруся.

Из Ярославля жандармы потащили меня в Вологду. Здесь пробыл три дня в полицейском управлении и с одним бударем поехал, уж на почтовых, в Сольвычегодск. Все пространство в [illegible] верст я проехал в 4 дня. В пути произошел такой эпизод. Еду я и вижу вдали процессию: три человека, — один весьма пожилой, два молодых, — все в блузах и черных шляпах, окруженные солдатами, плетутся по дороге. Я вглядываюсь, что-то знакомое чудится мне вдали, когда же я поравнялся с группой, то из нее раздалось восклицание «Андрей» и замахали шляпы, солдаты остановились, мой бударь (собака изрядная) крикнул на ямщика «пошел», и кони умчали меня; так я и не узнал, кто это был, что это были за люди. О моем житье имеете отчасти понятие по началу письма. Мне ужасно хотелось пристроиться к больнице[1], а доктор на мое двукратное заговаривание отмалчивается, и мне оче-

[1]) В качестве аптекаря.

видно не удастся достигнуть желаемой работы. Теперь начал учиться шить сапоги и работаю очень усердно — хотя бы одно ремесло произойти. Нас, ссыльных, здесь три человека — я, Завадская, Щербина; последний с женой. Я живу с Щербиными, а Завадская отдельно. Мы по-барски, она по-крестьянски, впрочем, мое барство самого мизерного вида, и принял-то я его из-за желания попасть в больницу. Состояние духа весьма паскудное; во-первых, неопределенность положения — сегодня здесь, а завтра.., во-вторых, неудача в работе, в-третьих, — мысли о друзьях; уже не говорю о (слово не разобрано.— *Г. Г.*). А вот Рогачевой 2½ недели, как послали мы письмо с 10-ю руб., и до сих пор нет ответа, не знаю, что и думать, а она всего в 70 верстах от меня. Салюня в 80 верст., я с нею переписываюсь. Пожалуйста, прошу вас троих: Тему [1]), Колю и Марусю переслать это письмо к Саше в Николаев [2]), к Александру и к Мартыну, если знаете, где он, а не то к Николаю М. На имя Якова Васильевича или Прасковьи Николаевны с такою припискою, — мы получили письмо от брата. Он весьма желает поддерживать с вами прежнее братское общение и полагает, что и вам также важно знать о нем, как ему о вас, поэтому-то и просит переслать вам его письмо и ответить ему тем же. Мартыну и Николаю, кроме того, перепишите, что я прошу известить их меня, что им известно о Петре, Сергее и жене Петра — Анне, а также о Соне, Тане Леб. Кроме сего, узнайте у Виктора или у Юви все, что можно, о Сашке. Все пересылайте мне на имя прежнего адреса, что в прошлом, ругательном письме, и пошлите тот же адрес друзьям. Поцелуй братский, дружеский вам троим передайте поклон маме. В случае если Маруся в Одессе, то пусть это письмо сполна — не ленитесь, Тема и Коля, списать [illegible]. Мише, нечего говорить, самый горячий привет и его сотоварищу Михаилу. Хозяйке Марусе и ее детворе от меня [illegible], а также Лизе (коли она добрая молодица), а Жене, Оле, [illegible] и Сашке по поцелую. Не позволит ли Ол. Ив. писать на его имя, за это ему великое спасибо. Будьте же здоровы и благополучны и пишите, пишите. Ваш (подпись неразборчива).

P. S. Если можете, то возьмите у Зеленого мою корреспонденцию из Дубоссар и два очерка острожной жизни. В присланной мне посылке имеется и эта корреспонденция и первый очерк, но второго, который так понравится Марусе, нет;

[1]) «Тема» — Тимофей Афанасьевич Фронькин [illegible] — Адресат письма. В 1879 г. выслан из Херсона.

[2]) «Саше в Николаев» — [illegible], Ф. Юр[illegible] («[illegible] инженер»), который тогда жил в Николаеве.

но и имеющееся у меня я не могу утилизировать, ибо не знаю, напечатаны они или нет, да, кроме того, я забрал у Зеленого 15 рублей в счет этих статей. Павел (ему привет) мог бы сослужить мне службу по отобранию статей у Зеленого. Но где взять 15 рублей? А между тем писание единственный ресурс мой в жизни. Непременно и немедленно перешлите копию этого письма, конечно, за исключением личного обращения к вам, по такому адресу: на станцию «Дочь», Либаво-Роменской железной дороги, Александру Александровичу Русову, внутри Николаю».

М. Клевенский

А. Г. Штанге и Л. Н. Толстой

Печатаемое нами неизвестное до сих пор письмо Л. Н. Толстого к А. Г. Штанге необходимо требует пояснения относительно корреспондента Толстого и повода, по которому завязалась переписка [1].

Александр Генрихович Штанге родился около 1854 года. Отец его, действ. статский советник, был управляющим государственными имуществами в Лифляндской губ. Штанге — сын был студентом петербургского университета. В феврале 1877 г. он принял участие в «беспорядках политического характера» в собрании художников: он собирал подписи под адресом Н. А. Некрасову, принесенным в собрание Сильчевским. За это он был выслан под надзор полиции к отцу в Ригу. Надзор продолжался до 1880 г. Штанге поступил в Дерптский университет и окончил его со званием кандидата прав. Служил некоторое время в министерстве путей сообщения, откуда уволен по прошению, по домашним обстоятельствам, с чином титулярного советника. После этого он жил в Петербурге без определенных занятий, имел значительные знакомства среди учащейся молодежи, а также и в литературных кругах (между прочим, был близок с Г. И. Успенским).

28 ноября 1866 г. Штанге явился на прием к министру юстиции и подал ему следующее заявление:

«Господин министр!

17-го ноября я участвоват в поминках по известном русском писателе Николае Александровиче Добролюбове. С этого дня за мною неотступно следит тайная полиция Преследуя меня всюду по пятам,

---

[1] Кроме архивных материалов, мы имели в виду следующую литературу о Штанге: «Вперед», т. V (1877), стр. 173. **С. А. Никонов.** Жизнь студенчества и революционн. работа конца 80-х годов (В сборнике «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», составленном А. И. Ульяновой-Елизаровой. — **В. Б.**[артене]. Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х гг. («Мин. годы» 1908, 10, 11) **В. А. Поссе.** Мой жизненный путь. **В. Г. Короленко.** «Покушение» на генерала Баранова в 1890 г. — Сборник «Русские ведомости» (отдел «Сотрудники Русских ведомостей»). — **В. Евгеньев-Максимов.** Студенч. депутация у больного Некрасова. «Книга и Революция» № 2, 1921. — **В. Короленко.** **Дневник, т. 3. (ЦК).**

она лишает меня возможности посещать близких и знакомых моих, которых я не хочу подвергать неприятности и опасности полицейского надзора. Перед вами, как представителем правосудия, считаю долгом своим протестовать против столь грубого проявления административного произвола, лишающего меня возможности продолжать предпринятое мною дело сближения со студенчеством. Цель этого сближения — отклонить студентов от революционной деятельности, убедить в возможности честной, мирной деятельности на пользу народа и вселять доверие, любовь и уважение к государю.

Прошу вас предать меня законному суду для определения, было ли участие мое в поминках Добролюбова преступно. До суда прошу арестовать меня, ибо не вижу иного способа охранить себя от мести произвола и реакции.

Приношу вам еще несравненно важнейшую просьбу. Вас, как человека, пользующегося полным доверием государя, прошу вручить государю мое к нему воззвание.

Кандидат университета Александр Штанге.

28 ноября 1886 г.» [1]).

«Воззвание», врученное министру юстиции, было следующего содержания.

«Государь!

Мое давнишнее близкое знакомство с русским студенчеством и интеллигенцией, непосредственное общение с ними и непрерывное изучение и наблюдение развития чувств и мыслей студенчества и интеллигенции дают мне смелость обратиться к вам с воззванием и выразить глубокую и искреннюю уверенность, что воззвание это будет поддержано всеми честными людьми России.

Государь! Тяжелую минуту переживаем мы. России грозит страшная братоубийственная война. Только враги своей родины, стремящиеся поживиться от войны, могут желать ее, могут накликать это страшное горе, это народное бедствие. Вы, государь, как слышно, не хотите войны. Но Россия не знает этого наверное. Русский народ и общество лишены возможности знать ваши мысли и волю и вам выражать свои нужды, чувства и заветные мечты. Кучка злых, лживых и хищных людей, оскверняющих русское правительство своим участием в нем, обступила вас и уединила от народа и общества. Оплетая вас интригами и кознями, они во всем обманывают вас, они сеют рознь, недоверие и вражду между вами и народом и друзьями народа. Они мутят, властвуют, наживаются и, прикидываясь верными слугами вашими, дьявольски хохочут и над вами, и над всею Россией.

Им, им нужна война, а не честной России!

Россия теперь слаба, слаба внутренним настроением. Не побед можем ожидать мы, но поражений и смуты. Но, если бы и победила Россия, что выиграет она? Пусть мы займем Болгарию, пусть даже присоединим ее. Не будет в этом пользы, ибо нет в этом правды. Завоюем Болгарию, но утратим любовь болгарского народа. Он возненавидит Россию!...

И вы, государь, знаете все это, и вы хотите мира. Но не дремлют ваши советники, они пугают вас, они говорят, что уступить западным державам опасно, что вызовет ропот в народе и обществе.

---

[1]) Архив революции и внешней политики, Д. П., III делопроизводство, 1893 г., № 1067, лист 11 («Об отставном титулярном советнике Александре Генриховиче Штанге»).

Кто дал им право говорить от имени русского народа? Как смеют они утверждать, что народ хочет войны? Не до Болгарии измученному и разграбленному миролюбивому русскому народу.

Но, быть может, возропщет общество? Да, возропщет, но только худшая часть его, голос которой потому только кажется столь громким, что лучшей части общества зажат рот. Возропщут фабриканты, которые, называя себя либералами, только загрязнили это слово, некогда столь чистое и высокое. Возропщет «именитое православное» купечество, укравшее имя славянофилов. И тем и другим нужны заграничные рынки, чтобы сбывать свой товар, которому нет сбыта в голодной родине; нужны подряды и поставки в военное время, чтобы нажиться. Но их ропот не страшен. Они умеют только кланяться да выпрашивать подачки. Сопротивляться — не им! Страшен ропот иных сил. Грозно недовольство тех, кто верит в Правду, кто истинно любит Россию и народ, кто за эту веру и любовь готов итти в тюрьму, на каторгу, на виселицу. Но эти люди не возропщут, если вы, государь, сознавая, что Россия к борьбе не готова, а, может быть, и не во всем права, сделаете неизбежные для сохранения мира уступки

Не обращайте, государь, внимания на ругань европейских министров — этих ставленников банкиров, фабрикантов и торгашей, и будьте тверды в своем стремлении к миру.

Не ропотом ответят честные люди России на вашу уступчивость союзу враждебных правительств. Они убедятся лишь, что пустой внешней славой вы пожертвовали ради народного благоденствия, и принесут вам глубокую, искреннюю благодарность. Верю, государь, что эту благодарность выразит вам весь русский народ. Близко возрождение России. Чувствуется под'ем общественного и народного духа Реакция корчится в агонии. Скоро поверит вам, государь, вся честная Россия, и вы поверите ей и, опираясь на нее, созовете всенародный Земский Собор. На соборе вы узнаете подлинные мысли, чувства и волю России. И слово ваше, с которым вы обратитесь тогда к Европе, будет слово всего русского народа. И это будет слово мира и любви. Радостно встретят его все народы—и хищные правительства их затрепещут. Чуется приближение этого времени. Не даром среди общей злобной ненависти к России западных держав находится держава, протягивающая нам братскую руку. И эта держава—свободолюбивая Франция. Только русская реакция мешает союзу России и Франции Но рухнет реакция, и в тот же день родится союз двух великих народов. К нему тотчас примкнет народ и Соединенных Штатов Это будет могучая, несокрушимая сила, которая, опираясь на сочувствие всех обездоленных народных масс, решительно и твердо потребует всеобщего разоружения и водрузит знамя Правды, Мира и Братства Народов.

Кандидат университета **Александр Штанге.**

28 ноября 1886 г.»[1]).

Через 2 недели Штанге дополнительно подал министру еще следующее заявление:

«Господин министр.

В кружках студенчества и интеллигенции существует столь сильное огульное недоверие к правительственным сферам, что нет почти ни одного человека, который допустил бы возможность передачи вами моего воззвания к государю. Для борьбы с этим недоверием мне было бы крайне важно,— если воззвание передано,— знать об этом

---

[1]) *Тоже дело, л. 14.*

категорически. Но я не настаиваю на ответе, если вопрос мой почему-либо неуместен.

Александр Штанге.

12 декабря 1886 г.»[1]).

Запрошенный о личности Штанге подполковник Секеринский (начальник Спб. губ. жандармского управления) сообщил, между прочим: «Никакого наблюдения за Штанге учреждаемо не было, но так как по отзывам окружающих его лиц он в последнее время страдает сильным нервным расстройством, то заявление его о том, что за ним постоянно наблюдают, следует приписать болезненному его состоянию». Секеринский добавил еще, что в мае 1886 г. Штанге явился в Новгород, где в окружном суде слушалось дело по обвинению нескольких крестьян в распространении пашковского учения. «Обратил на себя внимание местной администрации своим резким поведением, почему и не был допущен к защите на суде. Тем не менее находился в зале заседания и держал себя крайне резко».

Вследствие таких сообщений Секеринского департамент полиции стал на ту точку зрения, что Штанге «своим поведением внушает сомнение в нормальном состоянии своих умственных способностей». Ясно, что его обращению к царю не было дано никакого хода. Однако, версия о ненормальности Штанге ничем не подтверждается. Полицейское наблюдение за ним, несомненно, велось: в департаменте полиции, напр., имелись сведения, что он был близок с Виктором Бартеневым, что его адрес был найден при обыске у Станюковича и пр. Усиленная слежка за ним после его участия в добролюбовской демонстрации представляется более чем вероятною. Заявление же Штанге царю не было результатом временно нервного состояния, а являлось твердо обдуманным заранее поступком.

Прежде, чем обратиться со своим воззванием к Александру III, Штанге старался сделать популярной идею Земского Собора, как он его себе представлял, среди молодежи. Между прочим, он делал в 1886 г. доклад на эту тему в известном «экономическом кружке», членами которого были А. И. Ульянов и другие лица, причастные к попытке 1-го марта 1887 г. Об этом упоминает в своих воспоминаниях В. Бартенев, но особенно интересно на этот счет сообщение С. А. Никонова, человека, очень близкого к А. И. Ульянову и в то же время находившегося в дружеских отношениях со Штанге.

«Когда мы познакомились ближе, Штанге стал убеждать меня в бесполезности революционной борьбы с правительством, которая-де

---

[1]) То же дело, л. л. 6, 7.

не может дать никаких положительных результатов; со своей стороны, он предлагал вести лишь усиленную агитацию в «обществе» в пользу своеобразной конституции, которая представлялась ему возможной в форме «земского собора», измененного соответственно условиям и потребностям конца XIX века. Он верил почему-то, что если его идея будет воспринята земствами и городскими самоуправлениями и если ее удастся довести до сведения императора Александра III, то земский собор будет созван, и мы таким образом получим «истинно-русское» конституционное учреждение. Само собой разумеется, я никак не мог усвоить и разделить эти сумбурные идеи. Узнав от меня о существовании нашего кружка, он просил меня дать ему случай изложить свой проект в кружке. Товарищи согласились выслушать Штанге, и на одном из собраний он выступал с подробным докладом о земском соборе. Не к чему говорить, что все мы обрушились на Штанге с самой резкой критикой его проекта, и я помню, что очень горячее участие в этих прениях принял и Александр Ильич. Таким образом, среди нас Штанге последователей не нашел, но со свойственным ему большим добродушием он отнесся очень спокойно к нашей критике и к тем резкостям, которые ему пришлось выслушать, и потом еще несколько раз бывал у нас в кружке по разным поводам, а со мной продолжал самые приятельские отношения» [1].

В. А. Поссе говорит, что вскоре после 1-го марта 1887 г. он, в ожидании обыска, «заблаговременно сжег даже невинную рукопись А. Г. Штанге о необходимости созыва Земского Собора». По всей вероятности, это и было обращение Штанге к царю, распространявшееся им среди интеллигенции.

Через несколько дней после своего визита к министру Штанге счел необходимым известить о своем поступке Л. Н. Толстого. Приводим его письмо к Толстому по имеющемуся в архивном деле Штанге черновику.

«Лев Николаевич.

Не знаю, когда удастся побывать в Москве и лично побеседовать с вами. Между тем мне крайне важно знать ваше мнение о моем недавнем поступке и ваше отношение к нему. Сообщаю вам о нем и надеюсь, что вы не оставите меня без ответа.

28 ноября на общем приеме у министра юстиции сказал ему следующее (следует приведенный выше текст).

Министр выслушал мой протест, остановив меня лишь за резкость выражения: административный произвол, принял мое воззвание и сказал, чтобы я свою просьбу изложил письменно. Воззвание следующее (следует его текст).

Прежде всего скажу вам, Лев Николаевич, по поводу моего протеста и воззвания, что и то, и другое вполне искренни. Этот шаг постепенно подготовлялся во мне.

Я никогда не разделял вполне теорий партии «Нар. Воли» и особенно ее якобинского оттенка и не вступал в ряды партии. После же 1-го марта отрицательное отношение к ее программе постепенно усиливалось во мне. Я последовательно стал отвергать народный стихийный бунт, цареубийство, центральный заговор. Но до нынешнего лета все еще считал желательными убийства хищников и реакционеров в городе и деревне. Этим летом беседа моя в Париже с бывшим

---

[1]) «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 170.

редактором «Вестника Нар. Воли» Тихомировым, пришедшим к убеждению в несостоятельности революционных путей в России, но верящим в ее светлое будущее, окончательно побудила меня выступить с програмой партии Земского Собора, исключающей как политические убийства, так и призыв народа к восстанию. Цель этой програмы — сплотить все честные прогрессивные силы России и создать могущественную мирную общественную силу, опираясь на которую государь мог бы, без опасения смуты, созвать всенародный Земский Собор для осуществления назревших реформ, основанных на принципах государственной помощи труду и общественной свободы.

Доверие мое к государю также росло во мне постепенно. Засвидетельствованная очевидцами его горячая, искренняя молитва во время коронации, когда он посвящал себя служению России, его личная честность и прямота, поддержание благих начинаний в роде крестьянского банка, ненавистного реакции, его решительная мирная политика и, наконец, разные указания о простоте его личной жизни и обращения— все это убедило меня, что то представление, которое составилось о нем в обществе, искусственно подстроенно реакционерами.

За сим, появление в русском студенчестве и интеллигенции мирного народнического течения, вызванного вашим учением, создало ту почву, на которой стало возможно распространение програмы Собора, которую еще два года тому назад встретили бы осмеянием. Если бы я два года тому назад стал при целом кружке студентов доказывать, что царь честный человек, способный твердо и решительно стать на сторону народа и интеллигенции, то меня бы оплевали и, пожалуй, назвали бы шпионом. Теперь же меня слушают, сомневаются, правда, в верности моих взглядов, называют оптимистом, но слушают и выражают сочувствие.

Затем такие факты, как основание и сохранение Крест. Банка, отмена подушных податей, оживление филантропии; безрезультатность за последнее время борьбы реакции с судом присяжных, земством, женскими курсами; возвращение некоторых высланных за участие в добролюбовских поминках и т. д., убедили меня в существовании в правительстве и вообще высших общественных сферах честной струи, идущей навстречу стремлениям народнической интеллигенции.

Таким образом была подготовлена почва для моего шага. Я рассчитывал сплотить партию З. Собора и от ее имени издать воззвание. Но все, с кем я ни говорил, выражали сочувствие, но примкнуть не хотели. А время шло; каждый день мог принести об'явление войны, и тогда прощай мирный внутренний прогресс опять на долгое время. Ура, барабан — с одной стороны, хищничество и дикая травля интеллигенции — с другой, попытки бунтов и покушении — с третьей... Вот что, по моему мнению, грозило России в случае войны. Но как ни страшна была эта перспектива, я все-таки, может быть, не решился бы на свой шаг; ибо с кем ни советовался, все отговаривали. Одни говорили: вас вышлют; другие — вас посадят в сумасшедший дом; третьи — воззвание не дойдет до государя; четвертые — государь не поверит искренности воззвания и т. д. Но к самому содержанию воззвания все относились сочувственно. Толкнула же меня на подачу протеста, а вместе и воззвания—полиция. Преследуя меня после поминок Добролюбова по пятам, она поставила мне таким образом альтернативу—или отказаться от всякой деятельности, или быть арестванным. Но отказаться от деятельности в переживаемую Россией тревожную минуту я не мог и решился поэтому открыто выступить с своею програмой.

С нетерпением ожидая вашего суждения о моем поступке и программе, выкажу вам искреннее мое убеждение, что то и другое явилось плодом синтеза учений западнической воинствующей демократии и вашей проповеди непротивления злу злом. Синтез этот должен породить новое сильное и стройное народническое учение.

Глубоко уважающий Вас А. Штанге.

3 дек. 86 г.»

Для выяснения истории сношений Штанге с Толстым приводим еще первые строки более раннего его письма к Толстому — от 22 октября 1886 г.

«Лев Николаевич.

Не знаю, помните ли вы меня еще. Летом 84 г. жил на даче близ Козловки и был у вас два раза, — во второй раз с маленьким сыном. Вы тоже были у нас и видели детей, воспитывавшихся у сестры моей жены, и научили их, как борются цыгане. Приходил я к вам беседовать о разных общественных вопросах, просил вас просмотреть мой небольшой беллетристический очерк и говорил о своих занятиях по математической логике, которые вас очень заинтересовали».

Собственноручный ответ Толстого на письмо Штанге от 3 декабря вложен в конверт с адресом: «Петербург. Эртелев пер., д. № 11, кв. № 13. Александру Генриховичу Штанге. Заказное». На конверте два почтовых штемпеля; на одной стороне: «Москва, 9 декабря 1866 г.», на другой: «Спб., 10 декабря 1866 г.». В архивном деле письмо Толстого, как и письмо Штанге, тексты обращения Штанге к министру и воззвания и еще некоторые материалы, вложены в особый пакет с надписью: «Вещественные доказательства, отобранные у Штанге»[1]). Печатаем письмо Толстого по новой орфографии.

«Александр Генрихович!

Ваш поступок не может вызвать ни в одном добром и не спутанном ложными традициями человеке ничего, кроме самого горячего сочувствия; мне же он представляется особенно радостным. — Я ведь не то что не хочу признавать никакого правительства, но не могу представить его себе. Фикция того, что называют правительством, неизбежно уничтожается в глазах всякого христианина, т.-е. человека, верующего в разумную природу всякого человека и ставящего ее — эту природу — выше всего. Для меня есть только люди, находящиеся в различных сложных отношениях друг к другу, в различных заблуждениях и все неизбежно стремящиеся к осуществлению своего блага, заключающегося только в разумной жизни. То, что я называл прежде правительством, это было не-

---

[1]) То же дело, лист 23. Отдельные документы в этом тексте перенечены буквами. Письмо Толстого обозначено буквами Л. и М.

сколько людей, находящихся в известных условиях—царя, министров; но теперь я не вижу уже, где начинается и кончается правительство—урядник, староста, дворник, профессор и т. п. Фикция правительства очень вредна именно тем, что к людям, составляющим это воображаемое правительство, устанавливаются нечеловеческие отношения: им или говорят не по-человечески: ваше императорское высокопревосход. и т. п., припадаю к стопам, приношу жизнь на престол и т. п., что есть унизительная и вредная ложь, или ненавидят этих людей, за глаза ругают их, считают себя вправе обманывать их, лгать им и готовят на них бомбы и т. п. И все это только потому, что причислили их к какому-то воображаемому правительству.—Забывать, что самый ужасный злодей и падший есть человек, такая же непростительная ошибка, как и забывать, что папа, великий инквизитор, жандарм, царь есть человек и обязывает меня к таким же братским к нему отношениям, как и ко мне. Больно мне видеть поступки человека, вижу я зло, к. они производят — будь этот человек мои товарищ, племянник или министр, или царь, мне совершенно одинаково надо отнестись к нему— указать, если я могу и умею, его ошибки и с любовью просить его для его же блага изменить его поступки. И вот это-то самое вы и делаете. Давно пора начать это делать тем, кто озабочен общим внешним устройством человеческих отношений. Только этим путем возможно улучшение устройства человеч. отношении. От души желаю, чтобы все то мятущееся молодое поколение, которое стремится переустроить жизнь, примкнуло бы к вам. Но еще больше желаю того, чтобы они поняли еще то, что переустройство отношений человечества возможно только тогда, когда совершится переустройство условий жизни отдельных людей, чтобы они поняли, что так как переустройство (зачеркнуто: государс.) так называемых государственных отношений, самих государств и их учреждении встречает неодолимое препятствие, переустройство же условий жизни отдельных людей (зачеркнуто: своей в) (в пределах хоть бы одной своей жизни) не представляет никаких преград, то (написано над зачеркнутым: и что) поэтому-то это переустройство своей жизни и есть первая обязанность всякого человека, а тем более того, кто имеет в виду переустройство человеческих отношений. — Я не только не отрицаю стремления улучшения жизни других людей, но я признаю это стремление главным, основным, и личное совершенствование, т. е. подчинение себя тем законам, к. должно руководствоваться все человечество, считаю нужным не для самоуслаждения, а для служения общему делу. — Для служения людям другие пути бывают закрыты, а этот всегда открыт и всегда

плодотворен, поэтому-то и надо избирать его преимущественно».

**

Письма, которыми обменялись Толстой и Штанге, представляют интерес как относительно Толстого, так и для истории общественной мысли 80-х годов вообще.

Начавши с сочувствия, хотя бы и частичного, идеям «Народной Воли», Штанге пришел в конце концов к идеализации личности Александра III — казалось бы, не поддающегося никакой идеализации. Как настоящий восьмидесятник, он старается всюду отыскивать «светлые явления» в русской жизни: в учреждении крестьянского банка, в возвращении некоторых сосланных после добролюбовской демонстрации, в «оживлении филантропии». Вопреки всякой очевидности он старается убедить себя и других в наличности какой-то «честной струи» в высших сферах, идущей навстречу народнической интеллигенции. Совершенно правильно его утверждение, что за несколько лет до того его прямо оплевали бы или приняли бы за шпиона, если бы он выступил с такими речами перед молодежью. Во второй же половине 80-х г.г. этот реакционный вздор находил себе терпеливых и даже сочувствующих слушателей. И при этом Штанге думал, что та реакционная идеология, к которой он пришел, является последовательным развитием народничества, что идейное болото, в которое он попал, — самая лучшая почва для создания «нового целого и стройного народнического учения».

Ответ Толстого Штанге очень характерен. Выразивши в самом начале письма самое горячее сочувствие его поступку, он, как выясняется из дальнейшего, сочувствует лишь самому факту прямого обращения со словом убеждения к царю. Он одобряет это обращение с точки зрения моралиста и по этому поводу развивает свои христианско-анархические идеи о правительстве. О самой же общественной программе Штанге, об его идее земского собора он просто умалчивает, — конечно, потому, что эта программа не казалась ему более разумной и привлекательной, чем всякая другая политическая программа. Толстой говорит не о переустройстве общества в какой бы то ни было форме, а о самоусовершенствовании отдельной личности.

В заключение добавим несколько слов о последующей судьбе Штанге. Проведя лето 1887 г. в Батищеве у Энгельгардта, он в сентябре приехал в село Павлово, Горбатовского уезда, Нижегородской губ. Там он обратил на себя внимание сношениями с кустарями-слесарями, особенно с Лачалдевым и Перчанкиным, привлекавшимися к политическим де-

знаниям. Кроме того, местным становым приставом было найдено сходство между его наружностью и фотографической карточкой разыскивавшегося тогда революционера Леона Ясевича. Поэтому Штанге был обыскан; взяты были копия его письма к царю и еще некоторые письма — в том числе и ответ Толстого. Штанге был отдан под негласный надзор, продолжавшийся до 1890 г. Оставшись в Павлове, он явился инициатором и руководителем Павловской артели кустарей. В 1891 г. нижегородский губернатор Баранов, «в виду вредного влияния его на местных крестьян», воспретил Штанге жительство в Нижегородской губ. Департамент полиции указал Баранову, что высылка Штанге вряд ли вызывалась необходимостью. В том же году ему позволили приехать опять в Горбатовский уезд для устройства дел артели — сперва на месяц, потом этот срок был продлен, и вскоре ему опять было разрешено жительство в Нижегородской губ. В дальнейшем Штанге продолжал работать по артельному делу. В «Русских Ведомостях» за 1902 г. им было помещено две статьи по этому вопросу.

Н. К. Бух

Первый процесс народовольцев [1])

По нашему процессу привлекалось шестнадцать человек, семнадцатый — Гольденберг, как сказано в обвинительном акте, умер 17 июля 1880 г. в Петропавловской крепости. Из пятнадцати своих товарищей по процессу я знал только семь человек: Квятковского, Ширяева, Зунделевича, Цукермана, Иванову, Грязнову и Евгению Фигнер. Окладского я мельком встретил в Одессе в 1875 г. Остальных подсудимых: Кобылянского, Тихонова, Преснякова, Мартыновского, Зубковского, Булича и Дриго — никогда не видел. Только из обвинительного акта я узнал, что Сергей Мартыновский — это Иван Голубинов, арестованный 4 декабря 1879 г. в Петербурге, и что именно в его квартире найден роковой проект брачного свидетельства «супругов Лысенко», послуживший первопричиной ареста нашей типографии. Удивило меня, что к нашему процессу привлечен Владимир Дриго, бывший управляющий имениями казненного в Одессе Дмитрия Лизогуба. Обвинялся он в том, что по распоряжению своего хозяина передавал нам деньги, зная, что деньги эти будут нами израсходованы на революционные цели. Из сообщений Клеточникова нам было известно, что этот Дриго, попав в тюрьму, предлагал жандармам, если они освободят его, содействовать им в розыске центральной ячейки организации народовольцев. Перед моим арестом приезда Дриго ожидали в Петербурге, наши товарищи готовили ему надлежащую встречу, но жандармы, очевидно, не поверили этому прохвосту, не воспользовались его предложением и тем спасли ему жизнь. Лизогуб считал Дриго своим другом. Это, вероятно, и дало повод жандармам отнестись к его предложению с полным недоверием.

Относительно подсудимых, как это видно из обвинительного акта, прокурором петербургской судебной палаты доставлены следующие сведения:

---

[1]) Продолжение воспоминаний Н. К. Буха, опубликованных в № 11 «Каторга и Ссылка» за 1930 г. Ред.

Квятковский, Александр Александров, 27 лет, из дворян Томской губернии, женат, вероисповедания правосл., первоначальное воспитание получил в Томской гимназии, а затем в СП. Технологическом Институте, где курса не окончил. В 1874 г. был арестован за имение у себя сочинений преступного содержания. В 1876 г., по освобождении из-под ареста, пропагандировал в окрестностях ж.-д. станции Ефремов[1]) откуда скрылся, а в 1877 г. с тою же целью проживал в Ардатовском уезде, Нижегородской губ., на устроенной Феликсом (Линевым) ферме, при деревне Масловке, откуда, при обнаружении и задержании бывших вместе с ним лиц, скрылся. Привлекался по делу о 193-х. Задержан в Петербурге 24 ноября 1879 г. под именем Чернышева.

Ширяев, Степан Григорьев, крестьянин Саратовской губ., 23 л., воспитывался в Саратовской гимназии и в Харьковском ветеринарном институте. Еще в гимназии, судя по его об'яснению, он познакомился с стремлениями русской революционной партии и был членом революционного кружка, издававшего рукописный журнал противоправительственного направления. С конца 1876 г. до конца 1878 г. находился за границею, в Париже и Лондоне, и работал там на фабриках. По возвращении в Россию принял деятельное участие в преступлениях террористического характера и был арестован в Петербурге 4 декабря 1879 г. под именем Смирницкого. При задержании у Ширяева, между прочим, были отобраны два подложных паспорта и револьвер.

Зунделевич, Аарон Исакович, 25 л., мещанин Виленской губ., еврей, воспитывался в Виленском еврейском раввинском училище, откуда выбыл в 1873 г. по случаю преобразования училища в институт. В 1875 г. он вместе с другими личностями в Вильне, устроив тайный кружок, имевший целью возбудить в еврейском населении вражду к существующему образу правления и подготовить к социальному перевороту, распространял запрещенные сочинения. Дело окончено административным порядком, участники понесли наказание, а Зунделевич скрылся сперва за границу, потом приехал в Россию под чужим именем. Арестован в Петербурге в импер. публичн. библиотеке 28 ноября 1879 г., при чем найдено при нем шесть экз. № 1 «Народн. Воли», программа общества для содействия революционному движению в России, несколько фотографических карточек и подложный паспорт на имя поч. гражданина Давида Брафмана. На допросах Зунделевич показал, что этот паспорт, а также газету «Народная Воля» он получил в Петербурге, но от кого — назвать не желает.

Кобылянский, Людвиг Александрович, 22 л., из дворян Волынской губ., вероисповедания римско-католического, по ремеслу слесарь. В среде революционной партии был преимущественно известен под именем «Полячек». В августе 1878 г. привлекался к дознанию в Варшаве о преступной пропаганде, но скрылся за границу. Возвратясь в Россию, Кобылянский проживал здесь под разными фамилиями и принимал участие в преступной резол. деятельности. Арестован в Киеве 21 августа 1879 г.

Тихонов, Яков Тихонов, 28 л., крестьянин Смоленской губ., женат, знает ткацкое и слесарное мастерство. В 1875 г. привлекался к дознанию за пропаганду в среде рабочих, за что в 1877 г. был сослан в Пинегу. В ноябре 1877 г. бежал из Пинеги и 3 ноября 1878 был арестован в Москве, а 4 марта 1879 г. бежал из Сретенской части

---

[1]) Тульская губ. Местность очень удобная для нелегальной пропаганды, дающая возможность, в случае провала, легко скрыться за границы близлежащих губерний: Рязанской, Воронежской, Орловской. **Авт.**

и находился на свободе до 21 ноября 1879 г., когда был арестован в Петербурге.

Окладский, Иван Федоров, 22-х лет, мещанин г. Новоржева, Псковской губ., воспитывался в уездном училище, но курса не окончил, знает слесарное мастерство и с 1872 г. работал на заводах в Петербурге, судя по его объяснению, он в 1874 г. примкнул к соц.-революц. партии и затем был привлечен по делу о преступной пропаганде между рабочими, вследствие чего из Петербурга скрылся и стал проживать по подложным паспортам. 5 июля 1880 г. Окладский был задержан в г. Петербурге под именем мещанина Сидоренко. При аресте были найдены у него, между прочими вещами, заряженный револьвер и отпущенный кинжал.

Пресняков, Андрей Корнеев, 24 л., ораниенбаумский мещанин, воспитывался сначала в учительской семинарии, а затем в Петербургском учительском институте, откуда, по его об'яснению, вышел с первого курса; с 1875 г., не оставляя Петербурга, стал работать в качестве слесаря на фабриках. В 1877 г. был привлечен к дознаниям: о распространении среди рабочих социалистических воззваний и об убийстве агента сыскной полиции Шарашкина, вследствие чего подвергся аресту, но в апреле 1878 г. бежал из-под ареста, после чего до марта 1879 г. находился за границею, в Париже и Лондоне. По возвращении в Россию примкнул к террористическому движению и был задержан в июле 1880 г. При аресте оказал вооруженное сопротивление.

Бух, Николай Константинович, сын тайного советника, вероисповедания православного, 25 лет, воспитывался в самарской гимназии, держал экзамен в 1-м Павловском военном училище и слушал курс наук в медико-хирургической академии. К социальному сообществу принадлежит с 1874 г., когда состоял членом самарского кружка. Содержится в Сп. крепости с 18 января 1880 г.

Цукерман, Лейзер Иоселев, иудейского вероисповедания, еврей, 25 лет, мещанин, Виленской губернии; воспитание получил домашнее. Проживал с 1875 г. большей частью за границею. Содержится в петер. крепости с 18 январа 1880 г.

Мартыновский, Сергей Иванов, 20 л., дворянин, канцелярский служитель в межевой канцелярии; воспитание получил в Константиновском межевом институте, но курса не окончил. К дознаниям по делам политического характера не привлекался.

Зубковский, Афанасий Андреев, 25 л., б. студент Киевского университета, сын священника Полтавской губ., Миргородского уезда. Первоначально воспитывался в полтавской семинарии, 20 апреля 1887 г., по требованию начальников волынского и полтавского губернских жандармских управлений, в квартире его, в г. Киеве, был произведен обыск, при котором найдено значительное количество печатных запрещенных сочинений. Сам Зубковский на обыске не присутствовал и, скрывшись, бежал за границу. Возвратился он в Россию в 1878 г. и примкнул к революционной партии. Арестован 14 мая 1879 г. в Роменском уезде с паспортом на имя Саковича и содержится в пет. крепости с 15 февраля 1880 г.

Бурич, Александр Петрович, 27 л., дворянин Полтавской губ., вероисповедания православного. Воспитывался в полтавской гимназии, а потом в Киевском университете. Земский врач Черниговской губернии. До привлечения его к настоящему делу ни в чем преступном, в политическом отношении, замечен не был.

Дриго, Владимир Васильевич, дворянин Черниговской губернии, вероисповедания православного, 31 года. Воспитывался в черниговской гимназии, но курса не окончил; состоял впоследствии учителем народ-

ных училищ. К дознаниям политического характера до сего времени не привлекался.

Иванова, Софья Андреевна, дочь майора, 23 лет, привлекалась в 1877 г. по делу о демонстрации на площади Казанского собора, а потом в 1878 г. по процессу 193-х. Административным порядком была выслана в г. Кемь, Архангельской губернии, откуда в 1879 г. бежала в Петербург. Содержится в петер. доме предварительного заключения с 27 февраля 1880 г.

Грязнова, Мария Васильевна, крестьянка Тверской губернии, Осташковского уезда, деревни Суток. Вероисповедания православного, 22 л., девица. Содержится в петер. крепости. К дознаниям политического характера раньше не привлекалась.

Фигнер, Евгения Николаевна, 21 г., из дворян Казанской губ., вероисповедания православного; первоначальное образование получила в коломенской женской гимназии, а затем слушала курсы при калинкинской больнице; имеет диплом фельдшерицы от саратовской врачебной управы. Привлекалась по делу, произведенному сенатором Леонтьевым, об образовании преступного сообщества в Саратовской и Самарской губерниях. Задержана в Петербурге 24 ноября 1879 г. под именем жены титулярного советника Евгении Павловны Побережской.

По обвинительному акту ко всем этим подсудимым пред'явлено обвинение в принадлежности к тайному сообществу социально-революционной партии, стремящейся, путем бунта и насилия, ниспровергнуть государственный строй и обнаружившей свою деятельность целым рядом самых тяжких государственных преступлений.

Сверх того подсудимые обвиняются: 17

«1) Квятковский, Зунделевич и Кобылянский в том, что в марте 1879 г., находясь в Петербурге, принимали участие с Гольденбергом и государственным преступником Соловьевым в тайных совещаниях, на которых обсуждалось преступное покушение на жизнь императора Александра II, совершенное вслед за сим, 2 апреля того же года, Александром Соловьевым.

2) Тихонов, Окладский и Пресняков в том, что 18 ноября 1879 г. с другими лицами, по делу не разысканными, с той же целью посягательства на жизнь императора, подложили мины под полотно Лозово-Севастопольской жел.-дороги, на четвертой версте от г. Александровска, Екатеринославской губ., и сомкнули цепь гальванической батареи, соединенной с миной, в тот момент, когда над последней проходил императорский поезд, но взрыва мины не последовало по независимым от покушавшихся обстоятельствам.

3) Ширяев в том, что, совместно с Гартманом, скрывшимся от преследования, и другими лицами, не задержанными, устроил подкоп под полотно Моск.-Курской ж. д., на третьей версте от пассажирской станции в г. Москве, и, подложив под рельсы мину, вечером 19 того же ноября, взорвал полотно в то время, когда проходил поезд со свитою императо-

ра; покушение это, очевидно, было направлено против самого императора, проследовавшего по этому же пути незадолго до взрыва.

4) Квятковский в том, что принимал участие в приготовлениях ко взрыву, последовавшему 5 февраля 1880 г., в Зимнем Дворце и произведенному, как дознано, крестьянином Степаном Халтуриным. Это взрыв динамита разрушил помещение военного караула, причем убито 11 и ранено 56 чел. и повреждены покои, в которых был накрыт стол для семейного обеда императорской фамилии, в то время, когда в семейной зале находился император для встречи принца Александра Гессенского, приглашенного к «высочайшему столу».

5) Квятковский и Ширяев в том, что в числе других лиц, скрывшихся от преследования, принимали участие в с'езде революционеров в Липецке, в июне 1879 г., на котором было решено повторить покушение Соловьева, но уже не в форме открытого посягательства, а путем взрыва поезда на жел. дороге с применением динамита и, сверх того, выработана организация партии террористов.

6) Кобылянский в том, что, согласившись предварительно с Гольденбергом убить харьк. губернатора князя Крапоткина, он 9 февраля 1879 г. присутствовал при убийстве князя, совершенном в г. Харькове Гольденбергом, и затем скрылся вместе с последним. Зубковский и Булич в том, что, зная о намерении Гольденберга и Кобылянского совершить убийство князя Крапоткина, согласились помогать им, причем первый устроил для них конспиративную квартиру в Харькове, а второй дал им через Зубковского денежные средства.

7) Бух, Цукерман, Иванова, Грязнова, Квятковский и Фигнер в том, что устроили типографию в Саперном переулке, в которой занимались печатанием противоправительственных изданий, возбуждающих к бунту и неповинению верховной власти и где первые четверо задержаны 18 января 1880 г. с поличным.

8) Мартыновский в том, что, имея у себя шрифт, однородный с найденным в означенной типографии, и занимаясь набором статей преступного содержания, принимал участие в деятельности той же типографии.

9) Бух, Цукерман, Иванова, Грязнова и Пресняков — в вооруженном сопротивлении чинам полиции при их задержании, причем это сопротивление со стороны Преснякова (24 июля 1880 г.) сопровождалось нанесением тяжкой раны отставному рядовому Степанову, от которой последний умер.

Сверх того, все вышеупомянутые лица, исключая Булича, Дриго и Цукермана, обвиняются в проживательстве по подложным паспортам».

За эти «преступления» обвинительный акт, ссылаясь на различные статьи закона, требовал — по содержанию этих статей — для всех нас смертной казни.

Тов. прокурора спб. судебной палаты Поскочин, при моем допросе, перечислив все уличающие предметы, найденные у нас в квартире, грозил, что все мы, арестованные в типографии «Народной Воли», будем привлечены к ответу за взрывы в Москве и в Зимнем Дворце. Все эти предметы, а также паспорт на имя Батурина, по которому Халтурин проживал до поступления своего во дворец и о котором Поскочин, вероятно, в то время еще не знал, перечислены в деталях обвинительного акта, но на основании этих данных к нам прямого обвинения во взрывах не пред'явлено. Я принял это как знамение кратковременной либеральной эпохи Лорис Меликова.

После допроса меня по делу о вооруженном сопротивлении я, вернувшись в свою камеру, мысленно остановился на настойчивости, с которой следователь по особо важным делам утверждал, что полицейский пристав Миллер первым ворвался в нашу квартиру и что в него кто-то стрелял. Подумал: откуда сие, как создался такой фантастический эпизод? Мало-по-малу я нарисовал себе картину. Пристав Миллер, удовлетворив свой гнев нашим избиением, летит на извозчике с докладом к градоначальнику о нашем аресте. Он помнит: после выхода первого номера «Народной Воли» градоначальник собрал всех приставов г. Петербурга и пригрозил им, что если типография, печатающая эту газету, будет открыта помимо их (приставов), то полицейские чины, в участке которых эта типография окажется, будут им строго наказаны. И вот теперь типография арестована в его участке, арестована помимо его, Миллера, по непосредственному указанию градоначальника. И как он исполнил приказ градоначальника? Он послал к нам с обыском своего помощника с одним городовым и дворниками. После первого же выстрела его помощник бежал. Ведь, преступники имели полную возможность, перебив стражу, скрыться из квартиры. Что скажет градоначальник, если он, Миллер, изложит в своем докладе события так, как они произошли? Нет, это невозможно. Нужно допущенную оплошность затушевать своей мнимой доблестью. Все свидетели, находясь под его началом, конечно, поддержат его, тем более, что в противном случае и они могут пострадать. И Миллер сделал соответствующий доклад... Догадка моя оправдалась. На предварительном следствии пристав Миллер, конечно, повторил свой доклад градоначальнику, не мог иначе поступить. В обвинительном акте его показание изложено так:

«Майор Миллер показал, что в ночь с 17-го на 18-е января с. г., прибыв с помощником своим, коллежским ассесором Эфенбахом, го-

родовыми и понятыми в квартиру именовавшего себя Лысенко, он узнал, что в эту квартиру есть два хода: один по парадной, другой по черной лестнице. Поэтому, отрядив г. Эфенбаха с околоточным надзирателем, городовым и понятыми и старшим дворником, поручил им войти в квартиру с черного хода, а сам с остальными приглашенными к обыску лицами направился к парадному ходу и, так как по его звонку в квартире поднялась суматоха и крики: «пришли с обыском», то, опасаясь со стороны живших в квартире принятия мер к уничтожению предметов, их компрометирующих, он, Миллер, приказал сломать двери и вошел в квартиру силою. Помещение оказалось неосвещенным, тем не менее в противоположной ко входу двери он увидел очертание мужской фигуры, которая сделала по нем выстрел, но он, Миллер, не останавливаясь, прошел через две комнаты в кухню[1], где отворил дверь, ведущую на черный ход, и впустил в квартиру помощника своего и лиц бывших с ним. Лица же, сопровождавшие его, Миллера, остались по-прежнему на парадной лестнице, удерживаемые повторявшимися выстрелами жильцов квартиры, отвечая с своей стороны тоже выстрелами. Желая обеспечить задержание живших в квартире, он не решался без присутствия вооруженной силы занять следующие комнаты и поехал в казармы жандармского дивизиона, на Кирочную улицу. За время его отсутствия, — что продолжалось не более 25-ти минут, — Лысенко и его товарищи, очевидно, занялись истреблением многого из уличного, жгли бумаги (обгорелые остатки были найдены при обыске) и выбрасывали в окна книги и другие предметы. Оставленные же его изредка обменивались с сопротивлявшимися выстрелами, караулили парадный ход и занимали кухню и смежную с нею комнату. Из дивизиона он возвратился с пятью жандармами, с которыми и проник в квартиру, взяв с собою лампу. После довольно продолжительной перестрелки, в которой приняли участие [illegible], он, Миллер, задержал в комнате, расположенной рядом с гостиной, четырех человек (двух мужчин и двух женщин), которые, после некоторой борьбы, были связаны, при этом он [illegible] заметил, что всего в квартире было застигнуто пять человек, и действительно пятый был найден жандармами в задней комнате, причем, при входе в эту комнату застрелился из револьвера и вскоре затем умер. Затем начался обыск, причем найдено и отобрано от задержанных в квартире всего шесть револьверов. Один из них, небольшого калибра, было совершенно [illegible], другой, также, разряженный при обыске, был подан [illegible], с [illegible] патронов, прочие револьверы [illegible]. Судя по копоти на револьвере, [illegible] ему с [illegible], а также и по тому обстоятельству, что при обыске [illegible] короб с патронами, есть основание предполагать, что [illegible] несколько раз заряжали свой револьвер. Из [illegible] Миллера, был только г. Эфенбах [illegible] ранен в руку, прочие же остались невредимы».

Показания всех полицейских чинов и дворников были старательно согласованы с этим показанием пристава Миллера, все стремились поддержать доблесть своего начальника. Так, Эфенбах, например, подтвердил показание Миллера, «до

---

[1] Т. е. через гостиную и [illegible], в которой последняя [illegible] и другие документы, что явная чушь.

бавил, что по от'езде пристава в жандармский дивизион, он перешел на парадную лестницу и, охраняя выход из квартиры, держал рукою за ручку двери. В это время с внутренней стороны последовал выстрел. (Это был, как я уже писал, первый выстрел с нашей стороны. Его дал Абрам. Н. Б, [1]). Пуля, пробив двери, задела за верхнюю часть его мизинца левой руки, ударилась о запонку, с которой соскочила цепочка, пробила затем насквозь сюртук и вату на пальто, где остановилась». Характерно для Миллера, что эту рану своего попощника,— по службе и по лжесвидетельству, направленному к возвеличиванию его роли при нашем аресте, — он в своем показании назвал царапиной.

В своих воспоминаниях об аресте в типографии Н. В. я писал, что в момент, когда мы уже были связаны и сидели на стульях под охраной жандармов, «через залу деловито проходил старший городовой. Грязнова в этот момент выразила свое негодование:

— Вы трусы, трусы. Пока мы стреляли, вы прятались, а когда связали,— избили каблуками.

Городовой, не оборачиваясь, не видя, кто это сказал, спокойно огрызнулся:

— Нет, не мы трусы, а вы. Вы сдались» [2]).

Это был городовой, а в дни нашего суда уже околоточный надзиратель Лев Павлов. Вышеописанный эпизод не мог понравиться Миллеру. В докладе градоначальнику он, рисуя свою доблесть, утверждал, что мы сопротивлялись до конца, подвергая его жизнь опасности, а тут вдруг полицейский чин обвиняет нас в трусости и утверждает, что мы сдались. Идя к своей цели, подготовляя Павлова к предстоящему ему допросу на предварительном следствии, он, надо полагать, заставил его изменить свое показание и попутно бросить в нас ком грязи. В обвинительном акте показание Павлова приведено в таком виде: «Войдя в квартиру № 9 тогда, когда уже все задержанные были связаны, он слышал от женщины с светлыми, длинными волосами, называвшей себя женою Лысенко, как она подшучивала над мужчинами, и при этом сказала, обратясь к ним: «Какие вы мужчины, вы трусы: было условлено защищаться, а вы оставили первые; пришлось нам, женщинам, защищаться».

При перечитывании обвинительного акта у меня еще роились мысли:

Почему Мартыновский обвиняется в работе нашей типографии? У него нашли набор речи Мышкина. Эта речь печаталась в русской вольной типографии в первой половине

[1]) См. «Каторга и Ссылка № 8 - 9 (57—58) за 1929 г., стр 80

[2]) См. там же, стр. 92 .

1878 г. Набрана она заграничным шрифтом, который значительно ниже по качеству русского шрифта, употреблявшегося для набора газ. «Народная Воля», а потому он, как совершенно непригодный для нашей типографии, и не был ею освоен. Это нужно выяснить на суде. В чем нас, арестованных в типографии, обвиняют? В вооруженном сопротивлении. Это мне казалось самым страшным обвинением, влекущим за собою смертную казнь, а потому, не пересматривая этого вопроса, я решил отбояриться от него всеми правдами и неправдами. А его нужно было пересмотреть. Вооруженное сопротивление наше, не сопровождавшееся жертвами со стороны полицейских и жандармских чинов, не было обвинением, влекущим за собою в 1880 г., в период либеральных веяний, грозных последствий. В чем еще нас обвиняют? Мы печатали газету «Народная Воля». Что требовала эта газета? Созвания представителей народа, избранных без всякого давления с чьей-либо стороны в учредительное собрание, и передачи этому собранию всей полноты власти. Так чего же вы, мерзавцы,— мысленно обращался я к своим будущим судьям, — обвиняете нас в стремлении к ниспровержению существующего порядка? Чего вы испугались? Ведь вы верите, что народ за вас, так почему же вы думаете, что учредительное собрание, избранное без всякого давления с чьей-либо стороны, как это требует «Народная Воля», опрокинет не нас, революционеров, а существующий порядок. И как молнией осветила меня мысль: защищая себя, под прикрытием этой защиты, я имею возможность частично популяризировать со скамьи подсудимых программу народовольцев.

Денька через три после вручения нам обвинительного акта мне дали переодеться в свое платье и повели в зал свиданий и допросов. Я думал, что пришли ко мне братья, но в зале встретил целую толпу молодых людей, одетых в мундиры неизвестного мне образца. Один из них, секретарь с.-п. военно-окружного суда, отрекомендовав остальных как кандидатов на судебные должности, предложил мне, если я это желаю, выбрать себе из их среды защитника. Я, оглядев представленную мне толпу, выбрал одного из молодых людей, лицо которого мне показалось более симпатичным. Выбранный мною защитник быстро подошел ко мне, дружески подхватил меня под руку и по указанию смотрителя Березина прошел со мною в соседнюю большую комнату с мягкой мебелью. Мы были одни, только, как обычно, присяжный унтер-офицер внимательно наблюдал за нами в щель двери. Мы сели друг против друга в креслах.

— Я, — сказал мне мой защитник, — кандидат на военно-судебные должности, Китаевский, бывший студент; вы мо-

жете отнестись ко мне с полным доверием. Расскажите все, как было, чтобы я мог возможно лучше выполнить свою функцию.

Эта претензия его на мою полную откровенность мне показалась странной. Как я мог довериться этому кандидату на военно-судебные должности? Проболтается, если не теперь, то после суда. Я решил держаться рамок обвинительного акта.

— Нас обвиняют,—сказал я,—в печатании газеты «Народная Воля». Этого отрицать, понятно, нельзя. Печатал, как печатал и одну из глав, запрещенную цензурой, «Пир на весь мир» Некрасова. Я всегда стоял за свободу слова и печати. В вооруженном сопротивлении я не участвовал. Это сопротивление раздуто полицейскими чинами, стремящимися оправдать награды, полученные ими за наш арест [1]). Наша квартира служила складом всевозможных компрометирующих предметов. Мы их хранили, чтобы избавить товарищей, в случае их ареста, от ответа и руководствуясь правилом: «семь бед — один ответ». Но мы эти предметы не рассматривали, как вы не стали бы читать чужие письма, случайно попавшие в ваши руки. Среди этих предметов есть и дающие намек на наше участие в московском и дворцовом взрывах. Даже обвинительный акт не считает этих намеков достаточными для обвинения нас в этих террористических актах или в знании и недонесении о них.

Понятно, что, принимая все эти предметы на хранение, мы не вникали в их сущность. У нас найдена масса фальшивых паспортов и печатей, из этого еще не следует, что мы занимались подделкой этих предметов. Меня обвиняют еще в том, что я проживал по фальшивым документам. За шесть лет своей нелегальной жизни, я, конечно, проживал по многим фальшивым и чужим паспортам.

Китаевский был явно обижен моей недоверчивостью к нему, но больше на моей откровенности не настаивал. В заключение я просил его навестить моего старшего брата и сообщить ему о предстоящем суде. Он это исполнил.

Вернувшись в свою камеру и припоминая свой разговор с защитником, я подумал: хорошо было бы признаться на суде, что я печатал не только «Нар. Волю», но и «Землю и Волю» и газ. «Начало», и «Летучий Листок» — органы разных программ. Это, мол, был протест с моей стороны против отсутствия у нас свободы слова и печати — направление этих

---

[1]) Пристав Миллер, как кто-то сообщил мне, за проявленную им доблесть при нашем аресте получил какой-то орден с мечами за храбрость.

органов для меня было безразлично. Над этой мыслью я долго не останавливался. Меня испугало, что жандармы, после этого моего признания, покажут мою фотографическую карточку дворникам домов Петербурга или шпикам («Кантонист» [1]) — молодой человек, проследивший меня почти до логова тип. газеты «Земля и Воля»), и этим путем выяснят квартиры, в которых мы печатали эти газеты. Испугало, что этим путем я наведу жандармов на след Панютиных и М. П. Крыловой. Об аресте последней я еще не знал и почему-то предполагал, что на квартире газ. «Земля и Воля» она жила под собственной фамилией и что возможно живет и в данный момент под собственным паспортом на квартире газ. «Черный Передел». Аж мурашки заскребли по телу от мысли, что своим признанием я могу провалить и эту типографию.

Прошло еще денька три. Мне принесли мое платье и, когда я переоделся, предложили захватить с собой и обвинительный акт. Я обрадовался, догадавшись, что нас переводят в дом предварительного заключения. Петропавловская крепость мне очертела, сношения с волей были прерваны, да и перестукивание с соседями было крайне затруднено. Догадка моя оправдалась. Меня передали какому-то маленькому и щупленькому жандармскому офицерику, преисполненному своим достоинством и щеголявшему своим либерализмом. Он усадил меня в карету, сел рядом со мной, против нас сели два жандармских унтер-офицера. В пределах кареты мне была предоставлена полная свобода. Мы выехали из Петропавловской крепости, проехали по Большой Дворянской на мост, проехали мимо нашей бывшей сапожной мастерской, выехали на набережную Невы и, миновав, М. Х. Академию, свернули на Литейный мост, на Литейный проспект. Сколько со всем этим было связано у меня хороших воспоминаний.

Был солнечный яркий зимний день. Сквозь стекла кареты я жадно наблюдал многочисленных прохожих, так и хотелось, выскочив из кареты, замешавшись в толпе, скрыться с глаз жандармов. Особенно сильно охватило меня это желание, когда мы проезжали мимо кучки людей, скопившихся около вагона конки, стоявшим на своем конечном пункте, на углу Литейного проспекта и Шпалерной. Но,

---

[1]) «Кантонист», сообщила мне Л. В. Федорова-Панютина, жена итальянца, был не крещенный еврей, как я его назвал в своих «Воспоминаниях», а поляк. Он состоял агентом III отделения и, вероятно, был поставлен последним на Кирочной для наблюдения за секретарем этого отделения, ведшим разгульную жизнь и жившим рядом с нашей квартирой, с квартирой типографии газ. «Начало».

хвы, наша карета, быстро свернув на последнюю улицу, уже под'ехала к воротам дома предварительного заключения. Меня провели в канцелярию и сдали под росписку. Жандармы удалились. Под конвоем двух надзирателей меня повели длинным высоким коридором. В конце его была маленькая низенькая дверка. Эта дверка вела в помещение с массой арестантских камер. С одной стороны это помещение освещалось в два света огромными, высокими окнами, с другой — паутина тонких железных лестниц вела к арестантским клеткам, расположенным друг над другом в пять этажей. По этой паутине двигались в разных направлениях арестованные и надзиратели, слышны их оклики и разговоры, слышны щелканья замков в отворяемых и затворяемых дверях. Меня подвели к камере в нижнем этаже. Замок щелкнул, и я очутился в клетке. Клетка маленькая, раза в 3-4 меньше камеры Петропавловской крепости, но уютная. Против двери окно, у окна раковина ватер-клозета, промываемая канализационной водой. Я еще на воле знал, что эта раковина может служить не только для своего прямого назначения, но и для разговоров с соседями по заключению. Небольшой столик, скамейка, кровать, привинчивающаяся на день к стене, и умывальник дополняли меблировку камеры. Прекрасная вентиляция, газовый рожок над столом, электрический звонок. Из коридора доносится непрерывный шум разговоров, окликов, шагов. Слышен возглас: «кому письма отправлять?». Этот шум, напоминавший жизнь в большой гостинице, после мертвой тишины в Петропавловской крепости был приятен. Принесли казенный обед: щи из кислой капусты с небольшим куском мяса и гречневую кашу с коровьим маслом. С'ел с удовольствием. После обеда зашел ко мне помощник смотрителя, принес мне новую книжку «Отеч. Записок», папиросы, спички, чай, сахар, какую-то снедь, посуду, присланные братом, и сообщил: на мое имя получены деньги, я каждый день могу заказывать себе обед и продукты из соседнего магазина. Брат Лев, как опытный человек, предусмотрел все мои тюремные нужды. Посетил меня фельдшер. Записав мои приметы, он сказал мне: «если у вас на теле есть особые приметы, то укажите мне хоть одну из них, и я вас больше беспокоить не буду». Я указал ему рубец на щеке от вырезанного нарыва, он внимательно осмотрел его, что-то записал в свою записную книжку и удалился. На ужин дали опять кислых щей, но на этот раз без мяса и без каши. С'ел с аппетитом, но на будущие дни заказал себе обед за собственный счет. С удовольствием выпил ароматный чай своей заварки. Этой роскоши мы были лишены в Петропавловской крепости. Вечер — ночь.

В этом огромном муравейнике жизнь замирала. Лишь изредка слышны звонки. щелканье отворяемых и затворяемых дверей. Шаги надзирателей становятся все более равномерными, спокойными. Над моей головой шагает сосед: пять-шесть в одном, пять-шесть шагов в другом направлении. Как скучно, должно быть, сидеть в такой клетке, не имея возможности погрузиться в чтение.

В «Отеч. Записках», как обычно, я прежде всего набросился на Щедрина. На этот раз наш великий сатирик написал публицистическую статью, решив вероятно, что в короткий период либеральных веяний — сколько таких веяний этот гениальный старик пережил — нужно писать не «рабьим языком», а высказать свои заветные мысли открыто. В этой статье своей он горячо защищал свободу слова и печати. «Только разумом, писал он, человек отличается от других животных, только разум дал возможность человеку стать господином на земле, познать силы природы и овладеть ими, а потому нельзя этот разум заковывать в кандалы, нужно предоставить ему полный простор для его развития» [1]). Так-так, — восторженно думал я, — ты, старик, словно оправдываешь меня, нужно воспользоваться твоей мыслью, твоим авторитетом в своей защитительной речи, и тем еще раз популяризировать твою идею.

А над моей головой все еще продолжал шагать таинственный сосед по заключению. Кто он? Может быть один из моих товарищей по процессу, может быть у него нет книг, может быть он взволнован предстоящим судом, обдумывает свое поведение на предстоящем нам выступлении перед судом и товарищами. Я подошел к водопроводной трубе, уходившей в мой потолок, и чайной ложкой простучал: «Кто вы?». Шаги остановились, потом, как мне казалось, приблизились к той же водопроводной трубе, и я получил ответ: «Арестант». «За что вы арестованы?» — «За воровство». Я хотел прекратить разговор, но сидящий надо мною к этому не был расположен. Он закидал меня вопросами: кто я, по какому делу, когда будет суд, нет ли у меня «динег». И, когда через коридор я ясно услышал голос надзирателя, обращенный, очевидно, к нему: — нельзя стучать, в карцер попадешь — он, обождав некоторое время, настойчиво советовал мне вычерпать рукой воду из ватерклозета и поговорить с ним о каком-то важном деле. Я всячески старался отделаться от него, отмалчивался и в конце-концов получил реприманд: «Хоть ты и политический, а видать, что

---

[1]) Пишу по памяти, кавычки ставлю только для ясности чтения

дурак». Это был уже второй «дурак», полученный мною по тюремному телеграфу.

На другой день меня посетил мой защитник Китаевский. Он исполнил мое поручение, повидался с моим старшим братом, передал мне от него поклон. Поговорили о деле. Эти переговоры шли вяло, он все еще сохранял в себе обиду, вызванную моим недоверием к нему, отсутствием полной откровенности с моей стороны, которая так естественна и полезна между обвиняемым и его защитником. Он сообщил мне, что наш суд начнется через день-два, хорошо не помню, 25 октября (ст. стиля). После его ухода мне подали заказанный мною обед. Он состоял из двух блюд, и в первый раз за все время моей неволи был подан в совершенно чистой посуде. После обеда повели на прогулку. Среди обширного пустынного тюремного двора построена крытая двухэтажная башенка, от нее радиусами сажени в три шли клетки, отделявшиеся деревянной решеткой со стороны двора и плотными высокими заборами от соседних клеток. В одном из таких помещений меня заперли, словно зверя в зоологическом саду, и предложили погулять. На втором этаже башни маячил, как пожарный на каланче, надзиратель. Ему были видны все гуляющие, мы же друг друга не видели. Сквозь решетку клетки, саженях в двенадцати от меня, возвышалось безжизненное, пятиэтажное здание с решетчатыми окнами. Какие думы роятся за каждой из этих решеток, за каждым окном? Около этого здания какая-то женщина, не глядя в нашу сторону, не обращая на нас внимания, старательно выбивала палкой пыль из тюфяка. Медленно шагая по отведенному мне звериному логову, я продолжал обдумывать предстоящее свое выступление на суде.

— Г. г. судьи, — мысленно обращался я к еще неведомым мне теням, — чтобы судить обо мне правильно, вам нужно знать цели, к которым я стремился и средства, путем которых я пытался достигнуть этих целей. Цели могут быть сами по себе безобидными, но средства, которыми достигались они, могут заключать в себе преступление. И обратно, цели могут вам казаться самыми преступными, но если их пытались достигнуть безобидными средствами, средствами не ведущими к достижению этих целей, то... Где же тут преступление? В данном случае я попытаюсь доказать вам, что и цели, к которым я стремился, и средства, путем которых я пытался осуществить эти цели, даже с вашей точки зрения, с точки зрения сознательных сторонников существующего порядка, верящих, что этот государственный строй удовлетворяет потребностям большинства народа, не заключают в себе ничего преступного. Цели... В этом отношении

я вполне разделяю программу «Народной Воли». «Нар. Воля» требует созвания учредительного собрания, составленного из представителей всего народа, избранных свободно, без всякого давления с чьей-либо стороны, и вручение этому собранию государственной власти. Мы, конечно, надеялись, что большинство членов этого собрания окажется на нашей стороне. Надеялись... Хотя я лично и не был в этом уверен. Тем более мне кажется странным, что сторонники существующего порядка, убежденные в том, что современный государственный строй удовлетворяет потребностям народа и поддерживается им, видят опасность в созвании вольно избранных представителей этого народа, боятся вручить этим избранным на короткий период заседаний учредительного собрания государственную власть. Если народ стоит на стороне существующего порядка, то ясно, что и представители его не опрокинут этот порядок, но послужат ему твердой опорой. Это находится в пределах возможного. Даже некоторые товарищи наши из революционной среды, придерживающиеся иных программ, предсказывают нам, что учредительное собрание, если в данное время удается его созвать, раздробит не существующую государственную власть, а народовольцев и революционеров всех других фракций. По этим соображениям, я полагаю, вы не можете признать, что цель, к которой я стремился, преступна, что она влекла за собой разгром существующего порядка, интересы которого вы призваны здесь защищать. Но может быть средства, путем которых я добивался созыва помянутого учредительного собрания, будут признаны вами преступными? Не случайно я добивался своей цели не динамитными взрывами, не кинжалом и револьвером, а изданием революционного органа, печатанием брошюр, прокламаций. Бороться за свои цели вооруженной рукой, хотя бы лишь в пределах ответа красным террором на белый, может только человек, твердо уверенный в том, что эта борьба принесет больше пользы, чем вреда. У меня такой уверенности не было. Я боролся другим оружием. Я всегда был сторонником свободы слова и печати. Я верил, что это обоюдоострый меч, что он имеет силу лишь в руках борцов за правду. Вы, конечно, не признаете нас за таких борцов, вы верите, что правда на вашей стороне, а потому и этот меч в наших руках не должен казаться вам вредным, опасным. Вы видите в нас нарост, язву на организме русского государства. Если это так, то, конечно, эту язву нужно лечить и возможно в силу необходимости даже удалить ее оперативным путем. Но прежде чем приступить к этой операции, язву нужно исследовать, изучить причины, ее породившие, соки орга-

низма, за счет которых она питается. Так? Конечно так, и при этом исследовании страницы печатных произведений, в издании которых я принимал участие, послужат весьма ценным материалом. Я понимаю, что мои деяния вы не оставите без возмездия, так как с точки зрения русского законодательства они являются преступными, но я надеюсь, что вы, при определении этого возмездия, будете иметь в виду, что в нашем мире есть уже много государств, в которых совершенные мною деяния не преследуются законом, что там они, по общему признанию, приносят не вред, а пользу.

Утром 25 октября 1880 года нас, подсудимых, надзиратели вывели по одному из наших камер в уже упомянутый мною высокий, широкий коридор. Коридор этот с одной стороны имел высокую дверь, ведшую на волю, с другой — маленькую узенькую дверцу в галерею, соединявшую дом предварительного заключения с зданием окружного суда. В коридоре были выстроены рослые жандармы в полной парадной форме, в касках, полуприкрытых равномерно ниспадавшими сверху кистями из черных лошадиных хвостов. Жандармы были расставлены на аршин друг от друга. Надзиратели вставляли нас между ними, уплотняя их цепь. Через жандармов, налево от меня, стоял Цукерман, направо — юный блондин, плотный, несколько ниже меня ростом. Цукерман окликнул меня: «Здравствуй, Бух». Юноша вздрогнул, пристально вгляделся в меня, сказал: «Я — Мартыновский; по найденным у меня бумагам арестована ваша типография, я виновен в провале ее». Он хотел еще что-то добавить, я собрался возразить ему, но наш разговор был прерван командой: «Правое плечо вперед, шагом марш». Двинулись и мы с жандармами, нарушая их такт. Узкий коридор перехода. Посреди его имелась отворенная дверь, ведущая через сенцы на маленький дворик с калиткой, как я это знал, на Шпалерную улицу. Явилось страстное желание юркнуть в эту дверь и очутиться вольным человеком в столь близком городском просторе. Но в сенцах стоял часовой, а прилегающая к двери небольшая комнатка переполнена взводом высоких, здоровых гвардейцев, предназначенных, вероятно, к отражению возможной, хотя и безумной при данных обстоятельствах, попытки к освобождению нас извне.

Вошли в высокий, огромный, как тогда казалось, зал окружного суда. С средины потолка на солидной цепи висит большая бронзовая люстра. Вдоль одной из стен длинный стол, накрытый красным сукном. На столе зерцало. За столом на креслах с высокими спинками сидят девять военных судей, секретарь. Направо от них пюпитр прокурора, его товарища, и далее два ряда возвышающихся друг над другом

мягких скамеек с высокими спинками, предназначенных для почетной публики, переполненные в данный момент вельможами Александра II, блестящими представителями потревоженной нами банды грабителей народов русской империи. Налево от судейского стола — такой же двухярусный ряд жестких скамеек для подсудимых и перед ними третий ряд — для их защитников. Среди свободного пространства, отделявшего подсудимых от вельмож, на низком помосте навалена груда вещественных доказательств, из них по своей громоздкости выделяется наш печатный станок, служивший нам для издания трех нелегальных газет и попавший вместе с нами в руки жандармов. С четвертой стороны этого свободного квадрата тянулся ряд кресел и за ними много рядов более простых сидений, предназначенных для публики. На креслах сидели начальник жандармского дивизиона и ближе к нам кавалергардский офицер. Между последним и нами стоял, как статуя, красивый, хорошо сложенный, очень высокого роста кавалергард-рядовой в своем парадном снежно-белом мундире; серебряный панцырь, серебряный шлем на голове с какими-то золотыми птичками сверху; на руках огромные, белые, рыцарские перчатки, с широкими раструбами на добрую четверть аршина прикрывавшими рукава его мундира. За первым рядом кресел, на остальных сидениях, были разбросаны человек десять зрителей в полицейских и штатских костюмах. Публика с более симпатичными лицами скучилась на балконе, тянувшемся вдоль задней стены, против судейского стола. Нас ждали, все уже были на местах. Нас рассадили: 8 чел. на первой, нижней, 8 чел. на второй, верхней скамье. На первую скамью попали: Квятковский, Зунделевич, Булич, Зубковский, Фигнер, я, затем, кажется, Кобылянский и, наконец, Дриго. На верхней скамейке в том же порядке были размещены: Ширяев, Пресняков, Тихонов, Окладский, Иванова, Мартыновский, Грязнова, Цукерман. Знакомые между собой подсудимые поздоровались взглядами. Разыскивая своих братьев в публике, я нашел их на балконе. Брат Лев особенно горячо меня приветствовал. Среди судей меня поразил толстый, высокий, плотный полковник. Где я его видел? Вспомнил. Как-то, года два тому назад, когда мы печатали газету «Земля и Воля», Плеханов предложил мне пообедать с ним в ресторане В первой же зале ресторана за одним из столиков восседала эта важная персона. Увидав ее, Плеханов сказал мне: «Пройдите в следующую залу, мне нужно позондировать этого офицера». Пройдя несколько шагов, я обернулся. Плеханов уже сидел в своем потертом пальтеце против напыщенного полковника и что-то говорил ему. Полковник покраснел

и, очевидно, был шокирован этой неожиданной встречей. Плеханов вскоре присоединился ко мне, пояснив: «Это мой школьный товарищ по училищу; когда-то вместе Чернышевским зачитывались, а теперь у него, кажется, и следов от этого чтения не осталось».

Подлинный стенографический отчет по нашему процессу до сего времени не найден. Думаю, что где-либо в тайниках архивов его удастся обнаружить, документ большого исторического значения, трудно допустить возможность его уничтожения. Но пока-что мы имеем только перепечатку из современных русских газет, в которых наш процесс, под руководством всяких цензоров приведен с большими, желательными для царской власти сокращениями. Восстановить наш процесс по памяти невозможно, приводить его так, как он изложен в имеющемся уже документе, не имеет значения, а потому я буду очень краток, частично приводя газетный текст для пополнения его небольшими вставками, сохранившимися в моей памяти.

Председатель, генерал-майор Лейхт, маленький седой старичек с блестящими темными глазами, предупредив нас, что во время судебного следствия мы не должны позволять себе сношений между собой, приступил к нашему опросу, спрашивая каждого из нас о летах, вероисповедании, о роде занятий. На вопрос о вероисповедании дали оригинальный ответ: Ширяев — атеистического, Окладский — социалистическо-революционного, Мартыновский — не принадлежал ни к какому вероисповеданию. На вопрос о роде занятий: я, Иванова и Грязнова ответили, что работали в тайной типографии. Затем после проверки и опроса свидетелей суд приступил к чтению обвинительного акта. Когда чтение этого документа закончилось, председатель обратился к каждому из нас с вопросами, признаем ли мы себя виновными в тех преступлениях, которые нам пред'явлены. На вопрос о принадлежности к тайному сообществу социально-революционной партии подсудимые отвечали:

Квятковский: «Я себя признаю виновным, но несколько в иной форме. Я признаю себя виновным в принадлежности к революционной партии, органом которой был журнал «Народная Воля».

Ширяев: «Я действительно принадлежу к народнической партии, к той ее фракции, которая исповедует убеждения, выражаемые журналом «Народная Воля», но виновным себя в принадлежности к этой партии не считаю».

Зунделевич: «Признаю себя виновным в принадлежности к социально-революционной партии, но не к тому сообществу, которое путем бунта и насилия стремилось ниспровер-

гнуть существующий строй, так как, по нашему мнению, общественный порядок нельзя уничтожить в 24 часа».

Кобылянский в принадлежности к тайному сообществу виновным себя не признал.

Тихонов: «Я признаю, что принадлежал к тайному обществу только по приезде в Харьков, когда возник вопрос, чтоб взорвать императорский поезд при его следовании из Одессы, а раньше я не принадлежал».

Окладский признал себя членов партии «Народной Воли».

Пресняков: «По своим убеждениям я принадлежу к социально-революционной партии, к фракции «Народной Воли», но не признаю себя виновным, как член, вступивший в тайное сообщество, а только как исповедующий известное учение, выразителем которого была «Народная Воля».

Бух: «Я признаю принадлежность к социально-революционной партии, но не принадлежал к той фракции, которая признает террор».

Цукерман: «Я признаю себя социалистом, но не революционером».

Мартыновский, говоря об одностороннем определении целей и средств этой партии,—заявляет: «Я действительно признаю, что принадлежу к террористической партии».

Зубковский, по обвинению в принадлежности к тайному сообществу, виновным себя не признал.

Булич и Дриго виновными себя не признали.

Иванова признала себя членом социально-революционной партии, той ее фракции, выражением которой была «Народная Воля».

Грязнова, на вопрос о принадлежности к тайному сообществу, отвечать не пожелала.

Фигнер признала свою принадлежность к социально-революционной партии и то, что она сочувственно относится к взглядам партии, органом которой была «Народная Воля».

Задавал председатель суда подсудимым вопросы и по другим пунктам предъявленных к ним обвинений. Своего участия в вооруженном сопротивлении я не признал. Цукерман заявил, что он никогда в своей жизни револьвера не держал в руках. Иванова, а вслед за нею и Грязнова признали, что вооруженное сопротивление было ими оказано. Я протестовал против этого их признания, заявив, что ни та, ни другая из револьверов не стреляли; что Иванова все время в период сопротивления (как это и было в действительности) занималась уничтожением документов и рукописей, а Грязнова, может, дала утвердительный ответ, так как по своей глухоте не расслышала вопроса. Признание Грязновой было аннулировано и в текст газетного отчета не попало. Иванова

же на вторично заданный ей председателем вопрос — снова ответила: «стреляла». Я вновь вскочил и сказал: «это неправда, она не стреляла». Помню, что это утверждение мое подтвердил и Цукерман. Когда я, взволнованный, сел на свое место, рядом сидевшая со мной Евгения Фигнер удивленно спросила меня: «разве Иванова не стреляла?» Я, заметив, что и председатель, и некоторые из судей, догадываясь, о чем спросила меня Фигнер, напряженно ждут моего ответа, отрицательно покачал головой и хоть шопотом, но с ясным выражением губ и всего лица, ответил: «не стреляла». Я видел, что там, за судейским столом мой ответ был понят и произвел надлежащее впечатление. Эта сцена, которую теперь, через пятьдесят лет, Е. Н. Фигнер не помнит, четко запечатлелась в моей памяти, и я полагаю, что этот эпизод в его совокупности содействовал тому, что Иванова, уже в третий раз представшая перед судом, была осуждена к сравнительно легкому наказанию. Эта сцена — признание Ивановой в вооруженном сопротивлении, при моем отрицании ее участия в стрельбе, как говорил мне на Каре Ив. Калюжный, произвела впечатление и на воле.

Мартыновский, на вопрос председателя суда о его участии в работах нашей типографии, об'яснил: «Признав себя виновным в принадлежности к террористической партии, не могу отказаться от обвинения в государственных преступлениях даже в том случае, если они относительно меня совершенно ложны. Для меня совершенно достаточно, чтоб преступления, в которых я обвиняюсь, были согласны с действиями террористической партии. Поэтому мне остается только признать, что я действительно принимал участие в деятельности тайной типографии.

Первый день нашего суда был закончен просьбой Цукермана и Грязновой о поручении защиты их дела моему защитнику, Китаевскому. Китаевский ответил, что обдумает этот вопрос и даст ответ к следующему заседанию. Затем заседание было прервано до 11 час. следующего дня.

Утром 26 октября забежал ко мне Китаевский и об'яснил, что он находил несовместимым ведение моей защиты с защитой Цукермана и Грязновой, но, переговорив с последними, решил взять на себя и их защиту. Я понял, что он хотел в своей защитительной речи обрисовать Цукермана и Грязнову, как малосознательных революционеров, действовавших под влиянием моим, Ивановой и других, но, встретив отпор со стороны вышеназванных товарищей, отбросил эту версию и решил взять на себя защиту нас троих.

К 11 часам нас в том же порядке, как и первый раз, привели в суд. Китаевский заявил, что он принимает на себя

защиту Цукермана и Грязновой. Ввели свидетелей, привели их к присяге. Суд приступил к следствию о событиях в их историческом порядке: убийство харьковского губернатора кн. Крапоткина, покушение на жизнь царя 2 апреля 1879 г., с'езд революционеров в г. Липецке, посягательство на жизнь царя под Александровском и Одессой, такое же покушение под Москвою 19 ноября 1879 г. Прежде чем приступить к рассмотрению каждого из этих дел, прочитывалось соответствующее место из показаний Гольденберга, как главная основа к обвинению подсудимых.

Кто же был Гольденберг? От роду он имел 24 года, еврей, сын купца 2-й гильдии, холост, по собственному желанию вышел из четвертого класса классической гимназии, т.-е., вернее сказать, был взят отцом из гимназии и привлечен к торговле сукном в имевшейся у них лавке на Подоле, в Киеве. Подросши, Гольденберг подпал под влияние революционных кружков. Подозревался как один из участников в покушении на убийство тов. прокурора Котляревского. Административным порядком в апреле 1878 г. был сослан в Холмогоры. В июне того же года бежал. Примкнул к киевским террористам. Убил кн. Крапоткина. Предлагал свои услуги для убийства Александра II. Участвуя в устроенной народовольцами облаве на царя, был арестован в момент передвижения им динамита из Одессы в Москву и заключен в Одесский тюремный замок. Здесь после неудачной облавы на царя, после провала типографии обоих фракций народников, после взрыва во дворце и назначения Лорис-Меликова на его верховный пост, он, как я писал об этом, попал в цепкие руки тов. прокурора одесского окружного суда Добржинского, создавшего себе карьеру на костях этого несчастного молодого человека.

Рассмотрев вышеозначенные дела, суд приступил к производству следствия о взрыве в Зимнем Дворце. Явившиеся свидетели по этому делу из дворцовых вельмож инженер генерал-майор Дельсаль, заведывающий императорским Зимним Дворцом, и еще какой-то старик, по преклонности лет дававший свои показания сидя на кресле, — обнаружили по отношению к нам большую враждебность. Квятковский спросил Дельсаля, «мог ли Халтурин, живя в подвале и работая в мастерских, составить точный план той части Зимнего Дворца, в которой произошел взрыв, то есть план, «показанный вам генералом Гурко?» Дельсаль, бросив на Квятковского злобный взгляд, дважды мотнул утвердительно головой и сказал: «мог составить, мог». Квятковский ничего не ответил, но этой враждебной репликой был, очевидно, возмущен. Этот же Дельсаль в своем показании, рисуя первые

моменты после взрыва, как он метался по дворцу, отыскивая причину несчастия, мимоходом упомянул, что он прошел через разрушенную гауптвахту. Председатель, зная, что это помещение в то время было покрыто телами убитых и раненых солдат, остановил его и печальным голосом спросил: «расскажите же нам, что вы увидели в этой разрушенной гауптвахте. «Но Дельсаль не понял цели вопроса и недовольный тем, что его перебили, скорчив отвращение на своем лице, произнес: «пыль, грязь». И только на последующий наводящий вопрос председателя, как бы все еще не догадываясь, почему это интересует председателя — добавил, пожав плечами: «видел там нескольких раненых солдат».

Затем суд приступил к следствию о нашей типографии, добавочно привлекши к этому делу Квятковского, Фигнер и Мартыновского, и одновременно произведя следствие по оказанному нами вооруженному сопротивлению при аресте. Это судебное следствие не было закончено 26 октября и было отложено до 28. 27-го не было заседания суда, догадываюсь, что был какой-либо праздник. Хорошо не помню. Возможно и то, что 2 заседания — 26 и 27 — в сохранившемся печатном отчете слиты в одно.

Как я уже говорил, показания полицейских были, вероятно, при содействии какого-либо юриста, старательно инсценированы. Но как ни были показания их тщательно согласованы, и все же в них вкралась масса противоречий, разбираться в которых теперь не буду. Эта путаница в показаниях усиливалась еще тем, что каждый из полицейских, в оправдание полученных или ожидаемых наград, старался выставить себя в возможно более геройском виде. Пристав Миллер повторил свой рассказ о том, как он ворвался в нашу квартиру и, пройдя через комнаты, отворил дверь на черный ход; что на этом пути в него кто-то стрелял. На предварительном следствии он говорил, что этот кто-то был мужчиной, теперь же на вопрос председателя, он, смешавшись, ответил, что не помнит: мужчина или женщина. Интенсивность сопротивления с нашей стороны пристав Миллер обрисовал так: «Мои люди и жандармы выпустили более 30 пуль. Они также отвечали выстрелами, и, притом, залпами, так что всего было более 60 выстрелов». Я спросил этого «храброго рыцаря»: «когда мы были уже связаны, не избили ли вы нас и не ударили ли при этом Иванову, беременную женщину, каблуком в лицо и в живот». Миллер смутился. Председатель заметил: «вы, свидетель, имеете право на этот вопрос не отвечать». Пристав от ответа воздержался. Легенду о 30-ти выстрелах, вместо сделанных нами трех, подтвердил и Эфенбах. Последний, рисуя свое геройство, показал, что, войдя с жандар-

мами в квартиру, он впотьмах схватил какого-то человека. Это оказался Лысенко, т.-е. Бух, при чем никакого оружия при нем не было. Этим показанием он дал мне подачку за подтверждение его геройства. К стыду своему должен признаться, что эта подачка мной от него была принята. Самым нахальным хвастуном из этой полицейской клики явился окол. надзир. Шутов, показавший на суде: «Когда мы стояли у дверей квартиры на парадной лестнице и услышали, как на черной лестнице пом. пристава Эфенбах позвонил в квартиру, то кто-то мимо наших дверей пробежал в мягкой обуви на кухню и спросил: «кто там?», затем вернулся обратно и сказал: «господа, обыск». Когда с парадной нам не отворили, то пристав велел ломать двери. Я дернул раз, другой — дверь подалась. Пристав вскочил в дверь, но тут раздался выстрел. Затем я бросаюсь — второй выстрел, а за ним третий. Я вынул шашку, желая произвести шум, и ударил по дивану (единственный диван в нашей квартире стоял в зале. *Н. Б.*). На это опять последовал выстрел. Затем явился ко мне Эфенбах, спрашивает: «что такое?» Я говорю у меня идет перестрелка, берегитесь, сейчас опять будут стрелять. Тогда мы решили пригласить жандармов, и я отправился вниз за огнем. Возвратившись наверх с лампою, я сказал: «сдавайтесь!». Последовал выстрел. Когда я в это время разговаривал с дворником, то увидел, что из окошечка, находящегося рядом с дверью, показывается револьвер. Я велел дворнику загасить лампу и сам сделал выстрел. Потом я сделал еще несколько выстрелов, не давая им опомниться, что-нибудь предпринять. Затем послышались шаги снизу. Оказалось, что это городовой Морозов. Он дал мне револьвер, и я опять сделал выстрел без всякой цели. Из окошка последовало два выстрела. Вскоре прибыли пять жандармов, Эфенбах и несколько дворников. Пристав велел стрелять. Начали стрелять залпами, дали два-три залпа; я тоже стрелял. Жандармы вскочили, и мы все вошли. В первой комнате были мужчины, затем стояла Иванова. Я подскочил к ней, повалил ее на землю и закричал дворникам: «связать их!» В это время мужчины стали барахтаться. Когда все четверо были связаны, я сказал: «ищите пятого». Дворник Салов пошел в другую комнату, ударил в дверь поленом, и она открылась. Оттуда послышался выстрел. Когда осветили комнату, то дворник нашел, что пятый убился. Затем я собрал все револьверы и отправился с приставом к градоначальнику».

После следствия по нашему типографскому делу суд рассмотрел обстоятельства по вооруженному сопротивлению, оказанному Пресняковым при аресте его на улице, на 2-й линии Васильевского острова. Было произведено два вы-

стрела. Вторым выстрелом был смертельно ранен швейцар Степанов. На суде экспертиза подтвердила данное ею на предварительном следствии роковое для Преснякова заключение, что этот второй выстрел не мог быть произведен, как подсудимый утверждал, случайно.

Затем суд, после часового перерыва, данного на обед, приступил к проверке доказательств по последнему отделу обвинительного акта — о доставлении денежных средств социально-революционной партии, т.-е., точнее говоря, о деньгах, переданных Дриго по распоряжению Лизогуба, после ареста последнего, кружку народников. Всего от ликвидации имений Лизогуба было выручено несколько более 100 т. рублей. Из этих денег 3-4 тыс. были переданы по непосредственному распоряжению Лизогуба, по запискам его из тюрьмы, народникам. А где остальные деньги? Перед этим вопросом Дриго вертелся «яко бес перед заутреней». Около ста рублей из этих денег он передал еще Алек. Михайлову, какую-то мелочь дал «из гуманности» жившей около него фельдшерице Тринидацкой [1]), лишившейся места после ареста ее мужа. Вообще же все деньги, полученные от ликвидации имений, он перевел на свое имя. Сделал он это, чтобы спасти эти деньги от конфискации, от наследников. Поступил он так, как друг Лизогуба, имея в виду помогать последнему, когда тот, как ходили слухи, будет сослан в Сибирь. На эти деньги Дриго купил на свое имя имение Довжик. Ну, а теперь, после казни Лизогуба, кому принадлежат эти деньги, кому принадлежит имение Довжик. Председатель спрашивает Дриго: «в настоящее время имение Довжик ваше или нет?» «И да, и нет», — отвечает последний. Я запродал это имение брату казненного, Федору Лизогубу, и если он говорит в своем показании, что купчая крепость на это имение уже совершена, то об этом я ничего не знаю, так как, может быть, когда я уже содержался в крепости, мой поверенный совершил с ним купчую крепость. Стало ясно, что и на этот раз Дриго спасал присвоенные уже им средства Лизогуба от конфискации. Суд понял, что в лице Дриго перед ними не политический, а уголовный преступник. И жандармы, вероятно, чесали свои затылки, сожалея, что своевременно не воспользовались услугами этого подсудимого, предлагавшего им свое содействие по раскрытии организации народовольцев.

---

[1]) Тринидацкая — урожденная Станалова. В своих воспоминаниях я уже писал о ней, как об одном из членов самарского кружка в период его зарождения.

Следствие по отдельным пунктам обвинения закончилось. Председатель спросил: «не желают ли стороны чем-нибудь дополнить следствие по всем отделам обвинительного акта?» И прокурор, и защита просили отложить заключение следствия до следующего дня, в виду того, что может быть, что-нибудь окажется нужным еще представить усмотрению суда. Заседание отложено до 29 октября.

29 октября следствие было несколько дополнено. Цукерман просил выяснить, что он не участвовал в издании первого номера «Народной Воли» и прожил в Петербурге и в типографии всего 2-3 месяца. Это было подтверждено мной, Ивановой и Зунделевичем. Последний еще добавил: «У Цукермана в Петербурге был единственным знакомым только я, и он был принят в типографию по моей личной рекомендации. Так как суду известно из обвинительного акта, что у нас необходима рекомендация трех или пяти членов, то ясно, что Цукерман, поступивший по одной моей рекомендации, мог участвовать только как простой рабочий, а не как член партии. Кроме того, когда Цукерман из'явил согласие участвовать в типографии, я обратил его внимание на последствия, которые могут для него возникнуть, если типография будет открыта. Он на это сказал мне, что в случае, если при открытии типографии будет оказано вооруженное сопротивление, то в нем он не примет участия, а если придется нести даже тяжелую ответственность за одно участие в типографии, то он на это согласен».

Мной вновь было заявлено, что Иванова в вооруженном сопротивлении не участвовала, Цукерман вновь подтвердил эти слова, но Иванова и на этот раз ответила, что она остается при прежнем своем показании. В газетном отчете данный эпизод нашего процесса изложен так, что дает основание к предположению, что он целиком произошел только 29 октября. Возможно, конечно, что я здесь что-либо напутал, но в моем воспоминании этот эпизод делится на две сцены, из которых первая произошла еще 25 октября и у меня в памяти тесно связана, как я выше писал об этом, с протестом моим против заявления М. В. Грязновой, признавшей, что и она участвовала в вооруженном сопротивлении.

Затем председатель об'явил судебное следствие законченным. Суд перешел к заключительным прениям. Произнесли свои речи военный прокурор Ахшарумов и его помощник Кудрявцев. Речь последнего была свирепа, как и речь его главы, но очень слаба по своим обоснованиям обвинительных пунктов. Для всех подсудимых прокуратура требовала смертной казни. Затем последовали речи защиты

и, наконец, после перерыва на обед, речи подсудимых. Квятковский изложил свою революционную деятельность с 1874 г. и свое участие в приписываемых ему деяниях. Своего участия во взрыве в Зимнем Дворце он не признал. Программы народовольцев он не излагал, так как она уже, мол, напечатана в партийном органе. «Я остановлюсь, — сказал он, — только на неверном ее понимании, которое я нашел в обвинительном акте и которое также заключается и в обвинительной речи военного прокурора. Эта неверность состоит в том, что, по мнению прокурора, главное отличие партии «Народной Воли» от народничества заключается в террористических актах, именно в политических убийствах. Это совершенно не так. Я не отрицаю того, что в программу «Народной Воли» входит часть террористическая, но она входит очень несущественною частью, составляя второстепенную и даже третьестепенную ее часть». Квятковский заключил свою речь, говоря о подсудимой Фигнер. Он всячески оправдывал ее и всю вину ее взял на себя.

Речь Ширяева была целиком посвящена защите его товарищей по скамье подсудимых. Он подтвердил, между прочим, слова Квятковского, что террор в программе народовольцев играет весьма несущественную часть. Это видно, напр., сказал он, и из того факта, что в их органе напечатаны «Письма социалиста» [1]), автор которых заявляет, что он «противник насилия, что он никогда не решился бы на проявление такой деятельности, как убийство, но в то же время он вполне одобряет стремления партии и рассуждает о тех средствах, которыми цели партии могут быть осуществлены».

Программную речь в ее целом высказал в своей защитительной речи только Зунделевич. Это не было программой народовольцев, землевольцев. Зунделевич всегда был своеобразен. Он выработал себе программу с довольно несложным теоретическим обоснованием и оставался ей верен и на воле, и на суде, и на Каре, да, вероятно, и до своей смерти в Лондоне, где он сошел в могилу, спустя лет десять после Октябрьской революции. Когда-то Михайловский писал (цитирую его слова по памяти): «Я никогда не изменял своим убеждениям. Я не ставлю себе это в заслугу. Это случилось непроизвольно». Эти слова мог повторить про себя и Зунделевич. Еще на судебном следствии, как я уже писал об этом, он заявил: «Признаю себя виновным в принадлежности к социально-революционной партии, но не к тому сообществу, которое путем бунта и насилия стремилось ниспро-

---

[1]) Статьи Н. К. Михайловского.

вергнуть существующий строй, так как, по нашему мнению, общественный порядок нельзя уничтожить в 24 часа». В своей защитительной речи он развил и дополнил эту мысль. «Мы стремились к изменению существующего строя, — говорил он,— но мирным путем, посредством пропаганды. Факты насилия были направлены только для достижения свободы слова. Наше сообщество имеет в своей программе две различные цели и два разные средства: одно — стремиться к ниспровержению существующего строя посредством мирной пропаганды; с другой стороны — средством к достижению свободы слова наше сообщество допускает насилие».

Иванова всю свою защитительную речь посвятила опровержению возведенной на нее полицией клеветы, будто бы она упрекала нас, мужчин, в трусости.

Тихонов и Окладский ограничились заявлением, что если ими на предварительном следствии и были даны некоторые безобидные показания, то это ими было сделано не для облегчения своей участи. При этом Окладский, заканчивая свою речь, как отмечает это газетный отчет, «стал излагать столь неуместные рассуждения, что председатель признал нужным лишить его слова». Со своей стороны могу только подтвердить, что такие «неуместные рассуждения» были высказаны Окладским, но восстановить их не имею возможности, они не сохранились в моей памяти.

Не берусь восстановить и свою речь. Она была нескладна. Это была моя первая речь за весь предыдущий период моей жизни. Да и вообще, писать-то я так-сяк умею, но когда приходится говорить и когда к тому же я взволнован, то мысль у меня не поспевает за органами речи, и язык, оставшись беспризорным, болтает зря. Начал я свою речь приблизительно так: «Хотя я и признал свою принадлежность к социально-революционной партии, но этим я сказал очень мало, так как понятие об этой партии слишком общее: оно обнимает все фракции этой партии, а среди них есть и очень мирные, не признающие ни террора, ни бунта, ни даже пропаганды, ставящие себе целью лишь поднятие умственного развития народа, полагая, что народ, достигнув известной грани своего развития, сам найдет свое место в истории. Поэтому мое признание в принадлежности к социально-революционной партии еще не характеризует моей деятельности, и чтобы судить обо мне правильно и произнести приговор более справедливый, вам нужно, как мне кажется, познакомиться с теми целями, которые я ставил себе, и с теми средствами, помощью которых я стремился их осуществить». Затем, — твердо помню это, — были сказаны вышеприведенные мысли, формулированные мною во время хождения мо-

его вдоль клетки, предназначенной для прогулок арестантов в ДПЗ. Когда я говорил о созыве учредительного собрания, председатель, видимо, намеревался прервать меня, но потом успокоился и дал мне договорить мою речь до конца. Председатель не прервал меня, но цензоры, передававшие газетам отчет по нашему процессу, жестоко подсмеялись надо мной. Данная часть моей речи в газетах была продолжена в таком сокращенном виде: «Что касается до целей, то я вполне разделяю програму, которая помещена в № 3 «Народной Воли». Что же касается до средств, которыми я стремился осуществить эти цели, то я не вполне разделяю программу «Народной Воли», ибо не признаю террористической деятельности. Но это не мешало мне принадлежать к партии «Народной Воли», программа которой отводит террору не первое место, как это уже было высказано Квятковским и Ширяевым».

В газетных отчетах с нашими речами вообще не церемонились. Из всех подсудимых только Ширяеву удалось своевременно восстановить свою речь. Сделал он это, вероятно, сидя в равелине, когда, при содействии Нечаева, имел оживленную переписку с товарищами, находившимися еще на воле.

30 октября заседание суда открылось гордым и презрительным заявлением военного прокурора Ахшарумова, ответившего на соответствующий вопрос председателя, что со стороны прокуратуры никаких возражений на речи защиты не имеется. Затем председатель предоставил подсудимым последнее слово.

Квятковский выступил на этот раз с програмной речью. Излагая программу народовольческой партии, он сказал: мы не анархисты, «мы отрицаем только данную форму государственной организации, как такую, которая блюдет интересы только незначительной части общества, интересы капиталистов, землевладельцев, чиновников и пр. и служит главной причиной бедственного положения народа. Мы утверждаем, что государство, напротив, должно служить интересам большинства, т.-е. народа, что может быть исполнено только при передаче власти народу, при участии в государственной жизни самого народа. Отсюда ясна и практическая постановка задачи: требование передачи власти в руки народа, которое может формулироваться или требованием учредительного собрания, или иного какого учреждения». Затем Квятковский еще раз повторил, что террор в программе народовольцев занимает второстепенную, если не третьестепенную роль. Террор народился естественно среди русской молодежи, по своим наклонностям самой гуманной, самой

человечной. Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будет стремиться к свободе, как листья растений повертываются к солнцу. Но правительство связывает ее по рукам и ногам... Что же ей делать? Отказаться от своих убеждений — она не может. Остается одно — смерть или попытка защитить себя, сбросить те цепи, те узы, которые связывают ее в стремлении удовлетворить самые законные, человеческие потребности. Это реакция природы против давления. Лучше смерть в борьбе, чем нравственное или физическое самоубийство.

В этом же духе говорил и Ширяев. «У нас с вами, — сказал он, — нет общего мерила... Вы стоите на точке зрения существующих законов, мы — на точке зрения исторической необходимости. Вы являетесь представителями и защитниками существующего государственного строя, мы же дорожим государственным строем лишь постольку, поскольку он может гарантировать лучшее будущее для нашей родины. Мы принадлежим к двум разным мирам, соглашение между которыми невозможно. Но всегда возможно уяснение взаимных отношений, причин, вызывающих разногласие. Всегда можно и должно стремиться к избежанию ненужного зла, печальных последствий увлечения в борьбе. В виду этой последней цели я и давал свои об'яснения. Я надеюсь, что выяснил следующий факт: красный террор Исполнительного Комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого. Я глубоко убежден, что товарищи мои, оставшиеся на свободе, более чем кто-либо, будут рады прекращению кровопролития, той ожесточенной борьбы, на которую уходят лучшие силы партии и которая лишь замедляет приближение момента торжества царства правды, мира и свободы — нашей единственной заветной цели. Как член партии, я действовал в ее интересах и лишь от нее да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью».

Зунделевич, повторив вкратце то, что им было уже сказано в его защитительной речи, добавил, что, добиваясь путем террора свободы слова, партия мыслила ее лишь в тех пределах, в которых она существует уже во всех передовых странах Европы и Америки.

Тихонов начал свою речь, как говорится в газетном отчете, «неуместными и дерзкими выражениями», которые продолжал произносить, несмотря на запрещение председателя и даже на то, что был лишен слова, вследствие чего, по

приказанию председателя, он был удален из залы заседания. Тихонов, между прочим, заявил: «Я знаю, мне и другим товарищам осталось всего несколько часов до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мной не погибнет; ее нельзя бросить, как нас, в мрачные тюрьмы, ее нельзя повесить». Эту сцену я помню, но восстановить ее более детально не имею возможности.

Окладский сказал: «Я не прошу и не нуждаюсь в смягчении моей участи, напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это за оскорбление».

Пресняков: «Я уже признал свою принадлежность к партии «Народной Воли», те идеалы, осуществления которых эта партия добивается, я вполне разделяю».

Кобылянский: «Я желал еще сказать, что к социально-революционной партии я примкнул с молодых лет и все, что делал, я сделал под руководством убеждений и считал своим долгом так поступать».

Иванова: «Единственное мое желание заключается в том, чтобы меня постигла та же участь, какая ожидает моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь».

Грязнова: «Я отвергаю, что меня кто-нибудь подстрекал».

Фигнер: «Я готова разделить участь моих товарищей».

Мартыновский, Цукерман и я отказались от последнего слова. Последним говорил Дриго. Он сказал: «Я был только простым кассиром Лизогуба, а сам лично я никогда ничего революционному делу не принес».

Речи окончились. Председатель взволнованно встал и, не глядя на нас, с трагической нотой в голосе произнес: «Объявляю прения сторон прекращенными. Суд удалится для постановления приговора». И, махнув в нашу сторону рукой, добавил: «Удалите подсудимых». Можно было подумать, что ему совестно взглянуть на нас, из которых он многих вынужден, в силу данной присяги, осудить на казнь или на продолжительные каторжные работы.

Было уже около 12 час. дня, когда мы вернулись в свои камеры. Нервы были напряжены в этот день. Каждый час, каждую минуту мы ожидали, что вот-вот откроется дверь, нас поведут в судебную залу и прочтут нам приговор. Но время шло. Дали обед, дали ужин. Я нервно шагал по своей камере. Пять шагов в одну сторону, пять шагов в другую. Нам не дали в этот день даже прогулки, так как и тюремная администрация не могла угадать момента, когда судьи выйдут из своей совещательной комнаты. Пытался читать, но не мог вникнуть в содержание прочитанного. Я был сравнитель-

но спокоен, так как был почти уверен, что верховный правитель Лорис-Меликов, очевидно, согласовавши свое обещание с царем, выполнит данное им слово, что казней по минувшим террористическим делам, а в том числе и по нашему процессу — не будет. Вопрос, значит, только о сроке каторжных работ, на которые мы будем осуждены. Это, при данных условиях, казалось уже второстепенным обстоятельством. Братья, с которыми я имел свидание в ДПЗ до или во время суда, говорили мне, что для нас, политических каторжан, строят в Забайкальской области, на реке Каре, новую тюрьму, в которой мы будем изолированы от уголовных арестантов. Это улыбалось. Рисовалась дружная совместная жизнь, взаимная помощь при научных занятиях. Кошмарная жизнь наших товарищей под Харьковом в каторжных центральных тюрьмах не пугала. Был уже проект об упразднении этих тюрем, а еще на воле до нас доходили слухи, что в Сибири политкаторжане отбывают свои сроки при сравнительно льготных условиях. Так утешал я себя. Но в тайниках души все же тлелось сомнение перед неизвестным будущим. Это нервировало. И рисовались тогда: ожидающие нас виселицы, казематы Петропавловской крепости, истощенная фигура Нечаева, сидящего там на цепи. Утомленный ожиданием, я, не раздеваясь, прилег на кровать и заснул. Только поздно ночью, во втором часу пополуночи, я вскочил как встрепанный, при шуме открывшейся двери. Сна как не бывало. Нас вновь расставили между жандармами, провели по узкому коридорчику, посадили на наши места. Ярко освещенный зал почти пуст. Возбужденные лица подсудимых в рамке жандармских касок. На балконе взволнованная кучка сочувствующих нам родственников и друзей. Там же два моих брата. Я поздоровался с ними. Кто-то сказал: «Суд идет, прошу встать». Гуськом потянулись судьи, с утомленными лицами встали у своих кресел. Наступила гробовая тишина, председатель приступил к чтению: по указу его императорского величества, выслушав дело о таких-то и таких-то, «суд признал их виновными в принадлежности к тайному обществу, стремящемуся путем пропаганды и агитации возбудить народ к восстанию для ниспровержения существующего в России государственного и общественного строя, и не только допускающему, но и в действительности совершавшему политические убийства и даже покушения на жизнь священной особы государя императора, а потому постановил: подсудимых Квятковского, Ширяева, Тихонова, Окладского и Преснякова лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение, а остальных 11 подсудимых, в виду признанных судом уменьшающих их вину

обстоятельств, лишить всех прав состояния, сослать в каторжные работы в рудниках: Зунделевича без срока: Кобылянского, Буха и Зубковского на 20 лет; Цукермана, Булича, Мартыновского и Дриго на 15 лет и на заводах: Иванову, Грязнову и Фигнер на 15 лет. Приговор этот, по вступлении его в законную силу, представить на усмотрение помощника командующего войсками гвардии и петербургского округа, при чем ходатайствовать о смягчении нижепоименованным подсудимым определенного им наказания тем, чтоб Цукермана и Иванову сослать в каторжные работы на заводах — первого на 8 лет, а вторую на 4 года; Фигнер и Грязнову, по лишении всех прав состояния, сослать на поселение — первую в отдаленнейших местах Сибири, а последнюю в местах не столь отдаленных; Булича и Дриго, по лишении всех особых, лично и по состоянию им присвоенных прав и преимуществ, сослать на житье в Томскую губ.».

Когда читался смертный приговор пяти нашим товарищам, я смотрел в их сторону. Они были суровы, их глаза, направленные на председателя суда, горели. Ни один мускул на их покрасневших лицах не дрогнул.

Затем председатель об'явил, что приговор в окончательной форме будет об'явлен на следующий день, 31 октября, в 9 часов вечера.

Я был сильно утомлен за прошедшие сутки, но все же, вернувшись из зала суда, заснул. Убеждение в том, что по нашему процессу казней не будет, было поколеблено. Товарищи резко подчеркивали на суде мысль: красный террор был лишь ответом на белый, если бы не было последнего, то не имел бы места и первый. Это подчеркивание выявляло угрозу: если вы казните нас, то наши товарищи отомстят вам за нашу смерть. Как отнесется к этой угрозе царь, не сочтет ли он себя обязанным поднять брошенную ему перчатку. Это казалось возможным, а потому, вновь вглядываясь в возбужденные лица пяти товарищей в момент об'явления им смертного приговора, я опасался за их жизнь. Встал рано. Вспомнил: ты осужден на 20 лет каторжных работ. Для человека, прожившего всего 26—27 лет, эта дистанция в 20 лет кажется огромной. 20 лет тому назад я был только-что осознавшим себя ребенком. Сколько за это время воды утекло, сколько впечатлений получено, сколько перемен в жизни! И вот такой же срок мне предстоит провести за решеткой. «Полно,— утешал я себя,— за этот период возможна революция, возможно сокращение срока по амнистии, возможен побег. Сидя за решеткой, мы будем наблюдать ход развития революции и, пополнив свое образование, при содействии своих товарищей, сможем дать оценку ее ошибкам и достижениям,

подготовляя себя, таким образом, к будущей революционной деятельности».

В этот день мне дали свидание с братьями. Мы не подозревали, что это будет наше последнее свидание. Брат Лев, как истый оптимист, уверял меня, что казней по нашему процессу не будет, и что, как ходят слухи, сроки каторжных работ нам будут значительно уменьшены. Он передал мне поклон от Савелия Златопольского, заходившего к нему при собирании сведений по нашему процессу. Он сообщил мне, что моя защитительная речь и на суде и в революционной среде на воле произвела хорошее впечатление. По его лицу я заметил, что в данном случае он уклоняется от истины. Допросить его подробно по этому предмету я не успел, времени было мало и, хотя свидание наше было личное, без всяких загородок, но все же при нем присутствовал жандармский унтер-офицер, старавшийся показать, что он не смотрит на нас, но неуклонно направлявший свое чуткое ухо в нашу сторону. Брат получил письмо от матери. Она писала ему: «Я очень беспокоюсь о судьбе Коли. Пришли же мне о нем весточку. — Я дохожу до кошмарного предположения, что его нет уже на свете». Требуемая весточка была братом послана, он просил меня и с своей стороны написать матери успокоительное письмо.

Вернувшись в свою камеру, я тотчас же вооружился пером и настрочил матери длинное послание. Я уверял ее, что хотя я и приговорен к длительному заключению, но что, конечно, срок каторжных работ нам будет и теперь и в будущем значительно сокращен, и нам еще останется достаточный период времени для совместной счастливой жизни. К 9 час. вечера, как было назначено, мы вновь и последний раз заняли свои места на скамье подсудимых. Настроение было более спокойное, так как суть приговора нам была уже известна. В прочитанном приговоре приводились лишь мотивы, по которым суд приговорил каждого из нас к тому или другому наказанию. Мотивировка была составлена крайне небрежно и иной раз находилась в полном противоречии не только с данными следствия, но даже и с данными обвинительного акта. Так, напр., в этом документе говорилось, что Мартыновский осужден на 15 л. в каторжные работы за то, что «имея у себя шрифт и другие типографские принадлежности, принимал участие в издании противоправительственных сочинений, возбуждающих к бунту и неповиновению верховной власти». Никаких «других типографских принадлежностей» у Мартыновского при обыске вовсе не было, а экспертиза на суде показала, что без этих принадлежностей Мартыновский не мог заниматься набором

и что обнаруженный у него шрифт был заграничного образца, совершенно не пригодный для нашей типографии.

По окончании чтения приговора нас увели из судебного зала, и мы в последний раз очутились вместе в широком коридоре, в котором обычно нас расставляли между жандармами. Здесь мы задержались минут на пять и тепло распрощались друг с другом. Только во взгляде Ивановой, как мне показалось, я прочел упрек. Думаю, что мне это только почудилось, так как вряд ли Иванова, сильно взволнованная в этот момент прощанием с Квятковским, могла уделить хоть частичку своей мысли на оценку моего поведения на суде. А мне это могло показаться, я сам был недоволен своим выступлением перед судом, а потому естественно ожидал такую же оценку себе и со стороны своих товарищей. На суде мне следовало защищать только идеи, за которые я боролся, в тех пределах, напр., как это сделал Зунделевич, — а я издумал соединить защиту этих идей с собственной защитой и в конце-концов не достиг ни той, ни другой цели.

Надзиратели разводили нас по камерам. Около своего временного жилища догнал меня Пресняков. Он имел удрученный вид. Я похлопал этого здорового, краснощекого человека по плечу и сказал: «Полно, брат, молодец... По нашему процессу казней не будет. Ведь это обещал Лорис-Меликов. На Каре нам строят дворец, поживем еще там вместе с тобой». Пресняков бросился ко мне, прижался к моей груди, и мы, крепко расцеловавшись с ним, разошлись по своим кельям. Утешая Преснякова, я действительно был убежден, что по нашему процессу казней не будет, а если и повесил кого-либо царь, то во всяком случае не Преснякова. Но случилось иначе. Как потом мы узнали, по окончании нашего дела Лорис-Меликов поехал с докладами к царю в Ливадию. Вместе с другими делами он доложил царю и наш приговор, прося о замене смертной казни всем присужденным к ней вечной каторгой. Но Александру II пришел в голову красивый жест, он всегда любил покрасоваться ими. Он ответил: «Я могу простить тех, кто покушался на мою жизнь, но тех, кто лишил жизни моих верноподданных, верноподданных, защищавших меня, — я пощадить не имею права». И в оправдание этого жеста погибли: Квятковский — за убитых солдат при взрыве в Зимнем Дворце, Пресняков — за смертельно раненого им швейцара Степанова. Смерть Квятковского еще понятна, ее требовала вся реакционная клика, Пресняков же был повешен попутно, чтоб не нарушить цельности величественной позы, придуманной царем.

Я. Г. Резуль

Н. И. Зибер

(Библиография)

Введение

Разработка научного наследства, оставленного Н. И. Зибером, находится в самой начальной стадии. За последние годы интерес к Зиберу значительно усилился, и мы, очевидно, вступаем в полосу серьезного его изучения. Задачей нашей работы является установить и собрать все написанное Зибером, указать содержание по возможности всех его произведений, описать возможно более исчерпывающим образом литературу о нем, отметить все имеющиеся оценки его личности, научной и общественной деятельности.

Собранный нами материал мы расположим по следующим разделам: 1. Сочинения Зибера. 2. К биографии Зибера. 3. Зибер как экономист. 4. Зибер как историк первобытной экономической культуры. 5. Зибер и Маркс. 6. Зибер и Михайловский. 7. Зибер и Плеханов. 8. Зибер-статистик. 9. Зибер-кооператор 10. Зибер и революционное движение. 11. Зибер и диалектический материализм.

Не касаясь спорного вопроса об участии Зибера в революционном движении, о степени законченности и последовательности его марксистских воззрений, мы на основании всего им написанного и всех доступных нам литературных источников о нем считаем возможным дать такую схематическую оценку того нового, что Зибер внес в русскую и украинскую науку и общественную мысль:

1. Зибер был первым популяризатором и комментатором учения Маркса в России и на Украине.

2. Зибер—автор первой марксистской работы по истории первобытной экономической культуры и притом работы, по общему признанию, выдающейся, замечательной.

3. Зибер первый дал на русском языке Рикардо и открыл доступ русским читателям к этому величайшему экономисту домарксовой эпохи.

4. Зибер—автор первой на русском языке марксистской работы о Родбертусе и вообще первой работы о нем на русском языке.

5. Зибер первый ознакомил русских читателей с «Анти-Дюрингом» Энгельса и «К критике политической экономии» Маркса [1]).

6. Зибер первый дал марксистскую оценку идей Генри Джорджа.

7. Зибер—родоначальник скептического отношения к общине, которая была краеугольным камнем народнической идеологии.

8. Зибер знакомил русских читателей со всеми значительными социально-экономическими явлениями современного ему капиталистического мира, при чем, если не всегда при оценке этих явлений проводил последовательную классовую точку зрения, то все же давал правдивое изображение противоречий капиталистического строя, проникнутое горячим сочувствием к судьбам рабочего класса.

Произведения Н. И. Зибера

Полного, исчерпывающего списка произведений Зибера в литературе о нем нет. Те списки, какие мы имеем почти при каждой заметке о нем, за малыми исключениями, повторяют друг друга. Наш список, как нам кажется, является наиболее полным. В нем даны все произведения Зибера за исключением его работ, напечатанных в «Критическом Обозрении», «Вольном Слове», «Киевском Телеграфе» и «Русских Ведомостях», на сотрудничестве в которых Зибера в литературе имеются более или менее точные указания.

Нижеприводимый список произведений Зибера расположен в хронологическом порядке появления их в свет.

1. Зибер, Н. Потребительные общества. Киев. 1869. стр. 105.

Книга состоит из следующих глав: 1. О потребительских ассоциациях вообще. 2. Потребительные общества за-границей и в России.

В первой главе изложены выгоды, которые получают члены потребительских обществ, и организационные принципы, на основе которых последние создаются. Во второй главе изложена история рочдельских пионеров, английской потребительской кооперации, французской, немецкой, а также даны сведения о потребительских обществах в России.

2. Зибер, Н. К учению о ренте У. И. К. 1870, V, стр. 1—21; VI, стр. 1—19.

---

[1]) Первым указанием на эту работу Маркса и первым ее использованием на русском языке является статья Ткачева в декабрьской книжке «Русского Слова» за 1865 г.

3. Зибер, Н. Теория ценности и капитала Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и раз'яснении.

Диссертация на степень магистра политической экономии. У. И. К. 1871. I, стр. 1—28; II, стр. 1—40; IV, стр. 1—23; V, стр. 1—38; VI, стр. 1—28; VII, стр. 1—28; VIII, стр. 1—10; IX, стр. 1—31; X, стр. 1—40; XI, стр. 1—21.

4. Зибер, Н. Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и раз'яснениями. Киев, 1871.

Отдельный оттиск из Унив. Изв. Киевских за 1871 г., отпечатанный в количестве 300 экземпляров.

5. Зибер, Н. Доц. Отчет о пребывании за границей Доц. Н. И. Зибера (По политической экономии). У. И. К. 1873. VIII, стр. 1—55.

6. Зибер, Н. Доц. Жизнь и труды Давида Рикардо. У. И. К. 1873. XII, стр. 1—23.

В 1873 г. на страницах Унив. Изв. Киевских Зибер начал печатать свой перевод «Начала политической экономии» Рикардо, который в том же году вышел отдельным оттиском в количестве 500 экз. Очерк Зибера о Рикардо, являющийся, кстати сказать, первой работой о Рикардо на русском языке, предпослан переводу сочинений Рикардо. В своем «Очерке» Зибер дает краткую биографию Рикардо и излагает в основных чертах его учение. Основную заслугу Рикардо Зибер видит в том, что Рикардо первый «об'ективно и научно, хотя еще и бессознательно, установил ту истину, что интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободе, отнюдь не тождественны, а противоположны».

7. Зибер, Н. Лекция по политической экономии. Относительно этой работы Зибера нам известно только следующее: в 1874 г. один из первых русских марксистов-революционеров Иван Федорович Фесенко руководил в Киеве революционным кружком, в состав которого входил и Л. Дейч. «Фесенко, замечает Дейч, приходя на общую квартиру с литографированными лекциями Зибера по политической экономии, читал их нам со своими комментариями и дополнениями» (Л. Дейч. За полвека. 1926. Гиз, стр. 65).

8. Н. (Зибер, Н.). Экономическая теория Маркса. Зн. 1874. I, стр. 43—90.

Начиная свою серию статей об экономической теории Маркса, законченную в 1878 г. в журнале «Слово», Зибер писал, что ставит своею целью сделать более понятным для русской публики важнейшие теоретические положения Маркса в их взаимной связи и в их отношении к некоторым предшествующим теориям. «Мы берем на себя задачу, писал он, написать несколько очерков, которые будут заклю-

чать в себе изложение и оценку наиболее самостоятельных и значительных исследований, входящих в состав «Капитала» и «Критики политической экономии». «В результате должны будут, во-первых, выясниться значение Маркса, как самостоятельного экономиста, во-вторых, его теория ценности, денег и капитала должны будут явиться в очищенном от метафизических тонкостей виде и потому перестанут затруднять читателя». Это заявление Зибера относится ко всей серии статей «Экономическая теория Маркса». Что касается первой статьи, то она посвящена теории ценности Маркса. В ней Зибер пытается, по его словам, «изложить в главных чертах содержание теории ценности, служащей вступлением в известное сочинение «Капитал» и указать, что́ именно нового и существенно важного вносится теорией Маркса в область социально-экономической науки».

9. Зибер, Н. Что такое статистика? Зн. 1874. VIII, стр. 1—31.

Цель статьи, по словам автора, «показать, чего именно недостает главнейшим определениям статистики и каким условиям должна удовлетворять мало-мальски цельная программа для разработки статистического материала». В заключение Зибер приходит к выводу, что «статистика не есть ни особая наука, ни особая метода, а просто груда числового материала, относящегося к общественным явлениям, систематическая разработка которого может составить предмет одной только общественной науки в широком смысле слова».

10. (Зибер, Н.). Опыт программы для собирания статистико-экономических сведений. Составил действительный член отдела Н. Зибер для юго-западного отдела Имп. Рус. Геогр. О-ва. Киев. 1875, стр. 32.

11. Зибер, Н. По поводу рецензии «Киевлянина» на перепись 2-го марта 1874 г., соображения и заметки одного из принимавших участие в разработке переписи. Киев. 1875, стр. 24.

12. Зибер, Н. Доц. Цена труда (D-r Engel: I. Der Preis der Arbeit. II. Der Preis der Arbeit bei den deutschen Eisenbahnen in den Jahren 1850, 1859 und 1869 У. И. К. 1875, II стр. 53 — 80.

13. Зибер, Н. Материалы для наблюдения над общественно-экономическою жизнью русского города. Зн. 1876. III, стр. 30—81, IV, стр. 1—77.

Материалами в данном случае являются: 1. Киев и его предместья по переписи 1874 г., произведенной и разработанной Юго-Западн. Отд. Географ. О-ва. Киев 1875 г. 2. С. П. Б. по переписи 1869 г. Изд. Центр. Статист. Комитета. С. П. Б. 1872 и 1875. 3 выпуска. На основании этих материалов Зи-

бер пытается дать сравнительную картину важнейших общественно-экономических явлений Киева и Петербурга.

14. Зибер, Н. Размещение по квартирам представителей различных профессий в составе Петербургского населения. С. П. Б. по переписи 10 XII 1869 г. В. II. Дома и квартиры и размещение в них разных жителей. Отд. II Статистика квартир. Зн. 1876, VI, стр. 1—52.

На основании материала названной выше работы Зибер делает ряд цифровых обобщений.

15. Н. (Зибер, Н.). Экономическая теория Маркса Зн. 1876, X, стр. 1—52, XI—XII, стр. 1—49.

В начале первой статьи Зибер дает резюме своей статьи в «Знании» за 1874 г. В дальнейшем обе статьи посвящены Марксовой теории денег, денежного обращения и кредита. Излагая Марксову теорию денег, Зибер неуклонно подчеркивает ее тесную связь с теорией ценности Маркса. Касаясь учения Маркса о кредите, Зибер замечает, что «мнение Маркса об этом предмете является, к сожалению, недостаточно развитым. Но при всем том оно содержит в зародыше объяснение всех существующих сторон этого явления».

16. Н. (Зибер, Н.). Экономическая теория Маркса. Зн. 1877, II стр. 1—47. IV, стр. 2—50.

Изложение Марксовой теории прибавочной ценности, кооперации и мануфактуры.

17. Н. З. (Зибер). Берлинские грюндеры и их мошенничество. Otto Glogau. Der Börsen — und Gründungsschwindler in Berlin Leipzig. 1876. Зн. 1876, IX, стр. 33—89.

Пространное изложение книги Отто Глогау, которая имеет назначением показать, «до какой невероятной, почти невозможной степени доходила в Берлине в начале семидесятых годов разнузданная любостяжательность небольшой горсти хорошо организованных артистов биржи или так называемых «грюндеров», которые, пользуясь патриотическим предлогом поднятия национальной промышленности, получили возможность беспрепятственно запускать свою лапу в чужие карманы и с неслыханной дерзостью распоряжаться имуществом целой нации». В этой статье Зибер отдает дань времени, когда говорит об участии евреев в этой спекуляции. «Но всех пуще и неугомоннее обрушились на Глогау евреи которым страшно не понравилось утверждение автора, что 9/10 берлинских спекулянтов принадлежит к израилеву племени», и дальше: «Весьма многие негодяи еврейского происхождения действительно умеют мастерски пользоваться идеями прогресса и прочими хорошими вещами, чтобы делать черное белым и выдавать свои грязные проделки чуть-чуть что не за самопожертвование».

18. Зибер, Н. «Новейшее фабричное законодательство». Report of the Commissioners appointed to inqiure into the working of the Factory and Wirkshops Acts with a view to their consolidation and amenbment etc II vol London. 1876. О. З. 1877. I, стр. 239—276, IV—593—626, III, 51—112.

Изложение трудов парламентской комиссии, учрежденной в Англии в 1875 г. В целях изучения и систематизации английского фабричного законодательства.

19. Зибер, Н. Несколько замечаний по поводу статьи Г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале». О.З. 1877, XI, стр. 1—32.

Критический разбор статьи Ю. Жуковского, напечатанной в Журн. «Вестник Европы» (1877, IX).

20. Н. (Зибер, Н). Экономическая теория Маркса. Сл. 1878, I, 174—204; III, 49—77; VI, 49—80; XI, 187—207; XII, 79—112.

I. Теория общественной кооперации. Учение Маркса о кооперации существенно отличается от обыкновенных теорий сочетании труда любого учебника политической экономии. Никто из экономистов не подозревал, что теория кооперации в обширном смысле слова является теорией самого общества, представляет остеологию общественной науки и по значению далеко оставляет за собой другие общественные вопросы. Экономисты не обратили внимания на то, что мануфактурное деление труда и деление труда в целом обществе не тождественны и признавали мануфактурное разделение труда **всеобщей и прочной формой** общественной продукции, тогда как она только скоропреходящий исторический феномен. Маркс показал, что прогрессивное движение общества характеризуется **определенными изменениями в общественном сложении труда**.

II. Машина и крупная промышленность. Изложение гл. 13-й первого т. «Капитала», §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10 и краткое изложение гл. 18 и 19.

III. Оценка теории машин. Маркс разработал вопрос об исторической последовательности мануфактуры и фабричного экономического строя. Он впервые обратил внимание на то, что каждая из этих форм общественной продукции отличается своеобразной и типичной комбинацией труда. В дальнейшем дается изображение смены в сочетании труда при переходе от земледельческой общины к ремеслу—мануфактуре-фабрике.

IV. Теория накопления капитала и капиталистический закон народонаселения. Статья заканчивается следующим образом: «В виду сложности содержания настоящей главы, приведем краткие итоги важнейшим положениям Маркса, о которых идет речь в этой главе: 1. Ежегодное восстановление всех составных частей постоянного и переменного капитала, вместе с такой добавочной ценностью, которой хватает только на личное потребление капиталиста, есть простое воспроизведение капитала. 2. Если в дополнение к простому воспроизведению, в капитал превращается, сверх того, часть ежегодной добавочной ценности, то мы имеем дело с прогрессивным воспроизведением или с накоплением капитала. 3. Не только капитал в целом составе, но также и фонды потребления рабочего и капитала представляют величины не постоянные, а весьма эластические. 4. В известных пределах накопление капитала не находится в зависимости от об'ема последнего, а, следовательно и от пропорции, в какой подразделяется добавочная ценность на дополнительный капитал и на фонд потребления самого капиталиста: накопление может возрастать от одного только увеличения количества работы, производительной ее силы и даровой силы прежних орудий труда. 5. Временное возвышение задельной платы в стране имеет причиной не уменьшение роста населения, а ускоренное накопление капитала в связи с открытием новых рынков и т. д., точно так же, как понижение задельной платы представляет следствие не увеличения роста населения, а, напротив того, замедления в накоплении. Таким образом, нельзя говорить об абсолютном перенаселении или недонаселении, а только о менее или о более быстром накоплении капитала. 6. Благодаря увеличению производительной силы труда и сосредоточению капиталов путем побед крупных капиталистов над множеством мелких и путем кредита, доля переменного капитала, по мере накопления, возрастает в гораздо меньшей пропорции, нежели доля капитала постоянного, и в то же время количество и об'ем орудий производства увеличиваются еще быстрее, чем ценность постоянного капитала. в силу той и другой причины, спрос рабочих, по мере прогресса накопления, замедляется все более и более. 7. Относительное уменьшение переменной части капитала служит источником относительного избыточного населения или перенаселения, между тем как обыкновенно полагают, что, наоборот, оно само составляет результат последнего. 8. Благодаря способности к внезапному расширению, накопление капитала часто нуждается в свободных рабочих силах, ненужных накануне, а потому образование избыточного населения

есть не случайное, а необходимое его последствие. 9. Течение новейшей промышленности представляется в виде цикла, которому соответствует смена периодов средней живости накопления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, имевшего в основании образование, большее или меньшее поглощение и новое образование индустриального резерва или избыточного населения. 10. Общераспространенная теория закона народонаселения (Мальтуса) представляет не что иное, как ошибочное обобщение тех законов, на основании которых рабочее население распределяется между отдельными областями производства.

V. Оценка предыдущей теории. «Теория народонаселения» Маркса по силе и ясности анализа, по глубине и оригинальности мысли наиболее замечательная и блестящая часть изучаемого сочинения, за исключением разве главы о происхождении добавочной ценности, послужившей основой к самому учению о народонаселении. Дальше Зибер излагает теорию народонаселения Мальтуса, сопоставляет ее с Марксовой и подвергает ее критике. Маркс не допускает в применении к людям господства абсолютного закона населения; всякий способ общественного производства имеет свой *относительный* закон народонаселения. З. отмечает, что несмотря на все значение теории народонаселения Маркса она не удостоилась ни ученой критики, ни даже поверхностной рецензии, кроме отзыва Ланге в «Die Arbeiterfrage». Зибер опровергает возражения Ланге против теории Маркса.

21. Зибер, Н. Лассаль сквозь очки Г. Б. Чичерина. Сл. 1878, IV, 65—120. По поводу статьи Чичерина «Немецкие социалисты. Лассаль в V т. «Сборника государственных знаний».

Прежде всего Зибер оговаривается, что он не принадлежит к числу безусловных защитников Лассаля и допускает, что в сочинениях последнего имеются некоторые скороспелые выводы и обобщения. Зибер указывает, что и Лассаль и Чичерин, «как и подобает юристам, рассматривают развитие собственности в слишком абстрактном и формальном свете, в котором понять его нельзя... Чтобы отдать себе отчет во всех тех преобразованиях, которым это право подвергается на протяжении истории, необходимо постоянно иметь перед глазами развитие общественно-экономической организации, которое оно санкционирует собой». «Право всегда делает только то, что представляет санкцию господствующих общественно-экономических отношений». «Из всех теорий общественного развития самая ненаучная та, которая относит все развитие в историю и полагает, что оно уже достигло апогея». По поводу ссылки Чичерина на

«Декларацию прав», как на доказательство того, что французская революция осуществляла не только классовые стремления буржуазии, Зибер пишет: «Что касается до провозглашения прав, то, отдавая должное этому величайшему из памятников французской народной славы, мы все-таки должны заметить, что в нем ничего не говорится о необходимости улучшить материальное положение наемных классов, т. е. рабочего сословия в собственном смысле этого слова». Предложенные Лассалем производительные ассоциации рабочих со ссудой от государства Зибер считает мерой не действительной. «Лассаль при этом забывал самое главное, что процесс социализации производства еще не достиг в действительности той высоты, когда меры, подобные этой, могли бы рассчитывать на какой-нибудь успех». В дальнейшем Зибер разбирает возражения Чичерина против экономического учения Лассаля.

22. Зибер, Н. Общинно-поземельные отношения владельческих крестьян Эльзаса в средние века. О.З. 1878, IX, стр. 129—156, XII, 319—367.

Основное содержание статьи составляет изложение соответствующих трудов Ганауэра.

23. Н. З. (Зибер). К истории русской общины. Н. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизации юго-восточных степей перед крепостным правом. Сл. 1879, VIII, стр. 196—209.

«Разделение труда представляет одно из первых инстинктивных изобретений, ведущих к увеличению производительной силы труда, а между тем оно оказывает под видом меновых сношений и общественной организации в высшей степени крупное влияние на разложение общинного землевладения». Указав далее, что неизбежно должен наступить момент, когда прекратятся переделы, начнется округление подворных участков и возникнет право мелкой собственности, Зибер продолжает: «Так по крайне мере совершался этот процесс, более или менее повсюду исторически и, если он не совершается и не совершится окончательно у нас, то этому воспрепятствуют совершенно особые причины». По мнению Зибера, возросшее население общины неизбежно должно ощущать недостаток в земле. «Остается поэтому один исход—удержать за каждой семьей в потомственное пользование один участок, постепенно спуская в города и в отхожие промыслы накопляющиеся лишние рты и руки. Такой исход не есть самый лучший — он большей частью вынуждается эмпирической необходимостью». Надежды на благодетельное действие повышения земледельческой культуры считает неосновательным. «Она сама (земледельческая

культура) является продуктом разделения труда и вряд ли может применяться на любой ступени экономического развития». Возникновение мелкой крестьянской собственности на известной ступени экономического развития общества и при известных положительных и отрицательных условиях может считаться историческим законом. Все затруднения при решении этого вопроса состоят только в том, какая именно ступень развития имеется в конкретном случае перед глазами, а равно не представляет ли последний известных усложнений, могущих замедлить, видоизменить или и вовсе устранить образование мелкого землевладения.

24. Н. З. (Зибер). Фиаско национал-либерализма. D-r Fr. Kritische Miscellen. Zur modernen Writschaffspolitik. Dresden 1879. Otto Glogau. Der. Ban-Kerstt ges National-Liberalismus und die „Reaktion" 1878. Сл. 1879 VIII, стр. 27—68.

В статье изображено хозяйственное развитие Германии накануне и в момент кризиса 70-х годов. Преимущественное внимание уделено росту акционерных обществ, характеру их деятельности, политике национал-либералов и ее результатам. «Ни идеи, ни научное значение трудов Глогау и Перро ничего знаменательного в наших глазах не представляют. Заслуга этих писателей есть, так сказать, художественная: она состоит в том, что они с поразительно наивной верностью рисуют нам черты новейших мытарей и фарисеев. Как хотите, а точный во весь рост портрет, снятый с господ этого сорта, не тогда, когда они в юпитерской позе, с трибуны, с кафедры, в печати громят врагов отечества и прославляют свободу, нравственность, семью, религию и собственность, а невзначай, украдкой, в тот критический момент, когда они невинно превращают чужой карман в пустое место, есть поучительное зрелище. Пора, наконец, обществу распознать своих действительных врагов и друзей и поближе присмотреться к тем, кто пользуется полномочием творить его волю в делах хозяйственных и политических. Так называемые национал-либералы действительно являются самой нахальной, бесстыдной и безнравственной шайкой, какую когда-либо видел свет, у которой вожделение наживы всецело заглушает все сколько-нибудь человеческие чувства».

25. Н. З. (Зибер). Мысли об отношении между общественной экономией и правом. Сл. 1879, II, стр. 123—151.

В статье показано, что центральным явлением современной экономической жизни является «накопление и сосредоточение капитала в пространстве и во времени в немногих руках и в немногих пунктах». «Среди различных изменений в экономии общества в течение последних нескольких десят.

ков лет ни одно не поражает до такой степени исследователя, как неломерная чудовищная, бешеная быстрота, с которой происходит накопление и сосредоточение капитала. Преобладание этого явления над многими другими станет понятным, если вспомнить, что от размеров накопления капитала зависят самые размеры производства, а от размеров производства зависит род и способ удовлетворения общественных потребностей, общественный уклад труда и потребления, степень общественного разделения и соединения труда, степень распадения общества на два резко обособленных класса — продавцов и покупателей рабочей силы». Затем приведены цифровые данные о концентрации капиталов и централизации производстра. А рядом с этим громадным возрастанием и сосредоточением богатства шли, хотя и не столько возрастая, но все-таки придерживаясь очень высокой нормы, две следующие цифры: цифра бедных и цифра эмигрантов. «Наподобие того, как центральным пунктом современной материальной экономической системы, фокусом современного экономического движения является процесс накопления и сосредоточения капитала, который в то же время представляется и процессом усвоения имущества, — таким же точно центральным пунктом и фокусом современной системы наиболее установившихся мнений и взглядов общества на упомянутое движение является совокупность норм преимущественно гражданского права, а в нем в особенности тех, которые относятся к имущественному праву». «И это совпадение между фокусами материально-экономического движения общества и так называемого общественного мнения, которое частью вторит, частью поддерживает законодательные нормы, ни в каком случае не может быть названо случайным: первое из них обусловливает второе и только необычайная, неслыханная быстрота экономического развития... могла служить источником того глубокого противоречия, которое замечается во многих случаях между общественной экономией и правом».

26. Н. З. (З и б е р). Чичерин contra Маркс (Критика критики). Сл. 1879, II, стр. 63—103.

Ответ на статью Чичерина «Немецкие социалисты». II «Карл Маркс», помещенной в VI т. «Сборника государственных знаний». Прежде всего Зибер опровергает утверждение Чичерина, что Маркс «ни по силе ума, ни по разнообразию сведений не может сравниться с Лассалем». Перечислив открытия, сделанные Марксом в области науки, Зибер говорит, что Чичерин не может не сознавать, «что всего этого невозможно проделать без таланта, сила которого, по меньшей мере, должна соответствовать силе ума, что богатства

и разнообразие сведений Маркса наводит страх и трепет на всех его противников, что философский смысл человека, внесшего в область общественной экономии единый и цельный метод исследования, может быть всем чем угодно, но только не может быть низким, что во всех этих отношениях Маркс, по меньшей мере, не уступает Лассалю». Дальше Зибер показывает несостоятельность обвинения в извращении гегелевского метода, которое Чичерин бросает Марксу. «Весь смысл и толк разногласия между Гегелем и Марксом по вопросу о методе только в том и состоит, что первый был идеалистом, что нисколько не мешало ему под крылышком прусского короля находить все к лучшему в сем наилучшем из миров. Напротив того, Маркс отлично знает, что действительность сама по себе, а способ нашего понимания этой действительности и до известной степени самого отношения к ней опять-таки сам по себе и что настоящая действительность столь же преходяща, как и все прошедшее». В дальнейшем Зибер обстоятельно, с необычной живостью опровергает возражения Чичерина против теории ценности Маркса.

27. Н. И. (Зибер). Возражения на экономическое учение Милля. Сл. 1879, VII, стр. 139 –178; IX, стр. 75—120.

«Предстоящая статья есть нечто среднее между извлечением и переводом одной весьма значительной брошюры, тем более замечательной, что она принадлежит перу не ученого и не писателя в обыкновенном смысле слова». К недостаткам излагаемой книги Зибер относит несправедливую враждебность тона по отношению к Миллю. «Автор, повидимому, совершенно упускает из виду, что Джон Стюарт Милль всей своей жизнью и деятельностью блистательно доказывает свое благородное и совершенно искреннее отношение к делу работающих классов и вообще ко всем жизненными и жгучим вопросам настоящего, какой бы эклектический характер ни носили его «Основания политической экономии». Статья состоит из 13 гл.: 1. Производство и его требования. 2. Капитал, его образование и накопление. 3. Существенные положения относительно капитала. 4. Чрезмерное предложение. 5. Влияние спроса на товары на спрос на труд. 6. Постоянный капитал и его влияние на труд. 7. Издержки производства, рассматриваемые с общечеловеческой точки зрения. 9. Кредит. 10. Прибыль. 11. Капиталистическая собственность. 12. Мелкое крестьянское хозяйство. 13. Заработная плата и народонаселение. «Меры и средства, при помощи которых Милль надеется положить конец давящему нас злу и исцелить новейшее общество от гложущего его рака, мы находим столь же непригодными и непрактичными, как нашли ошибочными и преисполненными

противоречиями теоретические его построения. Вместо того, чтобы указать на стремление к прогрессивному развитию, вместо того, чтобы делать предложения, клонящиеся к преобразованию общественных отношений, оказывается, что Миллем предлагаются целебные меры, противные общественному прогрессу, реакционные, рассчитанные на неподвижное состояние, на увековечение капиталистической продукции, как на заранее поставленную, окончательную цель». Дальше показан реакционный характер идеализации мелкого крестьянского хозяйства Миллем.

28. Н. З. (Зибер). Диалектика в ее применении к науке. Сл. 1879, XI, стр. 117—169.

Перевод в извлечениях «Анти-Дюринга» Энгельса. «Книга эта заслуживает особенного внимания как в виду последовательности и цельности проводимых в ней философских и общественно-экономических понятий, так и потому, что для об'яснения практического приложения метода диалектических противоречий она дает ряд новых иллюстраций и фактических примеров, которые немало способствуют ближайшему ознакомлению с этим столь сильно прославленным и в то же время столь сильно унижаемым способом исследования истины. Можно сказать, повидимому, без преувеличения, что в первый еще раз с тех пор, как существует так называемая диалектика, она является глазам читателя в таком реальном освещении. Впрочем, мы с своей стороны воздерживаемся от суждения о годности этого метода в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собой или не представляет, — насколько ему может быть придаваемо действительное значение, — простое видоизменение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития. Именно в этом последнем смысле рассматривает его автор, или, по меньшей мере, старается указать на подтверждение его при помощи тех истин, которые достигнуты эволюционной теорией. И нельзя не сознаться, что в некотором отношении здесь открывается значительное сходство». В дальнейшем следует перевод в изложениях из «Введения» из отдела «Философия» и «Политическая экономия». Из «Введения» переведены страницы (указываем по последнему изд. «Анти-Дюринга», Д. Б. Рязанова) 14—20, из отд. «Философия» стр. 31—34, отрывок стр. 76, 77—82, 84—85, 86—89, 93—97, 103—104, 108—111, 124—126, 127—128, 129—130; из отд. «Политическая экономия», стр. 135—140, 146—161. В пределах этих извлечений выпадают иногда отдельные фразы и положения. Перевод сделан довольно тяжеловесно и местами затемняет смысл текста.

29. Н. З. (Зибер). Мысли об отношении между общественной экономией и правом. Сл. 1880, VI, стр. 61—90.

Приведя мнение различных экономистов (Прудон, Лассаль, Робертус, Маркс, Милль, Вагнер и др.) по вопросу об отношении между политической экономией и правом, Зибер останавливается на Марксе, которому, по его словам, «принадлежит совершенно определенное исключающее всякие недоразумения решение вопроса об отношении экономии к праву, которое, по его (Маркса) словам, представляет не что иное, как надстройку над зданием общественной продукции».

30. Н. З. (Зибер). К истории общинного землевладения. М Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. I. Общинное землевладение в колониях 1879. Ю. В. 1880, VIII, стр. 673—692.

Разбор книги М. Ковалевского.

31. Н. З. (Зибер). Народная школа в кантоне Берн в гигиеническом отношении. О. З. 1880, IX, 114 — 123.

Зибер знакомит с результатами специального обследования, рисующего гигиеническое состояние Бернской народной школы.

32. Н. З. (Зибер). Статистика самоубийств. Ю. В. 1880, IX, стр. 133—138.

33. Н. З. (Зибер). Исак Перейра и его влияние на биржу. Ю. В. 1880, X, стр. 210—217.

34. Н. З. (Зибер). Земледелие в САСШ. О. З., 1880, IX, стр. 1—23. Изложение отчета двух членов английской парламентской комиссии, обследовавшей в 1879 г. земледелие в Америке.

35. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1880, XIII, стр. 145—162. Разбор следующих работ: 1. Общинное владение (о книге Гоннелна. Аграрная история и т. д.) Лейпциг 1880. 2. Состояние земледелия в Англии и Германии (на основании земледельческих отчетов Англии и Ирландии). 3. Положение рабочих классов. (На основании речи Дж.Ингермана на конгрессе рабочих союзов в Дублине в сентябре 1880 г.).

36. Зибер, Н. Еще о братствах. (По поводу статьи А. Ефименко «Южно-русские братства»). Сл. 1881, I, стр. 177—260.

37. Зибер, Н. Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования. Ю. В. 1881, I, стр. 1—59; II, стр. 181—245; III, стр. 458—494.

Краткая биография Родбертуса и довольно подробное изложение его экономического учения. Зибер характеризует Родбертуса, как мыслителя, который представлял собою довольно редкое сочетание замечательного дара мышления с обширным и разносторонним образованием и редким науч-

ным беспристрастием. Эти качества, говорит Зибер, дают право Родбертусу на одно из первых мест в ряду экономистов. Необходимо отметить, что З. рисует величие Родбертуса, его значение в истории экономической мысли путем сравнения его с буржуазными экономистами, обходя вопрос о сравнительной оценке Маркса и Родбертуса. При оценке статей Зибера о Родбертусе, следует иметь ввиду, что они были написаны до появления марксистских работ о Родбертусе (статьи Плеханова были напечатаны в 1882—83 гг., а работа Каутского о Родбертусе появилась в 1884—86 гг.) и до выхода II т. «Капитала» и известного предисловия к нему Энгельса, которые появились в 1885 г. В русской экономической литературе статьи Зибера были первой работой о Родбертусе.

38. Зибер. Н. Община и государство в Нидерландской Индии, О. З. 1881, III, стр. 79—128.

Приведены интересные данные об общественных союзах на Индейском архипелаге, заимствованные из различных голландских сочинений.

39. Н. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1881, III, стр. 47—66.

Статья посвящена успехам крупного хозяйства в промышленности и земледелии. «Поглощение и вытеснение крупным земледелием и фабричной индустрией мелкого земледелия и ремесленной промышленности представляет одно из самых резких общественно-экономических явлений настоящего времени». Для демонстрации победного шествия крупной промышленности Зибер пользуется прениями австрийского земледельческого съезда 1879 г. и другими материалами.

40. Зибер, Н. Новая попытка в области социологии. Ю. В. 1881, VI, стр. 646—685.

Разбор книги Шарля Летурно. Социология и этнология. Париж, 1880.

41. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1881, V, стр. 1—24.

Изложение содержания книги Ф. Гита: «Жизнь крестьян в Западной Англии». Лондон. 1880.

42. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1881, VI, стр. 163—185.

Изложение отчетов швейцарских фабричных инспекторов за 1880 г.

43. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1881, IX, стр. 1—22.

Статья посвящена жилищному вопросу в больших городах. Среди других материалов, на основании которых напи-

сана статья, использована также брошюра Энгельса «Жилищный вопрос», 1872 г.

44. Н. З. (Зибер). История Швейцарской Альменды. В. Е. 1881. X, стр. 601—632.

В основу статьи положены две работы базельского проф. А. Мясковского, посвященные Швейцарской Альменде и ее истории, вышедшие в Лейпциге и Базеле в 1879 г.

45. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1881, XI, стр. 1—24.

Критический разбор книги Леруа Болье, вышедшей в Париже в 1881 г.

46. Зибер, Н. Жизнь и научно-литературная деятельносьт Рикардо. См. Рикардо. Сочинения. Перевод Н. Зибера (С. П. Б. 1882, изд. Л. Ф. Пантелеева), стр. 1—XX.

47. Н. З. (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1882, IV, стр. 151—180.

Положение землевладения и земледелия в Голландии на основании исследования Дженкинса, члена английской земледельческой комиссии, назначенной парламентом в 1879 г.

48. Виолле, Поль. Первоначальная недвижимая собственность. Ю. В. 1882, V, стр. 3—55.

Статье Виолле предпосланно несколько строк, озаглавленных «О коллективном характере недвижимой собственности», подписанные Н. Зибером, в которых он сообщает краткие сведения о статье Виолле.

49. Н. З (Зибер). Экономические эскизы. О. З. 1882, VI, стр. 173—201.

Статья посвящена изложению поземельных порядков в Бельгии на основании данных, собранных членом английской парламентской комиссии Дженкинсом. Зибер приходит к следующим выводам: «Вся совокупность фактов, изложенных на предшествующих страницах, ведет к одному общему заключению, что мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достоянием прошлого». «Не следует только забывать, что сладкие плоды процесса обобществления труда в европейском обществе достанутся одним лишь будущим поколениям, на долю же нынешнего выпадают одни лишь муки родов и болезни детского возраста».

50. Н. З. (Зибер). Ход всемирного хозяйства в последнее десятилетие. Р. М. 1882, VII, ст. 65—98.

Статья написана на основании третьего выпуска ежедневно выходивших в свет «Uebersichten der Weltwirtschaft проф. Неймана Спалларта. Зибер отмечает, что в своих воззрениях на ход всемирного хозяйства «автор лишь незначительно отступает от господствующей экономической теории, известной своими классовыми предрассудками», и слишком

оптимистически оценивает периоды под'ема промышленности, «упуская из виду, что всякое подобное повышение хозяйственного уровня столь же тесно связано с последующим его упадком, как связаны между собой прилив и отлив океана». Кратко очерчены падение всех внутринациональных перегородок на пути создания национального хозяйства, а затем развитие экономических и правовых предпосылок мирового хозяйства. «Автор сильно ошибается, что подобная роль во всемирном хозяйственном движении достается всем народам одинаковой ценой, оставляя за каждым из них прежнюю самостоятельность. До сих пор история торговли учит нас совершенно другому, а именно тому, что в борьбе международных интересов, точно так же, как в борьбе интересов отдельного народа, одерживает победу все сильное, богатое, более образованное над слабым, бедным и невежественным. Трудно, напр., сказать без натяжки, что Китай, покупая индийский опий, сохраняет свою самостоятельность и что страны, ведущие преимущественно торговлю сырыми произведениями, развивают свою цивилизацию и занимают высшее место». З. указывает, что только в будущем торговые сношения будут иметь для всех народов благотворное значение. «Для этого нужно, чтобы международные сношения вступили в состояние действительно-об'ективных функций и чтобы совокупные интересы отдельных общежитий действительно образовали единое целое». Описание способов возникновения новейших капиталов, данное автором, З. считает поверхностным. «Совершенно справедливо, что капитал возрастает, но только неверно то, что он увеличивается собственной силой, а не силой человеческого труда».

51. Зибер. Н. Судьба общинного владения в Швейцарии. В. Е. 1882, VII, стр. 41—73.

Очерчена юридическая основа швейцарской общины и показано, в силу каких условий она должна была мало-по-малу превратиться частью в личную собственность, частью в публичное имущество.

52. Н. З. (Зибер). Новый труд о первобытных учреждениях. О. З. 1882, VII, стр. 151—202.

Статья знакомит с содержанием социологического очерка голландского писателя Г. А. Вилькена «О первобытных формах брака и о происхождении семьи», помещенного в журнале «De Jndische gild» 1880—1881 г.

53. Зибер. Н. Аграрный вопрос в Ирландии. Ю. В. 1882, IX, стр. 3—62, X, стр 210—242.

54. Зибер. Н. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883. Изд. К. Т. Солдатенкова, стр. 505 + IV. Авторское предисловие датировано 1881 г.

55. Н. З. (Зибер). Распределение поземельной собственности в Германии. Р. М. 1883, I, стр. 268—317, II, 167—209.

Изложение книги проф. А. Миасковского «Наследственное право и распределение поземельной собственности в Германии». Лейпциг, 1882.

Зибер излагает только ту часть книги, где говорится о распределении поземельной собственности; части, посвященной наследственному праву, Зибер не касается.

56. Зибер. Н. Общественная экономия и право. Ю. В. 1883. V, 3—41, IX, 3—27.

Зибер рассматривает хозяйство и право, исходя из формулированного им положения, что «мы познаем область общественной экономии и связанных с ней отношений лишь в той мере, насколько мы знакомимся с законами развития общественно-экономического строя». Зибер возражает против взгляда, что исследование ближайших условий процесса потребления богатств не входит в сферу политической экономии. «Отдел потребления хотя и существует, но разрабатывался только с одной чисто формальной стороны, без всякого проникновения в его внутреннюю природу». «Гражданское правоведение постоянно имеет дело с актом общественного потребления, в этом не может быть для нас ни малейшего сомнения». «Вся экономическая история служит нам ясным доказательством, что экономический прогресс, если не всегда в действительности, то, по меньшей мере, в идее совпадает с увеличенным количеством предметов свободного, индивидуального потребления, которое есть вместе с тем и общественное». «Если взглянуть на дело с общественно-экономической точки зрения, то, прежде чем решать вопрос о различии между вещным правом и требованием, необходимо составить себе отчетливое понятие о том, что такое «вещь» и какая взаимная связь существует между различными требованиями. Материалом для составления этих понятий должна послужить нам сама экономическая действительность, а не одни только абстрактные соображения общей логики». «При свете этого об'яснения не трудно, полагаем, видеть, что право на вещь, получаемую из других рук, — а таковы в нынешнем обществе более или менее все хозяйственные вещи, — представляет не только право на самую вещь, как на произведение силы природы, сколько право на определенное количество социально-полезного труда других лиц, материализованного в этой вещи или, говоря юридическим языком, право на *действие* людей, осуществляющееся в их продукте».

57. Зибер. Н. О влиянии прогресса на бедность. Р. М. 1883, IX. 235 — 293; XI, 330 — 374; XII, 107 — 136.

Очень подробное изложение книги Генри Джорджа «Прогресс и бедность». В тех правда немногочисленных, критических замечаниях, какие Зибер делает, он характеризует теоретические построения Г. Джорджа, как труд не серьезного исследования, а «фантазера, никогда не вникавшего во внутренний характер общественно-экономических явлений». Заслуживает быть отмеченным, что оценка книги Джорджа, сделанная Зибером, полностью совпадает с оценкой, какую дал ей П. Аксельрод в статье, напечатанной в 9-й и 10-й книгах журнала «Дело» за 1883 г.

58. Зибер, Н. Сравнительное изучение первобытного права. (По исследованиям Поста). Ю. В. 1884, V, 3—73, XI 385—411; 1885, V, 9—26, VIII, 569—611.

Разбор соответствующих трудов Альберта Поста.

59. Зибер. Н. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. С. П. Б. 1885, VII, 598 стр.

Настоящее второе издание книги Зибера, сравнительно с первым, вышедшим в 1871 г., значительно дополнено; для последней цели автор использовал серию своих статей, напечатанных в журналах «Знание» и «Слово» в 1874—1878 гг.

60. Зибер. Н. Квартирный вопрос в больших городах, Ю. В. 1886, I, 27—49, II, 269—290.

Статья посвящена рабочим жилищам Берлина, Парижа, Лондона. Автор на основании литературных материалов описывает жилищные условия городов, главным образом Парижа. Приведена, между прочим, большая цитата из первого т. «Капитала», имеющая отношение к теме статьи. Настоящая статья является последним произведением Зибера, вышедшим из-под его пера и напечатанным при его жизни.

61. Зибер, Н. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Изд. 3-е. С. П. Б. 1897, Изд. Т-ва Сытина, отдел Н. А. Рубакина. 546 стр. (Политико-экономическая библиотека).

Настояще издание вышло после смерти автора, скончавшегося в 1888 г., и представляет собой перепечатку текста 2-го изд. книги, вышедшего при жизни автора в 1885 г.

62. Зибер, Н. Собрание сочинений, т. I. Вопросы землевладения и промышленности. С.П.Б. 1900. Изд. СПБ-го акционерного О-ва печатного дела «Издатель». Стр. 707.

В настоящий том вошли следующие работы Зибера: 1 О коллективном характере первоначальной собственности. 2. Община и государство в Нидерландской Индии. 3. Общин-

но-поземельные отношения владельческих крестьян Эльзаса в средние века. 4. История Швейцарской Альменды. 5. Судьбы общинного владения в Швейцарии. 6. Аграрный вопрос в Ирландии. 7. Экономические эскизы. 8. Из истории фабричного законодательства Великобритании. 9. Берлинские грюндеры.

63. Зибер, Н. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-ое. СПБ. 1899. Изд. Акц. О-ва печатного дела «Издатель».

64. Зибер, Н. Собрание сочинений. С портретом автора, т. II. Право и политическая экономия. С.П.Б. 1900. Изд Акционерного Общества печатного дела «Издатель». Стр. 788.

Содержание настоящего тома составляют следующие работы: 1. Сравнительное изучение первобытного права. 2. Одна из попыток в области социологии (о книге Летурно «Социология и этнография»). 3. Первобытные учреждения. (О книге Вилькена «Первобытные формы брака и происхождение семьи»). 4. Общественная экономия и право. 5. Мысли об отношении между общественной экономией и правом. 6. К вопросу о братствах (по поводу статьи А. Ефименко «Южно-русские братства»). 7. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля. 8. Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования. 9. Немецкие экономисты сквозь очки Б. Чичерина. (Ответ на статьи Б. Чичерина о Лассале и Марксе). 10. К характеристике Дюринга (перевод в извлечениях «Анти-Дюринг» Энгельса»). Собрание сочинений Зибера в редакционно-издательском отношении представляет собой образец редкой неряшливости; в нем, по совершенно справедливому замечанию Клейнборта, «не чувствуется ни опытной редакторской руки, которая познакомила бы нас с программой издания, нет указаний ни на то, к какому году относится та или другая статья, где они были напечатаны, почему статьи располагаются в том порядке, в каком расположены первые два тома». Насколько это издание неряшливо, видно хотя бы из того, что в первый том включена статья Поля Виолле, как статья Зибера; в действительности же Зиберу принадлежит в этой статье одна страница, в которой он характеризует работу Виолле.

65. Зибер. Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. Со вступительной статьей проф. М. Е. Слабченко. Одесса 1923, Г. И., стр. XXVIII + 411.

66. Зибер, Н. Письмо к П. Аксельроду. См. Из Архива П. Б. Аксельрода, т. II. Письмо посвящено критике Г. Джорджа.

67. Зибер, Н. Критика теории стоимости Милля. См. Рубин: «Классики политической экономии», стр. 495—500, где приведен отрывок из книги «Рикардо и Маркс».

68. Зібер, М. Діялектика в її застосуванні до науки. См. Войовничий Матеріяліст. 1929.

69. Зібер, М. Діялектика в її застосуванні до науки. З вступною статею П. Демчука: «Зібер та Анти-Дюринг» Энгельса. Харків, 1929, Д.В.У., стр. 91 (Український інститут марксизму-ленінизму. Українське філософсько-наукове Т-во «Войовничий Матеріяліст»).

К биографии Зибера

Биография Зибера не написана. Те сведения биографического характера, какими располагает литература о Зибере, относятся почти исключительно к тому времени, когда Зибер был уже вполне сложившимся ученым. Но и материалы, относящиеся к этому периоду, следует признать далекими от полноты. Почти полностью нам неизвестны детские и студенческие годы Зибера. До сих пор еще точно не установлено происхождение Зибера со стороны матери: Клейнборт считает мать Зибера полуфранцуженкой, полурусской, Слабченко относит ее к украинской национальности, Яворский не только считает мать Зибера украинкой, но утверждает, что она с детства воспитывала в нем интерес и любовь ко всему украинскому. О школьных годах Зибера до студенчества мы также ничего не знаем, кроме того интересного факта, на который указывает В. Н. Фигнер, что Зибер учился в симферопольской гимназии одновременно с известным впоследствии народовольцем Тригони; при этом В. Н. Фигнер замечает, что лучшие ученики старших классов, среди которых был и Зибер, усердно читали передовые журналы того времени (В. Фигнер. Сочинения, т. IV. М. 1929, стр. 86).

Несколько лучше обстоит дело со студенческими годами Зибера. Здесь мы имеем кое-какие материалы, характеризующие Зибера как студента, его научные интересы и т. п.

Особенно скудны материалы, касающиеся времени пребывание Зибера за границей. Вместе с тем этот период в жизни Зибера представляет для нас едва ли не наибольший интерес. Припомним, что, живя за границей, Зибер встречался с Марксом, Энгельсом, Плехановым, Аксельродом, Драгомановым, Кропоткиным, Овсянико-Куликовским и многими другими выдающимися учеными и деятелями русского и украинского революционного движения.

В первую свою поезду за границу, по командировке Киевского университета (1871—1873 г.), Зибер жил и работал в Гейдельберге, Лейпциге, Цюрихе, в Бельгии, во Франции, в Англии. Живя в Цюрихе, Зибер принимал деятельное участие в жизни русской колонии того времени, имевшей в своем составе не мало выдающихся деятелей революционного движения (Лавров и др.).

Ниже мы даем список литературы, которая содержит сведения биографического характера о Зибере. Литература расположена в хронологическом порядке появления ее в свет.

1. Владимирский-Буданов. 50-летие Киевского университета Св. Владимира. Речь, произнесенная на юбилейном акте университета. Киев, 1884.

В списке преподавателей университета указан год вступления Зибера в число преподавателей и год его ухода. Научные труды Зибера не указаны.

2. (. . . . . .). Николай Иванович Зибер. «Северный Вестник». 1888, VIII, стр. 152—153.

Некролог, в котором Зибер характеризуется, как один из самых выдающихся русских экономистов, обладавший замечательной ясностью мысли, силой доводов и громадной эрудицией, как человек могучей интеллектуальной силы.

3. (. . . . . .). Н. И. Зибер. «Ю. В.». 1888. VI—VII.

На первых двух страницах помещен некролог о Зибере, в котором сказано, что Зибер—автор «чрезвычайно выдающейся диссертации о Рикардо и автор превосходного перевода (сочинений) Рикардо». Далее, что «Зибер был едва ли не лучший у нас знаток классической экономии, ее предшественников и продолжателей».

4. Биографический словарь профессоров и преподавателей импер. унив. Св. Владимира 1834—1884. Составлен и изд. под ред. ордин. проф. В. С. Иконникова. Киев. 1884.

Краткие биографические сведения (стр. 204, 205, 206) и неполный список трудов, с рядом неточностей.

5. В. Я. — Н. И. Зибер (1844—1888). Энциклопедия Брокгауза, 1894, т. 24, стр. 581. Автор считает, что Маркс нашел в лице Зибера лучшего истолкователя и популяризатора в русской литературе. «Благодаря, главным образом, трудам Зибера, трудовая теория ценности Рикардо — Маркса и марксова схема экономического развития получили в русской науке твердую и прочную постановку.

6. (. . . . .) Н. И. Зибер (1844—1888). Новая энциклопедия Брокгауза, т. XVIII, стр. 709—710.

Маленькая заметка, сравнительно с выше отмеченным, ничего нового не дающая. Ошибочно датирован год издания сочинения Зибера—1904 г. вместо 1900.

7. (. . . . .). Н. И. Зибер. Энциклопедия Граната, т. XXI, стр. 267—268.

Автор характеризует Зибера, как первого марксиста в русской литературе, как первого истолкователя и популяризатора Марксова учения. Автор считает, что все труды Зибера отличаются необыкновенной логической стройностью, глубиной теоретического анализа, исключительно богатой эрудицией, и ставит Зибера в ряд самых выдающихся русских экономистов-теоретиков.

8. Романович-Словатинский, А. В.—Н. И. Зибер и А. Е. Назимов. «Р. В.» 1902, № 320.

9. Романович-Словатинский, А. Голос старого профессора. По поводу университетских вопросов. Вып. II, приложение Н. И. Зибер и А. Е. Назимов. (Из воспоминаний старого профессора) (Элегия в прозе), стр. 36—42. Киев, 1903. Перепечатка из «Русск. Ведомостей» 1902, № 320.

«Он (Зибер) был швейцарцем по отцу и сам числился всегда швейцарским подданным. Родился он в Судаке, а молодость проходила в живописной Ялте». «Это была натура нервозная, глубоко-впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и вопросам науки». «Чистокровный идеалист, он не способен был ни к какой сделке и компромиссу; брезгливо и нетерпимо он относился ко всему, что не подходило под его чисто пуританские требования». Дальше автор указывает, что Бунге и Цехановецкий, преподававшие в то время политическую экономию в Киевском университете, были чужды научного догматизма «и новые веяния не считали еретичеством, достойным кары». Дальше дано такое описание магистерского экзамена Зибера: «Припоминаю блестящие ответы Зибера. Экзаминатор предложил ему изложить теорию Маркса, которая была тогда большой новинкой. Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем». Уход Зибера из Киевского университета автор объясняет следующим образом: «Зибер не мог оставаться в той университетской среде, которая сложилась в половине семидесятых годов, когда стали господствовать совместительство и нажива, когда достаток предпочитали таланту, когда научные интересы побледнели и самым ценным качеством человека признавалась хитрость и практическая изворотливость. Завелась даже газета в Киеве, ратовавшая за

эту практичность и деловитость. Зибер с некоторыми своими единомышленниками замыслил создать противовес этой газете, которой и явился «Киевский Телеграф», приобретенный супругой проф. Гогоцкого у фон-Юнка. Я помню, с каким страстным увлечением относился к этому делу Зибер, но дело не выгорело: не боец с ударами жизни, Зибер не выдержал и бросил свой университет».

10. (. . . .) Зибер, Николай Иванович. Большая энциклопедия Т-ва «Просвещение», т. 9-й, С.П.Б. 1902, стр. 659.

Очень краткие сведения из биографии Зибера, дан далеко не полный список изданий, в которых Зибер сотрудничал. «Главной заслугой Зибера следует признать систематическую разработку вопроса о ценности, не имеющую себе почти ничего равного в русской литературе, затем популяризацию и истолкование Маркса, вопроса о первобытных формах земельного хозяйства и общины в особенности.

11. (....). К биографии Н. И. Зибера. «Научное Обозрение» 1903, I, стр. 298—300. Полное воспроизведение воспоминаний о Зибере проф. А. Романович-Словатинского, напечатанных в «Русск. Вед.».

12. Клейнборт, Л. М. Николай Иванович Зибер. По поводу 15-летия со дня смерти. «Мир Божий». 1904, I, стр. 15—20.

Краткая биография Зибера и следующая его характеристика: «Зибер — оригинальная фигура в истории нашей экономической мысли. Первый по времени русский марксист». Ясность мысли, сила доводов, европейская эрудиция — благодаря всему этому — Зибер не только защищал основные принципы классической экономии, но поистине приобщил русскую экономическую науку к европейской.

13. Языков, Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц. Вып. VIII и вып. XII, 1912 г.

Зиберу посвящены стр. 45—46 и 259. Краткие биографические сведения и неполный список трудов.

14. Воровский, В. Н. И. Зибер. «Одесское Обозрение», 1908, №№ от 24 и 25 апр.

15. Мих-в. Зибер, Н. Русский биографический словарь, издаваемый русским историческим Обществом. П. 1916, том на букву Ж—З, стр. 369—371.

В отношении биографии Зибера—ничего нового. Дан не плохой перечень трудов Зибера.

16. Овсянико-Куликовский, Д. Н. Воспоминания. П. 1923. Изд. «Время», стр. 188.

Мемуары Овсянико-Куликовского в литературе о Зибере занимают исключительно важное место. Это пожалуй самый интересный и многосторонний документ, от которого

к тому же веет большой любовью к Зиберу. «У Зибера я научился разбираться в вопросах социализма вообще, марксизма в частности. Зибер — превосходный экономист с умом обширным и глубоким. Зибер последовательный правоверный марксист и по праву должен быть признан родоначальником «русских учеников Маркса». Зибер писал сухим и тяжелым слогом и не умел или не хотел популяризировать. Устное изложение Зибера отличалось редкой ясностью, отчетливостью и даже художественностью. Зибер был человек глубокой и прекрасной души, великой искренности и правдивости. Зибер, на вид суровый и строгий, был наделен душою нежной и болезненно-чувствительной ко всему злу человеческого существования и к тяжелым ударам жизни.

17. Клейнборт, П. Николай Иванович Зибер. «Колос», П. 1923.

Клейнборт для своей работы широко использовал «Воспоминания» Овсянико-Куликовского, Михайловского, Романовича-Словатинского, по сравнению с которыми (с фактической стороны) его брошюра ничего нового не дает. Не свободна она и от некоторых ошибок; напр., Клейнборт считает, что последняя работа Зибера напечатана в 1884 г., в действительности же в 1886 г., после чего имя Зибера сходит со страниц журналов; Клейнборт датирует издание сочинений Зибера 1899 годом, в действительности же они вышли в 1900 г.; далее статья «Фиаско нац.-либерализма» была напечатана не в «Знании», а в «Слове». Неправильно, будто Михайловский убеждал Плеханова напечатать для «Отеч. Зап.» статью о Зибере. В журнале «Дела и Дни» (кн. II, стр. 87), на который в подтверждение своего сообщения ссылается Клейнборт, сказано, что Михайловский предлагал Плеханову написать статью о Родбертусе, что, как мы знаем, Плеханов и сделал в свое время. В целом работу Клейнборта нужно признать, как это уже отмечено в литературе, «не исследованием по неизданным материалам, а толковой сводкой данных, имеющихся в литературе».

18. Материалист, Л. Клейнборт. Н. Зибер. П, 1923. П. З. М., 1923, X, стр. 265—268.

Рецензия на брошюру Клейнборта, в которой автор следующим образом характеризует Зибера: «Зибер—примечательная фигура 70—80-х годов. Его трудами зачитывалась молодежь. В истории марксизма в России Зибер занимает исключительно важное положение. З. чрезвычайно интересный представитель раннего российского марксизма. Попутно автор делает несколько замечаний по поводу вводной статьи Слабченко к «Очеркам первобытной экономической культуры».

19. Слабченко, М. Е. Проф. Н. И. Зибер. См. Зибер «Очерки первобытной экономической культуры». Со вступительной статьей проф. М. Е. Слабченко (Одесса. 1923. ГИУ, XXVIII, 411), стр. V—XXVIII.

В начале автор кратко рисует ту общественно-экономическую обстановку, в какой «пришлось жить и работать одному из самых замечательных русско-украинских деятелей Н. Зиберу». В дальнейшем он дает краткую биографию Зибера, сообщая при этом кое-какие сведения о его общественной деятельности. Автор ошибочно датирует появление сочинений Рикардо в переводе Зибера 1882 г. Слабченко считает, что Зибер принимал учение Маркса полностью. Главное значение работ Зибера сводится к популяризации марксизма. Оценку Зибера, данную Орловским, автор считает неверной. «Когда Зибера называют популяризатором марксизма, то в это понятие вкладывается двоякое содержание: во-первых, отмечается его комментаторская работа над «Капиталом», выразившаяся в раз'яснении основных проблем политической экономии; во-вторых, в применении принципов марксизма к иным областям знания. Деятельность Зибера шла по обоим направлениям». В первом отношении, русская экономическая наука в лице Зибера имеет выдающегося экономиста, во втором, — одного из самых выдающихся ученых не только Восточной, но и Западной Европы.

20. Пажитнов, К. А. Развитие социалистических идей в России от Пестеля до «Группы Освобождения Труда». Изд. 2-е, доп. П. 1925, изд. «Былое», стр. 319. (Зиберу посвящены стр. 290—291).

21. Ткаченко Микола. М. І. Зибер у Киві. (1864—1876). Юбілейный збірник на пошану акад. Грушевського. У Киві, 1928, стр. 349—358.

Краткий очерк жизни, научной и общественной деятельности Зибера в период его пребывания в Киеве. По мнению автора, научная и общественная деятельность Зибера этих лет дает достаточное основание считать его основоположником украинского марксизма.

Зибер-экономист

Зибером-экономистом открылась новая страница в истории экономической мысли. Его роль в истории русской экономической мысли можно, не боясь преувеличения, сравнить с Чернышевским; его сочинения имели такое же значение для русской экономичеескной науки, как «Примечания» к Миллю. Собственно с этих примечаний и начинается в России научная история политической экономии. В этом

отношении Зибер является прямым преемником Чернышевского. Начиная с Зибера, давшего русской экономической литературе Рикардо и Маркса, идеи этих двух мыслей прочно овладевают русской экономической мыслью, питавшейся до них идеями Сэя, Бастиа и их последователей. Так что нельзя не посочувствовать Слонимскому, который в свое время жаловался, что первый том «Капитала», вышедшего в русском переводе почти одновременно с диссертацией Зибера, превратился вместе с сочинениями Рикардо в экономическое евангелие, подлежащее усвоению, но не критике. (Слонимский. Маркс в русской литературе. «Вестник Европы». 1897, VIII).

При оценке основной работы Зибера в области теоретической экономии «Рикардо и Маркс», поставившей его в ряду наиболее выдающихся русских экономистов, необходимо помнить, что она им была написана до появления II и III т. «Капитала», «Теорий прибавочной стоимости» и до опубликования переписки Рикардо. Все эти труды, которых не было в его распоряжении, очень много дали бы ему в понимании как Рикардо, так и Маркса.

При современном состоянии изучения Рикардо и Маркса не составляет большого труда отметить основной порок работы Зибера. Он состоит в том, что Зибер не видел принципиальных расхождений в постановке и решении проблемы стоимости у Рикардо и Маркса. О Зибере можно в данном случае сказать то, что писал Ш. Двойлацкий по адресу И. Розенберга, автора книги «Теория стоимости Рикардо и Маркса», что он склонен, с одной стороны, «марксизировать» Рикардо и, с другой стороны, «рикардизировать» Маркса.

В заключение не можем не отметить, что книга Зибера «Рикардо и Маркс», сыгравшая столь большую и плодотворную роль в истории марксистской мысли, до настоящего времени к сожалению не подверглась серьезному критическому анализу со стороны марксистов. Ниже мы даем перечень литературы о Зибере-экономисте, расположенный в алфавитном порядке.

1. Аксельрод, Л. Теория стоимости и диалектический материализм. (К 40-летию «Капитала» 1867—1907). «Современный Мир» 1908, I. Перепечатано в брошюре «Маркс, как философ» (Харьков, 1924. Изд. «Путь Просвещения») и в книге «Против идеализма» (М. 1922 и 2-е изд., М. 1924).

Автор считает, что анализ вопроса об отношении Маркса к классической экономии сделан обстоятельно и серьезно Зибером в его работе «Рикардо и Маркс».

2. Беленко, В. Рикардо и Маркс, как теоретики стоимости. Харьков, 1926. Изд. «Пролетарий», стр. 78.

Автор возражает против точки зрения Зибера, который в своей работе «Рикардо и Маркс» не усмотрел разницы между Марксом и Рикардо в построении теории стоимости.

3. Берлин, П. Рецензия. Джон Ст. Милль. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Перев. с последнего английского изд. Е. И. Остроградской. Киев. Харьков. 1899, стр. 866. «Жизнь». 1899 г., VIII, стр. 342.

«Представители классической политической экономии, как известно, уже очень близко подходили к теории трудовой ценности, настолько близко, что, напр., Зибер, впадая быть может в некоторое преувеличение, — утверждал, что в этой области Марксу лишь оставалось сказать «Б» после того, как классики сказали «А».

4. Бованенко, Д. До історії політичноі экономії на Украіні. Юбілейний збірник на пошану академика Д. И. Багалія. Київ 1927. І. А. Н., стр. 1080—1096.

Вся статья посвящена Зиберу. Отмечая большую ценность работы Зибера «Рикардо и Маркс», автор указывает, что Зибер обнаружил в этой работе огромную эрудицию, силу абстрактного анализа, способность к обобщениям и умению разбираться в сложных и запутанных проблемах, что он сыграл крупнейшую роль в истории экономической мысли Украины и России; в то же время автор не обходит молчанием и уязвимые с точки зрения революционного марксизма места в работе Зибера. Наиболее слабым пунктом в работе Зибера автор считает то, что Зибер, анализируя логическое развитие марксовой системы, не останавливается на его социальной теории, которая отличает Маркса от всех его предшественников. Анализ логического развития марксовой схемы часто закрывает для Зибера ее социологическое содержание. Помимо этого, З. склонен к физиологической трактовке абстрактного труда, что лишает его возможности провести четкую границу между марксовым учением о стоимости и прибавочной стоимостью и трактовкой этой проблемы у классиков.

5. Бованенко, Д. Микола Іванович Зібер (До сорокаліття смерти). Наукови Записки Київського Института Народнього Господарства. 1928, т. IX, стр. 1—19.

«Зибер не уяснил себе полностью социальной подосновы классической школы и марксовой теории и потому не понял разницы в подходе к решению ряда экономических проблем у классиков и у Маркса. Зибер не показал различия между экономическими системами классиков и Маркса и обошел Маркса, как основателя новой школы. Великой заслугой Зибера является то, что он первый в мировой лите-

ратуре показал, что Маркс использовал все достижения экономической науки от Петти и Франклина до Смитта и Рикардо. Самое слабое место Зибера в области методологии: часто заметно, что он не понимает связи метода М. с его экономической системой в целом. Есть места в произведениях Зибера, где он недооценивает революционного значения диалектики и даже упрекает М. в злоупотреблении диалектическими конструкциями.

6. В. В. Очерки теоретической экономии. С.П.Б. 1895.

Отметив противоречия в теории ценности Милля, автор пишет: «Противоречие явилось оттого, что Милль не ставит прямо вопроса о необходимости различать процесс установления ценности от процесса ее образования... при изложении безразлично употребляет выражения: «управляет», «определяет», «устанавливает» ценность и т. п. Такое же замечание применимо и к воззрениям русского экономиста Зибера. «В других местах, где Зибер говорит о случаях ценности, вполне подчиняющихся закону спроса и предложения, он употребляет форму выражения, способную укрепить уверенность, что он признает всеобщее влияние этого механизма... Тем страннее встретить у рассматриваемого автора мысль, совершенно противоположную указанному воззрению». Критикуя теорию Шторха, автор отмечает, что критику этой теории он заимствует у Зибера (стр. 53—54).

7. Клейнборт, Л. М.—Н. И. Зибер. П. 1923. Изд. «Колос» (Биографическая библиотека).

Зиберу-экономисту уделено в брошюре Клейнборта значительное место. В критической части автор широко использовал статью Сёмианова в «Научном Обозрении». Автор считает, что Зибер первый приобщил русскую экономическую науку к общеевропейским традициям. Зибер, как теоретик, правоверный последователь Маркса. Эрудицию Зибера и как теоретика, и как историка первобытной экономической культуры вряд ли превзошел кто-нибудь из марксистов последующей эпохи. Главная заслуга Зибера, по мнению автора, в разработке проблемы ценности, разработке, которая не имеет себе равной в русской литературе, а в то время, когда появилось первое издание «Теория ценности и капитала Рикардо и т. д.»—и в западно-европейской. За Зибером остается честь первого истолкователя в русской литературе учения Маркса и его значения в связи с теориями английской экономической школы.

8. Лященко, Н. И. История русского народного хозяйства. М. 1927. ГИЗ. Автор бегло отмечает Зибера, как одного из наиболее ранних представителей легального марксизма, впервые популяризовавшего Маркса. В отношении судеб

капитализма в России «Зибер отрицал возможность «самобытного некапиталистического пути нашего хозяйственного развития и считал, что нашему мужику предстоит вывариться в фабричном котле». 295 стр.

9. Маркс, К. Предисловие ко 2-му изд. 1-го т. «Капитала», в котором дает свою известную характеристику работе Зибера, мы приводим ее в отд. «Маркс и Зибер».

10. Мануилов, А. А. Политическая экономия. Курс лекций. 2-ое изд., значительно дополненное. М. 1918. Изд. Унив. им. Шанявского.

Нужно сказать, что в курсах политической экономии, в главах, посвященных истории экономической мысли, Зибер, как правило, не находит своего места. Даже такой экономист как покойный Туган-Барановский, прошедший в свое время марксистскую школу, в статье «Экономическая наука в России» (Энциклопедия Брокгауза) нашел возможным уделить Зиберу буквально две следующие строчки: «Зибер даровитый экономист 70—80 годов, предшественник направления в политической экономии последовательных марксистов». Правда, этой странной сдержанности буржуазных экономистов не приходится удивляться, если даже Мартынов в статье:

11. «Главнейшие моменты в истории русского марксизма» нашел возможным не упомянуть даже имени Зибера. У него история марксизма начинается группой «Освобождения труда». Мануилов уделил Зиберу немного места, но сказанное им заслуживает всяческого внимания. Он отмечает, что мысль о внутренней преемственности классической школы и учений социализма и коммунизма была развита Зибером и получила широкое признание в нашей экономической литературе. До него по этому пути исследования, пути соединения социализма и политической экономии, шел Чернышевский. Критическое направление Чернышевского подготовило у нас умы к восприятию идей Маркса, горячим сторонником и популяризатором которых был Зибер (45—46 стр.).

12. *Миклашевский, А. Н.* История политической экономии. Юрьев, 1909 г. Миклашевский считает, что Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учения Рикардо, Маркса и Родбертуса. «А. Н. Чупров говорил мне, — замечает автор, — что научился понимать Маркса только благодаря Зиберу».

13. *Наумов, Д.*—М. I. Зибер як марксист. «Пр. Марксист». 1929 г. № 5, стр. 75—100. Считая Зибера самым ярким и интересным представителем марксизма 70-х годов, автор отмечает, что, вопреки распространенному мнению, Зибер не первый выступил в русской печати с изложением взглядов

Маркса; еще до появления диссертации З. в № 3 за 1870 г. была напечатана статья В. В. «Что такое рабочий день» с подзаголовком («По Марксу»). По мнению автора, Зибер все категории и законы политической экономии рассматривал как исторические. Зибер один из первых в мировой литературе поставил вопрос о количественной измеримости полезности благ и разрешил его в полном соответствии с марксовым пониманием места и значение потребительской стоимости в меновом процессе. Понимая исторический характер общественных формаций, Зибер представлял себе смену одной формации другой исключительно эволюционным путем, в силу одних только имманентных законов общественного развития. Основные положения марксовой теории ценности и денег в пределах 1-го т. «Капитала» Зибер понимал правильно, но не достаточно ясно представлял себе значение марксовой диалектики в «Капитале». Зибер правильно связывал категорию абстрактного труда с развитием форм стоимости и знал, что, не поняв двоякого характера труда,
17 нельзя понять возникновения денег и их социальную сущность; он был решительным противником количественной теории денег. Автор отмечает, что Зибер переоценивал Рикардо и приписывал ему такие положения, какие были у него, в лучшем случае, в зародышевой форме. Зибер преуменьшает роль Маркса в выработке теории капитала и прибавочной стоимости, сводя эту роль только к более точным формулировкам; он не отмечает категорию органического строения капитала, впервые выведенную Марксом. Ошибочным является взгляд Зибера, согласно которому при чистом капитализме невозможно накопление капитала; он не ясно понимал причины экономических кризисов.

13-а. *Руэльф, А.* Проблемы методологии политической экономии у Н. И. Зибера. «На боевом посту». Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. Гиз. 1930 г., стр. 300—321.

«Зибер подобно Ланге противопоставляет метод изучения выводам, добытым этим учением». «Под диалектикой Зибер склонен понимать своеобразный способ изложения». «Черты различения между Марксом и Зибером очевидны: Маркс говорит о законе развития явлений, Зибер говорит о равновесии; для Маркса исходный пункт исследования — движение, для Зибера — равновесие. Зибер в своей трактовке о «законах» близок к механистическому материализму, который превращает равновесие, являющееся моментом движения, в исходный пункт действительности и теоретического ее анализа. «Зибер не понял об'ективной стороны товарного фетишизма, он говорил об иллюзорной форме мышления хозяйствующих суб'ектов — и только». С одной стороны, мы

видим, что Зибер характеризует товарный фитишизм, как своеобразную мистифицированную идеологию определенной общественной формации, с другой он склонен рассматривать категории политической экономии, как фикции, как нереальности. «Зибер правильно связывает теорию стоимости с теорией общества». Зибер правильно рассматривает абстрактный труд, как труд социально-уравненный. Но если у Маркса этот процесс социального уравнения конкретных видов труда носит об'ективный характер, Зибер склонен его трактовать, как процесс происхождений исключительно в сознании хозяйствующих суб'ектов. «В истории русского марксизма почетное место принадлежит Зиберу, как одному из пионеров теоретической разработки марксистской политической экономии».

14. *Розенберг, И.* Теория стоимости у Рикардо и у Маркса. М. 1924, «Моск. Раб». На стр. 65—66, 111 и 113 автор говорит о Зибере, о его оценке Рикардо, считая последнюю в некоторых случаях преувеличенной.

15. *Слонимский.* Карл Маркс в русской литературе. В. Е. 1897; VIII, стр. 765—779; IX, стр. 288—307; X, стр. 743—763.

В первой статье говорится о Зибере, о его книге «Рикардо и Маркс». «Первым представителем учения Маркса в русской литературе явился З., напечатавший в 1871 г. диссертацию о «теории ценности Рикардо» и т. д. Зибер добросовестно изложил новую в то время теорию, целые главы «Капитала» дословно приведены в его книге с присоединением громких похвал и обстоятельных комментариев». В заключение автор заявляет, что Зибер, по мере возможности, доказывает превосходство Маркса над всеми другими экономистами, принимает на веру каждое его слово и не допускает с своей стороны никакого подобия критики.

16. Ф и л и п п о в, М. Современные русские экономисты. Н. Зибер — популяризатор Маркса. Методология и критика теорий ценности. «Научное Обозрение» 1899, VIII, стр. 1540—1563.

Статью Филиппова нужно признать самым обстоятельным критическим разбором книги Зибера «Рикардо и Маркс». Автор признает за Зибером честь первого указания в русской литературе на огромное значение теории Маркса, он же является первым по времени популяризатором Маркса, не лишенным и некоторой доли самостоятельности. Зибер высказал несколько собственных методологических соображений и полемизировал с противниками трудовой теории. Филиппов отмечает некоторые отклонения Зибера от Маркса, считая при этом, что, за редким исключением, у Зибера нельзя

найти существенного искажения и непонимания руководящих идей 1-го т. «Капитала».

17. Чупров, А. И.—Н. И. Зибер. Некролог. См. его речи и статьи, т. I. М., 1909, стр. 514—547.

Чупров, который, по собственному признанию, научился понимать Маркса у Зибера, посвятил ему несколько прочувствованных страниц. Чупров считает сочинение Зибера («Теория ценности и капитала» Рикардо, 1871) «замечательным по учености и по обилию оригинальных мыслей, важно еще в том отношении, что оно в первый раз познакомило русскую читающую публику с теоретическим учением Маркса и выяснило тесную связь его доктрин со взглядами классических экономистов». Автор считает Зибера одним из лучших специалистов по политической экономии. По мнению Чупрова, Зибер представлял собою чистейший тип ученого с глубоким аналитическим умом, детски чистым сердцем, безукоризненной честностью не только поступков, но и сокровеннейших помышлений.

18. Цехановецкий, Г. Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и раз'яснениями. Диссертация на степень магистра политической экономии. У. И. К. 1871. XII, стр. 1—4.

Цехановецкий—один из учителей Зибера по Киевскому Университету; его заметка — первый по времени разбор труда Зибера.

(Окончание следует).

А. П. Платонов. Броненосец Потемкин. Изд. Истпарта Крымского Областного Комитета ВКП(б). Симферополь. 1930 г. Цена 16 коп.

А. П. Платонов, которого Крымский Истпарт рекомендует, как «бывшего моряка революционного Черноморского флота», известен как автор солидного (в 204 стр.) труда, изданного в 1925 г. «Прибоем» («Восстание Черноморского флота в 1905 г.»).

Не знаем, чья именно здесь вина, но новая книжка тов. Платонова выпущена в свет в весьма неряшливом виде. На первой же странице броненосец «Потемкин» именуется «крейсером». Матросская организация при Севастопольском Комитете РСДРП именуется почему-то «Флотской Центройкой». Член Судовой Комиссии «Потемкина» Денисенко назван «Никитенко». Расстрелянный по делу «Георгия Победоносца»» Дейнега фигурирует как «Денич») (стр. 21). Число матросов на броненосце «Потемкин» определяется то в 700 чел (11 стр), то в 1000 чел. (стр. 19). Про известных «штатских» руководителей восстания, про Кирилла и К. Фельдмана, делегированных на броненосец одесской с.-д. организацией, в книжке нет ни единого слова, зато Фельдман ни с того, ни с сего, и без всякой нужды, упоминается на ряду с Матюшенко и моментально исчезает.

Про известное восстание на «Пруте», который выступил почти одновременно с «Потемкиным», автор не удосужился сказать хотя бы несколько слов, зато на стр. 25, 26, 27 без всякой связи с предшествующим изложением и без всякого соблюдения пропорции т. Платонов излагает ход суда над прутовцами. При этом расстрелянные Черных и Адаменко названы Черновым и Адамченко.

В книжке немало никому ненужных преувеличений. Так, на стр 7 читателя уверяют, будто приказом по Черноморскому флоту за «хождение матросов по бульварам, по главной улице и по садовым аллеям грозила тюрьма». Далее т. Платонов сообщает (стр. 21), будто сейчас же вслед за поражением «Потемкина» в Севастополе было арестовано до 2000 революционеров. Точно также совершенно фантастична цифра приговоренных к казни по делу «Прута» т Платонов приводит в одном месте имена четверых расстрелянных матросов, на стр. же 25 он пишет про каких-то 14 человек, будто бы приговоренных к расстрелу по делу о восстании «Прута». Преувеличением и спутыванием исторической перспективы является также утверждение авторов предисловия о том, будто мечтой («пусть и далекой») потемкинцев было «строительство социализма» (стр. 6). Даже в массовой брошюре нечего швыряться такими изречениями.

Не останавливаясь на других неточностях, укажем, что, загромождая текст третьестепенными подробностями (стр. 21 и 28), т. Платонов дальше поверхностной истории с гнилым мясом и дальше трафаретных слов о царе, адмиралах и врагах трудящихся не пошел Совершенно не выявлены основные причины неудачи «Потемкинского» восстания. Не то, что не проанализирован, но даже не упомянут отказ потемкинцев высадить десант на берег и вооружить одесских рабочих. Точно также скомкано изложение мотивов бегства «Потемкина» в Румынию.

Не продуман и стиль и язык автора: он считает нужным об'яснять читателю значение таких слов, как эскадра, шлюпка, бомбардировка, и не об'ясняет таких выражений, как «40 кабельтовых» (стр. 19). Кстати, на этой же странице т. Платонов пишет, что встреча правительственных судов, вышедших усмирять мятежный броненосец, произошла 17 июня, а, согласно стр. 11, выходит, что сам «Потемкин» первоначально направился из Севастополя по направлению к острову Тендра 25 июня. Путаница эта, могущая сбить с толку несведущего читателя, об'ясняется просто тем, что на стр. 11 автор имеет в виду новый календарный стиль, а на стр. 19 он придерживается старого исчисления.

Наш вывод: данная брошюра написана в высшей степени поверхностно. От т. Платонова можно было ожидать более продуманной и более основательной работы. Не беремся судить о том, виноват ли здесь сам автор, или это «постаралось» провинциальное издательство, но, так или иначе, в ущербе оказался читатель.

И. И. Генкин.

А. В. Поджио. Записки декабриста. Изд-во «Молодая Гвардия». М. Л. 1930. Стр. 120. Тираж 7.100 экз. Цена 50 коп.

«Молодая Гвардия» издает интересную и нужную серию книг: «Революционное движение в России в мемуарах современников», под редакцией В. Невского и П. Анатольева. Тем досаднее, когда в ряду ценных изданий попадается книга, носящая на себе горькие следы небрежности и случайности.

Читатель настоящей книги осужден пережить момент острого недоумения. Редакция, отмечая бесспорную ценность «для изучения идеологии, а подчас и фактической стороны декабристского движения» таких мемуаров, как записки И. Д. Якушкина или И. И. Горбачевского, в один ряд с ними ставит и Записки А. В. Поджио. Такое сопоставление, конечно, несправедливо. Историческое значение этого яркого мемуарного отрывка крайне ограничено. Весьма любопытные замечания автора о деле декабристов, к сожалению, беглы и отрывочны. Но не в этом смысл «Записок». Ценно то, что Поджио, не в пример большинству мемуаристов, даже не пытается драпироваться в ризы исторического беспристрастия и прагматизма. Поэтому, из-за беглых, иной раз сбивчивых строк «Записок», мы видим лицо автора отчетливо и ясно, с его непримиримостью к самодержавию и революционным пафосом, ненарушимо сохраненным от времен юности. Во всяком случае, совершенно бесспорно, что в декабристской мемуарной литературе «Записки» Поджио стоят особняком. По существу это не столько мемуары, сколько идеологическая исповедь автора, одного из наиболее ярких представителей декабризма.

Если, таким образом, вопреки утверждению редакции, значение «Записок» Поджио для изучения фактической истории декабристов совершенно ничтожно, то ценность их для понимания идеологической стороны движения определится тем, в какой мере сам Поджио являлся характерной фигурой для декабризма. И для разрешения этого вопроса недостаточно ограничиться канцелярской отпиской, что «Поджио — тип среднего.. декабриста из Южного общества, со всеми характерными для этого типа воззрениями и стремлениями» (стр. 4). Декабристская историография, к сожалению, еще не выработала подобного стандартного типа, но если бы таковой и имелся, вряд ли удалось бы подвести под него автора «Записок». В беглой заметке не место останавливаться подробно на характеристических особенностях Поджио[1]). Отмечу

---

[1]) См. об этом подробно в моей статье в сборн. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ нач. XIX века» Том I Изд-во Политкаторжан, М. 1931.

только, для примера, один примечательный факт «Покаянное письмо» Поджио из крепости, по утверждению редакции, явившееся его «первым и последним колебанием», — было, действительно, последним, но отнюдь, не первым. В период своей подпольной деятельности Поджио часто переживал жестокие сомнения, — не в задачах заговорщиков, но в их силах и революционной действенности Об этом писал С. И Муравьев-Апостол в неопубликованном письме к брату, 14.IV 1825 г. Знакомство с Пестелем, летом того же года, сильно подействовало на Поджио. Но, тем не менее, еще раз, уже перед самым разгромом тайных обществ, Поджио пережил тяжелый кризис Он даже собирался уехать за границу и вышел в отставку, явно в ущерб интересам заговора, которому требовался его армейский мундир

Не менее важно определить место, занятое Поджио среди амнистированных декабристов. Но и тут едва ли можно, подобно редакции, ограничиться заверением, что каторга и ссылка «не сломили этого человека, не примирили его с самодержавием, как примирился с ним Матвей Муравьев» (почему именно он?) и что, таким образом, Поджио остался «все тот же буржуазный революционер 20-х годов истекшего века». Верность Поджио идеям буржуазной революции, конечно, вытекала не только и не столько из крепости его духа, противостоявшей сибирским бурям, сколько из принадлежности его к той группе декабристов, которая, в значительной степени, успела утратить классовые черты, являясь, по существу, прообразом разночинной интеллигенции. И потому, противопоставлять Поджио следует не совершенно произвольно выхваченному М. Муравьеву (он, кстати сказать, примирился с самодержавием едва ли еще не в 1825 г.), а той, в свое время, политически наиболе умеренной части декабристов (преимущественно «северяне»), которая в Сибири, в большей или меньшей мере, растратила свои революционные теории, и, по возвращении в Россию, органически и нечувствительно, оказалась в рядах либерального дворянства.

«Записки» снабжены, как полагается, обильными примечаниями. Эти последние можно подразделить на несколько категорий. В первую следует отнести персональные примечания, в сжатой форме повторяющие то, что о данном лице сообщено в тексте «Записок» Т.-е, если автор «Записок» вспоминает о том, как его привели в дом коменданта крепости Сукина (стр 13), автор примечаний об'ясняет. «Сукин — комендант Петропавловской крепости, где содержались арестованные декабристы» (прим. 11). Если автор говорит, что в число генералов, составлявших следственный комитет, входил г. Потапов (стр. 17), автор примечаний предупредительно рассказывает: «Потапов. — Один из генералов александровского времени» (прим. 35). Если автор «Записок», говоря об истязаниях солдат, вспоминает «Желтухина лейб-гренадерского» (стр. 23), автор примечаний спешит пояснить: «Желтухин. — Генерал, известный исключительно жестокой муштровкой солдат» (прим. 37). И т. д., и т. п.

Другая категория — примечания ошибочные. Поджио вспоминает о встрече на суде с декабристом Вадковским. Автор примечаний, почему-то находит нужным упоминать обоих братьев: «Вадковские Федор и Александр Федоровичи — Декабристы крупной роли в заговоре не играли (прим. 16). Между тем, автор «Записок», несомненно, имел в виду старшего брата, Федора, ибо Александр не был предан суду и потому не мог там встретиться с Поджио. Утверждать же, что Ф Вадковский не играл крупной роли в заговоре, значит - иметь об истории этого заговора крайне туманные представления. Ибо имя Вадковского связано с интересным проектом цареубийства, с одним из наиболее ярких моментов декабристской эпопеи, — историей органи-

зации ячейки Южного общества в Петербурге, и потом — с широкой пропагандой на юге.

Еще более не посчастливилось Соковниным. «Соковнины, Стенька Разин, Пугачев, — пишет Поджио, — сами они и дела их не подходят к нам» (стр. 68). К сему примечание: «Соковнин П. Ф. ум. в 1612 г. — Один из деятельных участников событий 1612 г.». (прим. 77). А ведь речь-то тут идет об его сыновьях, Алексее, окольничьем, казненном в 1697 г. за намерение убить Петра I, и Федоре, отправленном в ссылку.

Столь безапелляционный в одних случаях, автор примечаний неоправданно осторожен в других. Так, Поджио упоминает о Чугуевском бунте. В примечании к сему читаем: «Автор говорит здесь, повидимому, о знаменитом бунте чугуевских военных поселений» (прим. 65).

В следующую категорию должно отнести, если можно так выразиться, «недосказанные» примечания. Впрочем, всем вообще примечаниям присущ характер недоделанности, случайности. Но в отдельных случаях это особенно занятно. Поджио говорит, что Дибич, в Следственном комитете, всячески допытывался об участии в заговоре Раевского и Ермолова. Совершенно естественно, что читатель станет искать в примечаниях раз'яснений о связях названных лиц с заговорщиками. Следовало бы отметить, в пояснение, и то, что Раевский и Ермолов являлись одними из центральных фигур александровской фронды. Но читатель из соответствующих примечаний (30 и 31) только и узнает, что они оба были выдающимися генералами, из которых первый «стал широко известным после войны 1812 — 1814 гг.», а второй «большую известность приобрел военно-колонизаторской деятельностью на Кавказе». Но ведь «широко известных» генералов было много, — скажет читатель. — Почему же именно эти двое привлекли зловещее внимание Дибича?

Или еще примеры. Сообщая скупые сведения о самозванной Таракановой, автор примечаний почему-то умалчивает о существовании подлинной княжны Таракановой (прим. 4). Рассказывая, что Каховский на площади убил Милорадовича и ранил двух свитских офицеров, автор забывает, что Каховским был убит еще и Стюрлер.

Далее следует серия примечаний-курьезов. Вот и примеры. Буду краток. Прим. 45. «Остерман А. И., граф (1686—1747).—По происхождению из Германии.» Прим. 51: «Крюденер Ю. (1766 — 1825). — Дама аристократического происхождения.» Кажется, сии «комментарии» не нуждаются в комментариях!..

Можно бы еще многое сказать об этих замечательных примечаниях. Но я отмечу только совершенный хаос, которым они проникнуты. Уже из вышеуказанного должно заключить, что примечания составлялись в обстановке исключительной спешки, когда не было времени заглядывать в источники, и потому приходилось довольствоваться теми сведениями, которые случайно сохранились в памяти. Потому могло случиться, например, что когда Поджио, перечисляя палочников-командиров, именует Желтухина, Головина, Шварца, Сухозанета и Арнольди, трое из них удостоились примечаний, а Головин и Арнольди остались без таковых. Может быть, этому же обстоятельству обязаны примечания отсутствием единства в построении. Если обратимся к персональным примечаниям о декабристах, то увидим, что в одних случаях примечания дают обстоятельные сведения о данном лице как до, так и после 1825 г. В других случаях отмечается только принадлежность данного лица к тому или иному тайному обществу. Иногда же все сводится к констатированию, что он декабрист и что, стало быть, автор «Записок» не соврал и не был в заблуждении на сей счет.

Всего сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы убедиться в том, что примечания эти способны скорее запутать, нежели раз'яснить, и

решительно никому не могут принести пользы. Разве что другим комментаторам — служа образчиком того, как не надо составлять примечания. Но ведь подобных примеров и без того так много!

В заключение — несколько слов о последнем недоразумении с этим изданием. Отмечая небрежность первой публикации «Записок» в «Голосе Минувшего», редакция поясняет, что «настоящее издание «Записок» есть полное и точное воспроизведение подлинника, хранящегося в рукописном отделении Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» (стр. 7). Вся беда в том, что в рукописном отделении Ленинской библиотеки хранится не подлинник, а писарская копия, повидимому, та, с которой, в свое время, собирался печатать «Записки» Н. А. Белоголовый. Назначением ее для печати об'ясняются крупные цензурные купюры, сделанные, очевидно, по указаниям Белоголового. Едва только текст касается вопросов особенно острых, как в него врываются досадные многоточия. Приписывая эту копию перу самого Поджио, редакция совершает последний тяжелый грех перед памятью автора, ибо из этого утверждения следует, что Поджио выступил в роли собственного цензора.

Сергей Гессен.

В. Залежский. Анархисты в России. М. 1930 г. Изд. «Молодая Гвардия. 80 стр. Цена 50 коп.

Работа тов. Залежского касается той же проблемы, что и книжка Б. И Горева [1]), вышедшая в том же году в издательстве той же «Молодой Гвардии». Кое в чем т. Залежский повторяет т. Горева (что об'ясняется вероятно общностью темы и общей принципиальной позицией обоих авторов), во многом же он **дополняет** Горева. Последнее относится к главам о махаевщине, махновщине и анархо-синдикалистском уклоне в рядах ВКП(б). Очевидно, в этом дополнительном материале и лежит об'яснение того, что «Молодая Гвардия» почти одновременно выпустила две книжки, рассчитанные на одну и ту же читательскую аудиторию.

Первые три главы (общепрограммные положения анархизма, основные течения и тактика русского анархизма до революции 1917 г и глава об анархистах перед Октябрьской революцией) изложены т Залежским довольно поверхностно и на основании работ (и то не оригинальных, а тоже компилятивных) других авторов.

Если критику послебакунинского анархизма свести, с одной стороны, к **плехановской** (т.-е. типично соц.-дем., минималистской, парламентарной) позиции, а с другой стороны, к **ленинской**, то у т. Залежского преобладает первый, т.-е. плехановский, подход Это не значит, конечно, что между плехановской и ленинской критикой философии и социологии, программы и тактики анархизма нет ничего общего, как это и не значит, что т. Залежскому совершенно чужд ленинский подход к интересующему его вопросу. Так, т. Залежский совершенно прав, когда он вслед за Лениным подчеркивает (стр. 7), что анархизм, в частности анархо-синдикализм, является **реакцией со стороны** революционно-настроенных **рабочих масс** против крохоборчества, постепеновщины и увлечения парламентаризмом со стороны всех социалистических партий, группировавшихся до войны и сейчас группирующихся вокруг Второго Интернационала.

Взгляды Кропоткина т Залежский излагает своими словами в таком виде. «Революция быстро развивается и охватывает одну область за другой, сопротивления буржуазия не оказывает, никаких хозяйственных затруднений, никакой разрухи революция за собой не несет.

[1]) См. рецензию в № 12 «Кат. и Ссылка» за 1930 г.

Начнется революция с экспроприации предметов потребления, а не средств производства, как это думают социалисты. Первый шаг к разрушению буржуазного строя есть организация коммунизма **потребления** всех захваченных продуктов. Лишь **в дальнейшем**, когда иссякнет этот продовольственный фонд, сами собой начнут создаваться **производственные «коммуны»** (стр. 11).

Здесь, очевидно, требуются некоторые поправки в формулировке тов. Залежского. Дальше, платформу безначальцев он излагает в виде «призыва к физическому истреблению всех «классовых врагов» (кавычки т. Залежского) пролетариата, *к каковым безначальцы относили и* социалистические партии». Что касается сторонников **безмотивного** террора, то они, по тов. Залежскому, стояли за пропаганду действием, которая только тогда достигает своей цели («поднять восстание масс»), когда она направляется против всего буржуазного общества в целом. Надо просто бить первого попавшегося буржуа» (стр. 20 и 21).

Некоторые замечания автора звучат не совсем убедительно, например, возражение против экспроприации казенных или заводских денег на том основании, что забираемые анархистами у царских чиновников или частных хозяев деньги предназначались для выдачи рабочим жалованья (стр. 21). Точно также мало убедительны и противоречивы утверждения автора о том, что, с одной стороны, во время войны идеи анархистов должны были вызывать сочувствие среди сыновей лавочников, торговцев и кулаков, которые укрывались на заводах в качестве военнообязанных (стр. 29), а с другой, что в 1917 и 1918 гг. анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты имели опору как среди части революционно настроенных промышленных рабочих, так и среди балтийских и черноморских матросов, большинство которых состояло **из крестьян.**

Вслед за этим т. Залежский констатирует, что в 1917 г. в борьбе с буржуазией и с буржуазным государственным аппаратом работа анархистов являлась революционной и «фактически помогала большевикам в деле подготовки Октябрьской революции». Таких логических и фактических неувязок немало у т. Залежского. Укажем еще на неудачную манеру цитировать: напр., «См. журнал «Хлеб и Воля», в начале 900-х годов» (стр. 10), или, излагая книжку махаевца Лозинского, т. Залежский даже не дает ее названия и года издания (стр. 23).

Как мы отмечали выше, т. Залежский, больше чем это делает т. Горев, останавливается на истории российского анархизма после 1917 г. Он правильно прослеживает начало раскола между анархистами и большевиками, правильно указывает (стр. 32) на разлагающее влияние, которое имели **деклассированные** и даже полу-уголовные **элементы,** которых анархисты как бы на зло и в пику социалистам чересчур **охотно пускали в свои ряды.**

Чем дальше развивалась революция, чем больше она **от общих платформ переходила к конкретным мероприятиям,** чем больше проявлялись централистские начала пролетарской государственности, тем больше обострялись отношения между анархистами, сторонниками бесформенно-федеративного и добровольно-договорного начала, и большевиками, сторонниками железной диктатуры. Как это и показывает т. Залежский, стеснения и ограничения, какие неизбежно накладывал на всех военный коммунизм, введение твердой дисциплины на ж.-д. транспорте, превращение разрозненных и самодовлеющих красногвардейских отрядов в регулярные воинские части и т. п. мероприятия (стр. 33) вызвали протесты анархистов, которые не могли уложиться **в общую схему деятельности советской власти.**

Своими действиями анархисты не раз вызывали соответствующую реакцию со стороны нового правительства. Дело дошло до того, что

в ночь на 12 апреля 1918 г. были произведены массовые аресты анархистов, засевших в нескольких реквизированных ими аристократических особняках. Вскоре после этого анархисты уходят в подполье. Во имя непосредственного и немедленного осуществления «безвластного подлинного коммунизма» они, в лице «набатовцев», призывают единомышленников к борьбе с советской властью (стр. 37).

Опираясь на исследовательские работы М. Кубанина и А. Я Яковлева, т. Залежский довольно ярко излагает начало и конец махновщины, попутно вскрывая также промахи и ошибки украинских большевиков в области продразверстки (стр. 41 и 49).

Полагая, что вспыхнувшие на Украине в начале 1919 г. крестьянские восстания против немцев, Скоропадского и Петлюры «могут быть сразу же направлены по пути беспартийно-массового народного творчества, и сразу же могут быть превращены в революцию, долженствующую создать анархо-коммунистический строй» (стр. 37), набатовцы решают использовать, как военную силу, партизанские отряды, группировавшиеся на Украине вокруг б. политкаторжанина Нестора Махно. В качестве идейных руководителей махновского штаба пробираются в Гуляй-Поле Павел Аршинов, б. политкаторжанин и даже некогда большевик, вместе с ним видный агитатор Б. Волин-Эйхенбаум и много других старых анархистов из интеллигентов и рабочих. Делаются попытки создать нечто в роде политбюро, Пура и Реввоенсовет Махновской армии.

Тов. Залежский хорошо показывает шатания махновцев, их метания слева направо и наоборот. Прямое блокирование с Красной армией против Деникина и Врангеля сменяется у них косвенной помощью врагам советской власти. В борьбе с последней идеологи и практики махновщины использовали усталость широких крестьянских масс от бесконечной смены на Украине властей и режимов, вообще от тягостей, неизбежно связанных с гражданской войной. По-марксистски анализируя тогдашнюю ситуацию, т. Залежский хорошо вскрывает реальное, об'ективное содержание махновских лозунгов «безвластных» советов и показывает, почему пролетарские элементы, одно время примыкавшие к махновскому движению, не могли долго оставаться в нем (стр. 44). Любопытно также его указание на далеко не анархистские методы организации армии, методы, к которым неизбежно должны были на деле прибегать и «безвластники»-махновцы (стр. 47).

После неудачной попытки еще раз сговориться с советской властью на почве совместной борьбы с Врангелем, махновщина, дезорганизованная внутри и потерявшая доверие и авторитет во вне, окончательно разложилась. Часть анархистов ушла к большевикам, другие же в своих антибольшевистских настроениях докатились до того, что приняли участие во взрыве помещения Московского Губкома РКП на Леонтьевском переулке, в экспроприациях казенных (т.-е. советских) денег и т. д.

От внимания т. Залежского не уходит и стремление некоторых идейных анархистов (он называет здесь бр. Гординых, лидеров группы «анархистов-универсалистов») радикально пересмотреть свою программу в направлении сговора с большевиками (см. стр. 56, где в письме на имя Ленина Л. Гордин от имени «первого центрального социотехникума» дает самоубийственную характеристику русских анархистов).

Жаль, что тов. Залежский даже ни словом не упоминает декларацию группы старых анархистов (в том числе и бывших политкаторжан), перешедших в 1923 г. к большевикам[1]). Между тем, пересмотр

[1]) См. газ. «Правда» от 7 сентября 1923 г., а также статью «Среди преемников Бакунина» в «Красной Летописи» № 1 за 1927 г.

всех основ учения Бакунина и Кропоткина, пересмотр, совершонный российскими практиками анархизма после 5—6 лет активного участия в гражданской войне, представляет огромный интерес не только для истории российского, но и **всего европейско-американского анархического движения.**

За пересмотр своей программы и тактики взялись также и русские анархисты, успевшие перебраться за границу и разбившиеся на ряд групп. Одна из этих групп — сторонники П. Аршинова — договаривается до необычайных выводов, деля всех вообще анархистов на два по существу враждебных, чужеродных, принципиально непримиримых лагеря...

«С одной стороны, — пишут аршиновцы, — лагерь революционного, **рабочего,** коммунистического анархизма, лагерь, признающий необходимость организованной борьбы трудящихся, стоящий на позициях революционной классовой борьбы, борющийся за безгосударственное самоуправляющееся коммунистическое общество. Через организацию труда, на основе классовой борьбы, через социальную пролетарскую революцию, к рабочему анархическому коммунизму и свободной трудовой личности — вот знамя, под которым сражается первый лагерь.

«С другой стороны — лагерь **вегетарианского,** надклассового, индивидуалистически-дезорганизованного, анархиствующего **либерализма.** Лагерь, не признающий необходимости организации своих сил и сил борющегося труда. Лагерь **напуганных толстовцев,** сомневающихся или вовсе не признающих революционного метода борьбы. Лагерь, стоящий не на классовой базе труда, а на расплывчатой «общечеловеческой» жиже или на гнилых ходулях «свободной личности» В этом втором, весьма пестром и противоречивом лагере, находят себе место анархиствующие толстовцы и ницшеанские сверхчеловеки, весьма радикальные, но по существу буржуазные индивидуалисты, — типа мирных, **философствующих фразеров-декламаторов или буйных хулиганствующих сумасбродов.**

«И на ряду со всем этим сборищем встречаются в высшей степени нравственные, несомненно искренние, до конца преданные делу трудящихся, борцы, готовые жертвовать собою в великой борьбе трудящихся за свое освобождение, но, повидимому, не совсем сознающие свое истинное положение, свою роль, непоследовательность своих позиций. Они большею частью выходцы из интеллигентской мелкобуржуазной среды, подчас изрядно зараженные **разными либеральными идейками;** болеют общечеловеческими уклонами, ложно понятой гуманностью, страдают невероятной неспособностью к организации — коллективности, — болеют аристократизмом и т. п.

«Большинство этих товарищей, несомненно, по ошибке попали в этот лагерь, в это ложное положение, и имеют все данные для того, чтобы порвать с ним... Однако, из того, что эти не совсем погибли для движения, не следует, что мы должны, спасая их, спуститься в болото этого второго лагеря, перебрасывать туда какие-то мостики. Нисколько. Так мы никого не спасем, **скорее сами начнем тонуть.** Наоборот, здесь нужна другая линия. Надо открыть жесточайший огонь по этому чуждому, враждебному нам лагерю, который по существу, в большинстве своем, вовсе не является анархическим. Надо его до конца разоблачить Раз навсегда отмежеваться от него внутри себя и перед другими. Надо провести глубокую, непримиримую борозду между этими двумя лагерями, покончить с положением, когда есть анархисты и так называемые «анархисты» Надо отбить охоту у этих молодчиков, **разного рода чудаков и политических юродивцев,** выступать под знаменем анархизма, сделать это выступление **невозможным**

Лишь только на основе резкой размежевки с этим чуждым нам миром...» — и так далее в тому подобное.

Интересно знать, до чего доэволюционировали бы сторонники изложенных выше взглядов, если бы они позволяли себе роскошь быть последовательными. Не дошли ли бы они тогда до тех самых выводов, к которым пришли их прежние единомышленники, которых они так жестоко ругали за «измену анархизму» и за вхождение в ВКП(б).

Предпоследняя (по счету восьмая) глава книжки т. Залежского посвящена изложению и критике платформы **«рабочей оппозиции»**, нашедшей себе в рядах ВКП(б) выразителей в лице А. Шляпникова, Медведева и А. М. Коллонтай, и категорически осужденной 10-м с'ездом партии.

Считая возможным появление новых рецидивов анархо-синдикалистских настроений на почве трудностей переживаемого нами периода, т. Залежский призывает к бдительности партийные круги и вообще широкие слои классово-сознательных рабочих.

И. Генкин.

5547.

Ответственный редактор *И. А. Теодорович.*

В редактировании настоящего номера принимали участие:

М. А. Брагинский, Е. Н. Ковальская. Б. П. Козьмин, Ф. Я. Кон, М. М. Константинов, В. Н. Соколов, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужак-Насимович, Я. Б. Шумяцкий.

Издатель—Всесоюзное О-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

137. **Аптекман, О. В.** В. Г. Короленко. Черты из личных воспоминаний [о совместном пребывании в Якутской обл.] XXXVII 166—189.

138. **Артеменко, Н. М.** Ю. Ашенбреннер в военной школе его имени (Воспоминания). XXXII 206—211.

139. **Ахапкин, С.** Лев Гартман по материалам Саратовской охранки [Период «Земли и Воли»], его пребывание в 1878—79 гг. в Саратовской губ., сотрудничество в «Саратовском Справочном Листке» и эмиграция]. LXV 169—175.

140. **Ашенбреннер, Мих.** Военная революционная организация партии Народной Воли. [Воспоминания] Посвящается Вере Николаевне Фигнер. VII 54—90.

141. **Бантов, В.**, сообщ. Неопубликованные письма П. Ф. Якубовича [Письма из Кургана от 15 V и 6 XII 1898 г. и 17 II 1899, характеризующие томскую ссылку и печать того времени] XII 133—135.

142. **Бакалов, Г.** Русская революционная эмиграция среди болгар [По архивным материалам] LXIII 114—137(LXIV 105—120, LXV 112—148, LXVI 109—147.

I. До освобождения Болгарии (LXIII). — II. От освобождения до соединения двух Болгарий (LXIV). — III. Русская политэмиграция в политической борьбе в Болгарии (LXV). — IV. Высылка русских эмигрантов из Болгарии в 1891 году (LXV). — Краткие сведения о некоторых из проживающих в Болгарии русских эмигрантах (LXVI).

143. **Бакалов, Г.** О связи Н. К. Русселя-Судзиловского с болгарами [Поправка к № 374). LXXI 185—193.

144. Баум, Я. Д. Предсмертные письма Александра Квятковского, [к матери] XXXI 205—211.

145. **Баум, Я. Д.** Тюремные письма Александра Квятковского к родным [14 VI и 16 VII 1880 г.] LVII 273—278.

146. **Баум, Я. Д.** Три письма Степана Ширяева [из Петропавловской крепости от 18 VI 1880 к брату и 18 VI и 2 VII 1880 к жене]. LXIV 148—158.

147. **Беккер, И.** Демонстрация долгушинцев на Конной площади [6 мая 1875 г. при приведении в исполнение приговора над Печатниковым и Паниным]. (По архивным материалам) XXIII 67—77.

148. **Беккер, И.** Долгушинцы в Ново-Белгородской тюрьме. XXXIII 91—114.

149. **Белозеров, А.** В. Г. Короленко под надзором [В Нижнем-Новгороде — по архивным материалам]. XXXVII 200—204.

150. **Бельских, М.** Юношеские годы И. Н. Мышкина [Воспоминания о совместном пребывании в военном училище]. XII 121—123.

151. **Березин, М. Е., Бородин, Ю. О., Печоркин, Е. Ф., Гауэнштейн, Э. И. и Гауэнштейн, М. В.** Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875—1892 гг.) LXXI 111—136.

I. Народнические кружки [1875—1892 гг.]. — II. Подпольная типография [1886—1889 гг.], оставшаяся необнаруженной. — III. Заключение.

152. **Берман, Л.** К истории 1 марта 1881 г. (Из Киевского архива). XXXII, 94—98.

I. В поисках за Желябовым (Отношение начальника киевского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 4 марта 1881 г.). — II. Арест А. В. Якимовой (Из донесения киевского губернатора Гессе в департамент полиции от 26 апреля 1881 г.).

153. **Берман, Л. Л.** Заметка о казни В. Осинского и др. [Поправка к № 474]. LXIII 110.

154. **Бибергаль, А. Н.** Воспоминания о демонстрации на Казанской площади [6 XII 1876]. XXVIII 21—29.

155. **Б. К. [Б. П. Козьмин].** Письмо М. Ю. Ашенбреннера В. С. Панкратову [от 12 III 1916 из Смоленска]. XXXII 204—205.

156. **Бондырев, Н.** Воспоминания о Н. М. Астыреве. [Пребывание последнего в ссылке в с. Орлове, Воронежской губ., в 1880—1883 г. г.]. LXVII 159—167.

157. **Бонч-Осмоловский, Анат.** Варвара Ивановна Ваховская, по мужу Бонч-Осмоловская [Бакунисты в Цюрихе в начале 1870-х гг., процесс 193-х, типография «Черного

Передела», голод 1891 г., процесс «Блонского Крестьянского Союза партии с-р.»]. LXIII 169—172.

158. **Борзяков, Гр.** Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг. LVII 129—158.

I. Организация учащихся в 1882 г.—II. Под флагом партии [«Народной Воли»]. — III. Центральный кружок. — IV. Распорядительный Комитет [Центрального кружка]. — V. В совместной работе [с представителями одесской народовольческой организации]. — VI. На своих ногах. — VII. Наш конец.

159. **Бородина, Л.** Софья Александровна Сладкова. [Краткая биография; студенческий кружок самообразования и взаимопомощи в Петербурге, народовольческая пропаганда среди казаков Уральской гвардейской сотни и кружок уральцев-народовольцев, петербургская типография «Народной Воли» 1884 г.] LXV 176—180.

160. **Брагинский, М. А.** Александр Ильич Ульянов (из личных воспоминаний). [Научно-литературное общество студентов петербургского университета 1885—1886 г., добролюбовская демонстрация, личная характеристика]. XXXII 43—52.

161. **Брагинский, М.** Н. О. Коган-Бернштейн. [Характеристика]. XL 151—153.

162. **Брагинский, М.** Яков Ноткин (К сорокалетию его смерти). [Характеристика по личным воспоминаниям (якутская трагедия 1889 г.)]. LII 63—65.

163. **Брейтбург, С. М.** Эпизод из политической биографии Д. Н. Овсянико-Куликовского. [Его научная командировка за границу в 1877—1879 гг., связь с эмигрантами и отношение к нему III отделения]. XVII 128—131.

164. **Буланова, Ольга.** А. П. Буланов. [Краткие биографические сведения; кружок морских офицеров в Кронштадте, «Черный Передел»— пропаганда среди рабочих и участие в журнале, «Народная Воля» после 1 марта и пропаганда среди рабочих, ссылка в Минусинск, колера на Волге в 1892 г.]. XII 291—296

165. **Буланова—Трубникова, О.** Леонид Петрович Буланов. [Биография и характеристика по личным воспоминаниям и архивным материалам; хождение в народ, «Земля и Воля», процесс Веймара, Сабурова и др., поселение в Иркутской губ. (Верхоленск и село Тунка), партия социалистов-революционеров — саратовская организация]. LIV 158—169, LV 152—167.

166. **Бух, Н.** Первая типография «Народной Воли» [по личным воспоминаниям]. LVII 54—93. — I. Раскол партии [«Земля и Воля» в 1879 г.] — II. «Народная Воля» [Организация и работа петербургской типографии 1879—1880 г. г.] — III. Арест типографии.

167. **Бух, Н.** В Петропавловской крепости [во время предварительного следствия по делу 16-ти народовольцев (1880 г.) — личные воспоминания]. LXVIII 113—125, LXXII 98—114.

I. Первые дни неволи (XLVIII).— II. После взрыва [в зимнем дворце 5 II 1880] (LXXII).

168. **Бух, Н.** Подпольный революционер — великий ученый [Е. Е. Федоров — работник типографии газеты «Начало»]. LXXI 194—195.

169. **Бухбиндер, Н. А.** К процессу И. М. Ковальского [Письмо прокурора одесской судебной палаты министру юстиции о процессе]. XXXVIII 67—74.

170. **Бухбиндер, Н.** Минская типография «Черного Передела» [Показания М. Янчевского]. XXXV 92—99.

171. **Бухбиндер, Н.** Г. Д. Сапер [—участник еврейского рабочего социалистического союза в Лондоне 1876 г.]. XLVIII 152—155.

172. **Бухбиндер, Н. А.** Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) [Сотрудничество в «Новом Времени» и переписка с А. С. Сувориным 1888—1906 гг.]. XLIX 59—70.

173. **Бухбиндер, Н.** Студенческие волнения в Киеве в 1884 году (по неизданным архивным материалам)

[Архива министерства народного просвещения]. LXVI 91—103.

Приложения: Прокламации московских студентов.—Прокламация казанских студентов.

174. **Валк, С. Н.,** сообщ. Из архива В. Я. Богучарского. XXXI 95—100.

I. Лев Тихомиров и С. С. Синегуб [Об очерках Тихомирова «Пропагандисты» — письмо последнего Синегубу от 9 IX 1896 и стихотворение С. «К портрету Л. Тихомирова». (Ср. № 452)].—II. Смерть Д. И. Гамова [в Новобелгородской каторжной тюрьме — письмо психиатра П. И. Ковалевского].

175. **Валк, С.,** сообщ. Из архива В. Я. Богучарского. К биографии Людвига Варынского [Рукопись В. С. Панкратова «Из жизни Варынского в Шлиссельбургской крепости»]. XXXII 98—102.

176. **Валк, С.,** сообщ. Самоубийство К. А. Иванайнена. Из архива В. Я. Богучарского [Рукопись воспоминаний одного из его одесских сотоварищей по «Народной Воле» 1880—81 гг. «О Карле Ивановиче (Самоубийство)»]. XXXV 105—109.

177. **Валк, С.** Г. Г. Романенко (Из истории «Народной Воли») [«Народная Воля» и группа «Набата»; Исполнительный Комитет после 1 марта 1881 г.; еврейские погромы и «Нар. Воля»]. XLVIII 36—59.

178. **Валк, С.** Малоизвестная страница народовольческой «Рабочей газеты» [Приложение к № 2 «Раб. газеты»]. LIII 87—91.

179. **Валк, С.** Неизданный некролог Н. А. Желвакова [1882 г., извлеченный из бумаг В. Я. Богучарского и дневник Ж. за время 1—16 марта 1882 г.]. LXI 172—179.

180. **Викторова-Вальтер, С. А.** Из жизни революционной молодежи 2-й половины 1870-х годов [Воспоминания]. XI 64—78 (См. № 326).

181. **Виленский-Сибиряков, Вл.** Народовольцы [Историческая оценка]. XXIV 9—13.

182. **Виноградов, Ф.** Из жизни П. Ф. Якубовича в г. Кургане [в 1899 г.—по материалам архива тобольского губ. жанд. упр.]. LV 143—161.

183. **Виташевская, А. Н.** А. Виташевский (Беглые воспоминания). XI 257—262.

184. **Владыченко, П.** Памяти учителя и погибших друзей (Евгений Осипович Заславский, его кружок и Южно-Российский Союз Рабочих в Одессе). [Воспоминания члена Союза]. V 26—42.

185. **Владыченко, Петр.** Михаил Петрович Скверн (8 ноября 1856 г. —13 октября 1924 г.) [Некролог]. XIV 246—252.

186. **Гедеоновский, А. В.** Ярославский революционный народовольческий кружок 1881—1886 г. [Воспоминания участника кружка]. XXIV 95—109.

187. **Гедеоновский, А.** Тимофей Маркович Романченко [Народовольческая пропаганда среди рабочих на юге; сылка в Степной край; политический Красный Крест в Ростове в последние годы царизма]. XXXVII 207—211.

188. **Геккер, Н. Л.** Революционные кружки в Бердянске (1878—1879 гг.) [Воспоминания участника кружков]. XI 100—110.

189. К биографии С. М. Гинсбург. [Найденная в бумагах историка В. И. Семевского рукопись сестры Г., представляющая собою краткую биографию С. М. и дополняющие ее ответы на вопросы, поставленные автору названным историком]. XXIV 211—222.

190. **Головина-Юргенсон, Н. А.** Мои воспоминания (Из революционной деятельности 70—80-х годов). VI 23—38, VIII 101—108.

I. Происхождение и социальная среда (VI).—II. Формирование мировоззрения (VI).—III. Умственная и революционная жизнь Петербурга [начало 1870-х гг.] (VI).—IV. Работа на фабрике [«Товарищество тюлевой мануфактуры» и прядильная]. (VI).—«В народ». (VI).—Странствования по тюрьмам (VI).—Процесс 193-х (VIII).—Наконец на свободе [1878—1898 гг.] (VIII).

191. **Голосов, Г. [Б. И. Николаевский].** К биографии одного из основателей «Северо-Русского Рабочего Союза». И. А. Багин и его драма [Кружок рабочих патронные-

го завода в Петербурге 1870-х гг. и кружок «чайковцев»; предварительное следствие по процессу 193-х; «Земля и Воля» и «Северо-Русский Рабочий Союз»; ссылка в Иркутской губ.—Е. Н. Южакова и эмигранты в Цюрихе в начале 1870-х гг.; русские якобинцы; встреча и брак Б. с Ю., их семейная жизнь, убийство Ю. и самоубийство Б.]. XIII 48—70 (См. №№ 220, 260 и 339).

192. **Гольденберг, Л. Б.** Воспоминания. Со вступительной статьей Е. Ковальской (Солнцевой), «Мои встречи с Лазарем Гольденбергом». X 89—105, XI 44—56, XII 106—120. XIII 121—126.

Вступительная статья (X). — I. Детство. (X). — II. Студенческие годы. Волнения 1869 г. (X). — III. Ссылка [в Тамбов и Олонецкую губ.] и побег за границу (XI). — IV. Пребывание в Цюрихе (XII). — V. Пребывание в Женеве (XII). — VI. Пребывание в Лондоне (XII). — VII. Во Франции (XII). — VIII. Пребывание в Румынии и возвращение в Лондон (XII). — VIII. В Англии (XIII).

193. **Госткевич, Г. В.** «Записки пролетариатца». [Польское революционно-социалистическое движение конца 1870-х и начала 1880-х гг.; «Пролетариат» и варшавский процесс 29-ти; этап и каторга на Сахалине]. XXVII 122—150.

194. **Гуревич, Г. Е.** Короленко и Лейзер Цукерман [Поправка к 4-й ч. «Истории моего современника»]. XLVII 81—85.

195. Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич. 1848—1926 гг. [Некролог]. XXVIII 279—281.

196. **Дейч, Лев.** Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам [Раскол «Земли и Воли». — «Черный Передел», Группа «Освобождение труда» и «Народная Воля» в их взаимоотношениях (По личным воспоминаниям)]. VII 9—20.

197. **Дейч, Лев.** Смерть Арона Зунделевича. [Характеристика и роль в революционном движении, по личным воспоминаниям]. VIII 213—218.

198. **Дейч, Лев.** Валерьян Осинский (К 50-летию его казни) [Воспоминания о совместной революционной работе в 1877—1878 гг.]. LIV 7—43.

199. **Дейч, Л. Г.** О Д. А. Клеменце [Замечания по поводу брошюры Ш. М. Левина «Д. А. Клеменц»]. LX 148—155.

200. **Деникер, И. Е.** Воспоминания. С предисловием и примечаниями Ш. М. Левина [Студенческие кружки начала 1870-х гг. и период организации кружка «чайковцев»]. XI 20—43 (См. № 451).

201. **Дмитриева, В. И.** Тени прошлого. Отрывки из воспоминаний. IX 29—45, XI 111—123, XXIV 58—68.

I. Саратовцы. Петя Поливанов. (IX). — II. Первые годы в Петербурге [конец 1870-х гг.] (XII). — [1880 г.] (XXIV).

202. **Драго, Н. И.** Записки старого народника. Кружок чайковцев; «Хождение в народ»; «Земля и Воля», побег П. А. Кропоткина, убийство Мезенцева, покушение А. К. Соловьева на Александра II и роль в этих актах О. Э. Веймара]. VI 10—22.

203. **Дрезен, А.** Матросы в революционном движении 70-х годов [Участие матросов в южных революционных кружках 1878—1880 гг.]. XXXI 60—80.

204. **Дрей, М.** «Стрельниковский процесс» в Одессе в 1883 году (По личным воспоминаниям). IX 46—57.

205. **Дрей, М.** Заметка о рабочем движении в Одессе в 1880—1881 гг. [Народовольческая пропаганда среди рабочих]. XII 73—77.

206. **Дрей, М.** Мстители или мечтатели? [Опыт психологической характеристики революционера 1880-х гг.]. XXIV 152—156.

207. **Дубенская, Е.** Дмитрий Александрович Клеменц. [Его характеристика по личным воспоминаниям и неопубликованным письмам]. LXVI 170—176.

208. **Е. И.** Памяти П. М. Ананьева [— народовольца. Некролог]. V 237—240.

209. **Емельянов, Яков.** Воспоминания о брате А. С. Емельянове (Боголюбове). LXXII 179—180.

210. **Жебунев, Сергей Александрович** [Некролог]. XI 272.

211. **Желваков, И.** К биографии Н. А. Желвакова [Воспоминания его брата о детстве и студенческих годах]. LVII 241—244.

212. **Жуковский-Жук**, сообщ. Письмо Р. А. Стеблин-Каменского к В. Н. Вагнер-Дзвонкевич [Из Якутской обл. от 16/III 1886 о Каре]. XII 287—290.

213. **Жуковский-Жук.** Ушедшие. I Варвара Ив. Александрова-Натансон. — II. Антон Степанови. Борейшо [Некрологи]. XIV 264—266.

214. **Жук-Жуковский, И.** Елизавета Петровна Дурново-Эфрон [Биографический очерк]. LXI 145—163.

Легенда о «Лизе Дурново». — Семья Дурново и детские годы Е. П. — Годы учения и знакомство с революционерами. — Начало революционной деятельности. — В группе «Черный Передел». — Первый арест Е. П. и побег за границу. — Правительственная опека над имуществом Дурново. — Жизнь в эмиграции и возвращение в Россию. — Переход Е. П. к максималистам. — Второй арест Е. П. Дурново-Эфрон. — Следствие по делу «оппозиционной фракции» максималистов и побег Е. П. за границу. — Смерть Е. П. Дурново.

215. **Залкинд, Л. С.** Воспоминания народовольца [Кружок саморазвития в могилевской гимназии во второй половине 1870-х гг.; Киевская народовольческая организация и пропаганда среди рабочих в 1881—83 гг.]. XXIV 90—94.

216. **Залкинд, Л.** Николай Михеевич Забелло [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям. (Народовольческая пропаганда среди киевских рабочих; ссылка в Забайкальской обл.; голодовка в иркутской тюрьме в 1884 г.)]. XXIV 207—210.

217. **Залкинд, Л.** Евгений Самойлович Гуревич [Землеволец и народоволец. Некролог]. LIV 176—177.

218. **Зороастрова-Капгер.** К сороковой годовщине смерти С. Я. Гуревич. [Воспоминания о совместном пребывании в тюрьме при Московской Пречистенской части и в Якутске во время трагедии 1889 г.]. LII 65—66.

219. **Зотова Е.** Из воспоминаний сестры [о Н. Л. Зотове]. LVII 249—[illegible].

220. **Ивановская П. Е.** Н. Южакова и ее драма (По поводу статьи Г. Голосова «К биографии одного из основателей «Северно-Русского Рабочего союза». И. А. Багин и его драма) [к № 191]. XXII 232—235 (См. еще №№ 260 и 339).

221. **Ивановская, П. С.** Первые типографии Народной Воли [Воспоминания, 1879—1881 гг.]. XXIV 32—37.

222. **Ивановская, П. С.** М. И. Кутитонская [Характеристика по личным воспоминаниям]. XXXV 177—192.

223. **Ивановская П. С.**, сообщ. Н. В. Яцевич и его процесс (Из письма современника) XLII 148—152.

224. **Ивановская, П. С.** Павел Александрович Орлов [Характеристика по личным воспоминаниям]. XLIII 156—162.

225. **И. М. [И. Майнов].** Александр Львович Блек [Некролог]. XVI 222—224.

226. **Иванчин-Писарев, А. И.** Воспоминания о П. Н. Дурново [1881—1889 гг.]. LXVIII 40—59.

227. **Казанский, Б.** Новые данные о деле 1 Марта 1887 г. [Отрывки из дневника А. П. Араповой]. LXXI 137—146.

228. К характеристике Марии Калюжной]. Письмо неизвестного автора с характеристикой К.]. XIV 172—174.

229. **Кантор, Р. М.**, сообщ. Прокламация «Южно-Русского Рабочего Союза» об убийстве Александра II. V 53—56.

230. **Кантор, Р. М.** Провокатор Степан Белов. [Народовольческая пропаганда среди рабочих 1881—1882 гг.]. X 141—150.

231. **Кантор, Р. М.**, сообщ. С пути на Кару (Письмо А. А. Зубковского). [от 14/II 1882]. XI 231—237.

232. **Кантор, Р. М.**, сообщ. «Общество пособия политическим из-

гнанникам из России» 1877 г. XI 220—230 (Ср. № 234).

233. **Кантор, Р.**, сообщ. Два письма Гр. Гольденберга из Трубецкого бастиона [к родителям от 17/IV и 1/VII 1880]. XIII 139—147.

234. **Кантор, Р.** К истории «Общества пособия политическим изгнанникам из России». (Письмо в редакцию). XIII 273 (Дополнения к № 232).

235. **Кантор, Р. М.**, сообщ. Письма народовольцев из Трубецкого бастиона (Арончика, Ланганса, Морозова, Терентьевой и Тригони). XVI 158—179.

Предисловие. — I. Письмо А. Б. Арончика к родным [19/III 1882]. — II. Заявление А. Б. Арончика управляющему домом предварительного заключения [от 10/III 1882 о передаче ему с'естных припасов]. — III. Письмо М. Р. Ланганса к родным [16/III 1882]. — IV. Письмо Н. А. Морозова к О. С. Любатович [11/II 1882]. — V. Письмо Н. А. Морозова к сестре [14/III 1882]. — VI. Письмо Н. А. Морозова к родным [16/III 1882]. — VII. Письмо Н. А. Морозова к О. С. Любатович [20/III 1882]. — VIII. Письмо Л. Д. Терентьевой к А. Г. Квятковской [30/III 1882]. — IX. Письмо М. Н. Тригони к матери [14/III 1882] — X. Письмо М. Н. Тригони к брату [14/III 1882] — XI. Письмо М. Н. Тригони к сестре [14/III 1882].

236. **Кантор, Р. М.** Письмо Г. А. Лопатина Александру II. [от 15/V 1874 из Лондона об амнистии 9/I 1874]. XVII 124—128.

237. **Кантор, Р. М.** К истории военной организации «Народной Воли». (Показания Ф. И. Завалишина). XVIII 210—240.

238. **Кантор, Р.** К статье П. Лаврова «Социалистическое движение в России» [к № 297]. XXII 138—141.

239. **Кантор, Р.** Покушение на Н. В. Муравьева (Эпизод из истории «Народной Воли»). XXIII 133—139.

240. **Кантор, Р. М.** К истории революционного движения 1870—1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова) [Записка Т. «Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений» в 70 и 80-х гг., представленная им в департамент полиции в 1889 г.]. XXIV 110—122.

241. **Кантор Р. М.** Французская охранка о русских эмигрантах. (Неизданные материалы). [Отрывки из сводки материалов парижской полиции о русских эмигрантах, составленной на основании дел французской тайной политической полиции вице-директором департамета полиции Жуковым в 1882 г.]. XXXI 81—88.

242. **Кантор, Р. М.**, сообщ. Неопубликованные письма П. Л. Лаврова. Письма к А. М. Эпштейн [начала 1879 г. о журнале «Земля и Воля»]. народовольцам [13 XII 1885 — ответ на приветствия] и С. М. Гинсбург [30/18/III 1889]. XXXIX 37—49.

243. **Кантор, Р. М.** Письма С. М. Кравчинского. XLVIII 71—78.

I. К А. М. Эпштейн [сентябрь 1878 г.] II. К. Н Цакни. [Конец 1882 г.].

244. **Кантор, Р.** К истории демонстрации 6 декабря 1876 г. [Награждение агента III отделения Л. И. Абрамова (Варшавчика) за содействие аресту Потапова]. XLIX 73—75.

245. **Кантор Р. М.** Динамит «Народной Воли». [Официальная экспертиза динамита, употребленного при покушениях на Александра II под Александровском, Одессой и Москвой]. LVII 118—128.

246. **Кантор, Р.** О процессе Н. И. Кибальчича 1875—1878 гг. (Неизданные материалы). [Доклады III Отделения Александру II]. LVII 237—240.

247. **Кантор, Р.** Смерть народовольца А. Д. Михайлова [в Алексеевском равелине]. Б I 24—26.

248. **Капгер, А.** По поводу статьи П. Анатольева [См. № 131. Ответ Анат. на эту ст. см. № 132]. LXV 103—105.

249. **Карелин, П.**, сообщ. Письмо А. Л. Боровиковского к Ф. М. Достоевскому [О процессе 50-ти]. XXXIII 85—87.

250. **Карпов, Евт.** Страничка из воспоминаний. Александр Констан-

тинович Соловьев [1876—1879 гг.]. XIII 31—47.

251. Софья Перовская в Ставрополе 1872 г. (Воспоминания М. С. Карповой, урожд. Ивановой, записанные Евтихием Карповым). XV 231—234.

252. **Кленова, Р.** Памяти Ивана Тимофеевича Смирнова, [участника первых рабочих кружков 1870-х гг. в Петербурге]. (Страничка воспоминаний). LXVIII 168—173.

253. **Книжник-Ветров, Ив.,** участник Парижской Коммуны 1871 г. В. А. Потапенко. (По архивным материалам). LIV 152—157.

254. **Книжник-Ветров, Ив.** Детство и юность Елизаветы Дмитриевой (К истории связей русских социалистов с Марксом). LXXII 58—85.

255. **Ковалик, С.** К биографии П. И. Войнаральского. [Революционная деятельность и характеристика по личным воспоминаниям]. XI 245—251.

256. **Ковалик, С.** Сергей Александрович Жебунев. [Очерк революционной деятельности]. XII 243—245.

257. **Ковальская, Е.** Страничка из жизни Г. В. Плеханова. [Воспоминания 1876—77 гг.]. XIII 25—30.

258. **Ковальская, Е.** Злоключения моих статей о Южно-Русском Рабочем Союзе. XV 271—273.

259. **Ковальская, Е.** Из моих воспоминаний. [О кружке женщин-курсисток в Петербурге в начале 1870-х гг.]. (К статье А. И. Корниловой). [См. № 275]. XXII 31—34.

260. **Ковальская, Е.** О Южаковой и Багине [к №№ 191, 220 и 339]. XXII 236—238.

261. **Ковальская, Е.** О происхождении «Южно-Русских рабочих Союзов». (По поводу воспоминаний В. Сухомлина). [См. № 405]. XXV 46—48.

262. **Ковальская, Е. Н.** Будильник совести. [Некролог народовольца М. Н. Васильева]. XLVII 151.

263. **Ковальская, Е.** Первая типография «Черного Передела». [Воспоминания]. L 61—63.

264. **Козьмин, Б.** Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова. [Его статья «Об чем спор», напечатанная в № 52 газ. «Неделя» за 1878 г.]. VII 40—53.

265. **Козьмин, Б. П.** Н. Ткачев и народничество. XXII, 109—122.

266. **Козьмин, Б.,** сообщ. Лорис-Меликов о покушении Млодецкого [Отрывок из записей бесед М. И. Семевского с М. Т. Лорис-Меликовым]. XXXV 109—110.

267. **Козьмин, Б.** Молодые годы Порфирия Ивановича Войнаральского. [Ссылка 1862—1873 гг.]. XXXVIII 128—154.

268. **Козьмин, Б.** Неизданная записка Н. В. Шелгунова [1883 г. о жур. «Дело» — разбор замечаний Л. Тихомирова о журнале, сделанных им в письме к К. М. Станюковичу]. LVII 159—168.

269. **Колпенский, В.** Памяти Н. Е. Петропавловского (Каронина). [Очерк революционной деятельности]. VI 279—286.

270. **Кон, Ф.** «Хождение в народ», [Влияние движения на последующие поколения революционеров]. XI 16—19.

271. **Кон, Ф.** Союз «Пролетариата» с «Народной Волей». [По личным воспоминаниям]. XXIV 69—74.

272. **Кон, Феликс.** Н. В. Чайковский. [Характеристика]. XXVI 211—213.

273. **Копылова-Орочко, А. Д.** Воспоминания об Ольге Николаевне Фигнер-Флоровской [Народовольческие кружки 1881—1886 гг.; журнал «Самоуправление»]. LXII 171—176.

274. **Корба-Прибылева, А. П.** Исполнительный Комитет 1879—1881 гг. XXIV 27—31.

275. **Корнилова-Мороз, А.** Перовская и основание кружка чайковцев. [Воспоминания]. XXII 7—30 (См. № 259).

276. **Корнилова, Е.,** сообщ. Михаил Александрович Бакунин в письмах его родных и друзей (1857—1875 гг.). Из писем семейного архива Бакуниных. LXIII 54—79.

277. **Корольчук, Э.** Из истории пропаганды среди рабочих Петер-

бурга в середине 70-х годов. XXXVIII 7—26.

Приложения: 1. Программа социально-революционной пропаганды.—2—3. Из показаний В. М. Дьякова от 28 и 29 IV 1875.—4—6. Показания В. Герасимова от 11, 22 и 30 IV 1875.

278. **Кофф, Г. М.** К делу о первом вооруженном сопротивлении в Одессе в 1878 г. (Материалы к делу И. М. Ковальского). [Из архивов одесских жандармского управления и градоначальства]. XLV 100—109.

279. **Кофф, Г. М.**, сообщ. о Льве Мирском [Письмо его к отцу, характеризующее его поведение и настроение после ареста в 1879 г.]. LV 96—98.

280. **Красин, Борис.** Вера Алексеевна Попова. [Некролог народовольки]. XXXV 230—231.

281. **Крафт.** Из воспоминаний об И. М. Ковальском [в Одессе 1876—1878 гг.]. XXXVIII 75—79.

282. **Кроль, М. А.** Воспоминания о Л. Я Штернберге. [Гимназические годы в Житомире (вторая половина 1870-х гг.); студенческие беспорядки в петербургском университете 1880—1881 гг.; «Народная Воля» 1883—1886 гг.]. LVII 214—236.

283. **Кротов, Модест**, сообщ. Воспоминания Д. А. Александрова [о кружке Дьякова и Сирякова]. XXV 129—131.

284. **Кубалов, Б.** Ветеран Народной Воли (М. П. Овчинников). [Очерк революционной деятельности от кружка бакунистов начала 1870-х гг. до «Молодой Народной Воли» на основании неизданных воспоминаний О.]. XII 78—105. (См. № 406).

285. **Кузнецов, Л.** К истории «Народной Воли» (Записка А. Н. Баха 1886 г.). LXVII 51—60.

286. **Кузьмин, Дм.**, Казанская демонстрация 1876 г. и Г. В. Плеханов. XLII 7—40. (См. № 351).

1. Новые данные о демонстрации 6 декабря 1876 г. [Рукопись «По поводу собрания Русской Народной партии 6 декабря 1876 г.»].— 2. Несколько критических замечаний [по поводу названной рукописи].—3. Бунтарство 70-х годов.— 4. Н. Н. Хазов, как автор рукописи о Казанской демонстрации. — 5. Г. В. Плеханов вместо Н. Н. Хазова.—6. К истории Казанской демонстрации.

287. **Кулаков, А. А.** Автобиография [народовольца.—Организации Лопатина и Оржиха; народовольческие типографии 1885—1886 гг.]. LXIV 164—180.

288. **Кулаков, А. А.** О трех предателях (Елько, Остроумов, Гейер). [Отрывки показаний и судьба их (по архивным материалам)]. LXVII 79—88.

289. **Кулябко-Корецкий, Н.** Подполковник Судейкин и генерал Стрельников. [Вторая глава поэмы «Побег», изданной в Женеве в 1894 г.]. VI 64—68.

290. **Кункль, А.** Долгушкины в период предварительного следствия (По неизданным архивным материалам). XXXIII 67—76.

291. **Кункль, А. А.** Вокруг дела Веры Засулич [Архивные материалы]. XXXVIII 57—66.

I. О беспорядках, произведенных толпою молодежи, сопровождавшей Засулич после ее оправдания на суде.

II. Письма [анонимные] на имя министра юстиции Палена, градоначальника Трепова и шефа жандармов Мезенцова.

III. Письмо [анонимное] на имя Александра II.

IV. Записка неизвестного, адресованная в III отделение.

V. Письмо на имя и. д. петербургского градоначальника Козлова.

VI. Записка об инциденте в сенате.

292. **Кункль, А. А.** Василий Дмитриевич Кленов [Биографический очерк участника процесса И. М. Ковальского]. XLV 214—217.

293. **Кункль, А.**, сообщ. Письмо Д. М. Рогачева к Н. А. Саблину [найденное при аресте П. А. Кропоткина в 1874 г.]. XLVII 80—84.

294. **Кункль, А. В. А.** Тихоцкий [член кружка долгушинцев. Биографический очерк]. LIX 182—186.

295. **Library, А. А.** Из переписки И. Н. Мышкина с товарищами по заключению [в Петропавловской крепости в 1878 г.]. LXVI 71—90.

296. **Кушева, Е. Н.** Гобст или Гобет? [К вопросу о точной транскрипции фамилии Гобета]. LXIV 159—163.

297. **[Лавров, П. Л.].** Социалистическое движение в России в 1870-х годах. [Перевод его статьи из «Lahrbuch für Socialwissenslhaft und Socialpolitik» за 1879 г.]. XIV 43—84 (См. № 238).

298. **Л. Б. [Л. Белая].** Памяти Я. М. Белого [Краткая биография]. V 240—241.

299. **Лебедева-Шебалина, М.** Мои встречи с В. И. Ваховской. [Черты для характеристики В.]. LXIII 172—173.

300. **Левандовский, А.** Ушедшие [Некрологи]. XVII 254—257.

Василий Христофорович Кравцев [участник процесса Д. Лизогуба и др.]. — Александр Григорьевич Лурий [член южной группы народников-бунтарей, участник процесса Д. Лизогуба и др.]. — Василий Семенович Панкратов [народоволец]. — Ян Фаддеевич Зубржицкий [народник-пропагандист, рабочий, участник процесса Бильчанского и др.].

301. **Левенталь, Н.** Семен Лурье [член киевского кружка чайковцев. — Краткая биография и характеристика]. XXXVIII 123—127.

302. **Левин, Соломон.** Легенда о Мышкине [Годы учения М. и обстоятельства аудиенции у Александра II]. XLVIII 145—151.

303. **Левин, Ш. М.** Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х годов [По архивным материалам]. VXI 7—27.

304. **Левицкий, В.** «Народная Воля» и рабочий класс. LXIV 48—66.

305. **Лейвин, Дм.** Памяти Ростислава Андреевича Стеблин-Каменского [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. XII 282—286.

306. **Лейвин, Д. Д.** Памяти Р. В. Тессен [Некролог участницы народнических кружков 1870-х гг.]. XXII 247—248.

307. **Лелевич, Г.** «Лучший тюремный поэт» 70-х гг. [Характеристика художественного творчества чайковца С. С. Синегуба]. LXIX 131—138.

308. **Лившиц, С. Н.** В. Чайковский (По поводу его смерти) [Биография]. XXVI 223—232.

309. **Лион, С. Е.** От пропаганды к террору (Из одесских воспоминаний семидесятника). XII 9—24, XIII 9—24 (Поправка редакции см. XIV 292; см. еще № 442)

1. Арест [во время демонстрации в день об'явления приговора по делу И. Ковальского]. (XII). — 2. Одесский кружок [бунтарей 1877—1878 гг.] (XII). — 3. Революционные кружки [на юге 1877—1879 гг.] (XIII). — 4. Софья Григорьевна Рубинштейн (XIII). — 5. Одесская тюрьма (XIII).

310. **Лион, С. Е.** Первая вооруженная демонстрация (По личным воспоминаниям и архивным материалам). XLV 64—80.

311. **Л. С. [Л. Сталь].** Диомид Александрович Александров [Некролог участника первых рабочих кружков 1870-х гг.]. XXIII 248

312. **Л. С. [Л. Сталь].** Виталий Николаевич Кудряшев (1860—1927) [Некролог рабочего-народовольца, потом соц.-дем.]. XXXVI 205—207.

313. **Л. С. [Л. Сталь].** В. А. Броневский (1858—1928) [Некролог участника народовольческого движения 1879—80 гг.]. XL 158—162.

314. **Л. С. [Л. Сталь].** Памяти ушедших. III. Гилярий Викентьевич Госткевич (1861—1928 г.) [Некролог пролетариатца]. LII 172—174.

315. **Иосиф Дементьевич Лукашевич** [Некролог участника «Второго 1 марта»]. XLIX 176.

316. **М. [Я. Д. Баум],** сообщ. К биографии Д. А. Лизогуба (Записки В. В. Дриго) [о его связях с Л.; написаны в тюрьме в ноябре 1880 г. после процесса 16-ти народовольцев]. LIII 95—103.

317. **М. [Я. Д. Баум],** сообщ. Из материалов о Мышкине [Заявление М. в кассационный департамент сената от 7 I 1877 о разрешении

пользоваться книгами и отзыв прокуратуры]. LXIII 111—113.

318. **Майнов, И.** Софья Наумовна Доллер [Характеристика народоволки, участницы киевского процесса М. Р. Попова и др.]. XII 307—309.

319. **Макаревский, Ал.** Митрофан Эдуардович Новицкий [Биография народовольца и характеристика его по личным воспоминаниям]. VIII 228—232.

320. **Макаревский, Ал.** Рабочий-народоволец П. Л. Антонов (Воспоминания). XII 272—281.

321. **Малаховский, Вл.** Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм? LXIV 45—62.

322. **Малянтович, П. Н.** На горных высотах (Речь, посвященная памяти В. Г. Короленко, произнесенная на общем собрании членов Московского Политич. Красного Креста 12-го февраля 1922 г.). Б. II 10—11.

323. **Мартыновская, Ц.** И. М. Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе (По черновым наброскам С. И. Мартыновского). XLV 81—99.

324. **Меер, О. С.** Два слова о Л. С. Залкинде [Участие З. в еврейских общественных организациях]. LX 176—177.

325. **Михайлов, Адриан.** К портрету С. Н. Богомолец (Письмо в редакцию) [Воспоминания о совместных скитаниях по этапам и тюрьмам 1881—1892 гг.]. VII 123—126.

326. **Мицкевич, С.** Московские революционные кружки 2-й половины 1870-х годов (Вместо предисловия к ст. С. А. Викторовой-Вальтер) [См. № 180]. XI 57—63.

Приложение: Список арестованных по делу общества пропагандистов.

327. **Мицкевич, С.** К вопросу о корнях большевизма (Ответ тов. Н. Н. Батурину) [На статью последнего в № 7 «Пролетарской Революции» за 1924 г. о русских якобинцах]. XVI 92—101.

328. **Морейнис, М. А.** Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми [Воспоминания]. LVI 47—67.

329. **Морейнис-Муратова, Ф.** Софья Андреевна Иванова-Борейшо [Некролог]. XXXV 228—229.

330. **М. С.** М. Ю. Ашенбреннер и Октябрьская революция. XXXII 206.

331. **Надеев, Н.** Смерть Л. Цукермана [Воспоминания о ссылке в Якутск. обл.]. XXVII 229—232.

332. **Нестеров, Р.** Дмитрий Яковлевич Суровцев [Краткая биография]. XVII 240—242.

333. **Нечаева, В. С.** В. Г. Короленко в Вышневолоцкой тюрьме [в 1880 г. на основании архивных материалов]. XXXVII 189—200.

334. **Никифоров, В.** Памяти великого друга якутов [народовольца] А. А. Сиповича [Воспоминания о его пребывании в Якутской обл.]. XIV 253—258.

335. **Никифорова-Мацнева, О.** П. Г. Заичневский на Казанской демонстрации 1876 года [по личным воспоминаниям]. XXXIV 82—83.

336. **Никифорова-Мацнева, О. А.** Михаил Владимирович Девель [Некролог]. XXXV 235—236.

337. **Николаевский, Б.** Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар, Михаил Турский) [Эмиграция 1870-х гг., Нечаев, «Набат», «Общество вспомогательного фонда для политических преступников», «Общество народного освобождения», газета «Свобода»]. XXIII 211—227.

338. **Николаевский, Б.,** сообщ. Из документов по делу К. Г. Неустроева [Отношение Александра III к его казни—переписка ген.-губ. Анучина с гр. Толстым»]. XXIV 164—166.

339. **Николаевский, Бор.** (Гр. Голосов). Еще о Бачине и Южаковой [Группа «Набат», русские якобинцы, подкоп под херсонское казначейство]. XXVIII 309—312 (См. №№ 191, 220 и 260).

340. **Н-ин, Г. [Г. Новополин].** Из жизни рабочих народовольческих кружков (Памяти Андрея Карпенко) [Владикавказские железнодорожные мастерские в Ростове-на-Дону и паровозно-вагонные мастерские Екатерининской жел. дор.

в Екатеринославе; по архивным материалам]. LVII 203—213.

341. **Новополин, Г.** Письмо С. С. Синегуба к В. А. Стаховскому [от 3/XI 1887 г.]. XXXVIII 81—82.

342. **Новополин, Г.** Памяти В. А. Стаховского [Некролог]. XXXVIII 155—157.

343. **Н. П.** Памяти Иосифа Дементьева Лукашевича [Краткая биография]. LIV 170—175.

344. **Н. С. [Н. Сидоров]**, сообщ. Из дела о побеге С. Л. Перовской в 1878 г. [Архивные материалы]. XXVIII 158—160.

345. **Н-ский, Б. [Б. И. Николаевский].** Где был напечатан № 1 журнала «Зерно» (1880 г.)? LXV 111.

346. **Окольский, В.** Филипп Яковлевич Давиденко [Некролог]. XLII 162—163.

347. **Оксман, Юл.** Всеволод Гаршин в дни «диктатуры сердца». [Ходатайство о помиловании И. Млодецкого]. XV 126—138.

348. **Орлов, М.** Александр Самойлович Гуревич на поселении в Забайкалье [По личным воспоминаниям]. LIII 163—175.

Приложение: Письмо А. С. Гуревича [из Якутского тюремного замка от 2/XI 1889 г. об этапе].

349. **Орлов, М. П.** Воспоминания о Н. Л. Зотове (в сургутской ссылке]. LVII 255—266.

350. **Осипович, Н.** Документы о «невинном» человеке [официальные материалы о провокаторе Николае Гоштофте]. V 85—90.

351. **П. Д.** Первое произведение Г. В. Плеханова [К № 286]. XLIX 38—48.

352. **Пекарский, Э.** Отрывки из воспоминаний XI 79—99.

Предисловие. — I. Федор Михайлович Снегирев.—II. Михаил Владимирович Девель. — III. Лев Николаевич Гартман. — IV. Арест и предварительное заключение. — V. В. А. Данилов.

353. **Пекарский, Э.** Отрывок из воспоминаний Л. Г. Левенталя [Революционная деятельность 1878 г.]. XVI 102—105.

354. **Пешекеров, П.** Рабочий-народоволец Г. Г. Рудометов [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям]. LX 164—171.

355. 1881 г. — 1/13 марта — 1926 [От редакции — краткая оценка казни Александра II]. XXIII 9.

356. **Перовский, В. Л.** Мои воспоминания [кружок чайковцев, процесс 193-х]. XV 79—98, XVI 7—23, XVII 63—79.

357. **Писная, В. Н.**, сообщ. К биографии Желябова. (Материалы дознания по делу 193-х). XI 126—128.

358. Письмо М. А. Бакунина к интернационалистам Романьи [от 23 I 1872 г.]. С предисловием и примечаниями Вяч. Полонского XXVI 106—133.

359. Письмо А. Н Куропаткина к М. Ю. Ашенбреннеру. [От 2 XII 1923]. XXXII 202—204.

360. **Плеханов, Г.** Революционное движение 70-х годов. Конспект [Очерки движения того десятилетия]. VII 37—39.

361. **Подбельский, Ю.** Папий Подбельский. (К сорокалетию его смерти). [Биография по неизданным воспоминаниям современников и архивным материалам]. LII 41—62.

I. Происхождение П. П. П. Детские годы. В Троицкой гимназии. Кружок П. А. Голубева. — II. В Петербурге. В рядах «Народной Воли». Сабуровская история. На нелегальном положении. Арест. — III Приговор. По этапу. Жизнь улусная. Женитьба. Обучение якутов.—IV. Литературные и научные занятия. Переезд в Якутск. Продление срока. Снова в улусе. Оживление в Якутской колонии. Адрес французскому народу. — V. «Монастырская история. Смерть. Судьба литературного наследства.

362. **Полосин, Ив.** Мужицкий отклик на I марта. [Разговоры и слухи о событии среди тверского крестьянства по архивным материалам]. XXIV 175 — 182.

363. **Поляков, М.** Образы минувшего. I. Надежда Константиновна Малаксиано-Сигида. — II. Павел Арсеньевич Грабовский. — III. В. А. Данилов. [Характеристики по личным воспоминаниям]. XII 297—306.

364. **Поляков, Мих.** Клочки воспоминаний о [народовольце). В. Ф. Горине-Галкине. XXII 224—246.

365. **Поляков, М.** Николай Александрович Ожигов. [Некролог народовольца]. XXXV 231—232.

366. **Попов, А.** Адриан Федорович Михайлов. [Краткая биография]. LIX 177—181.

367. **Попов., И.** Сергей Филиппович Ковалик [Краткая биография]. XXV 219—221.

368. **Попов, И. И.** Памяти двух восмидесятников. I. Лев Яковлевич Штернберг. II. А. В. Игельстром. [Краткие биографии]. XXXVIII 164—167.

369. **Попов, И.** Сергей Андреевич Иванов [Воспоминания о совместной работе в народовольческих организациях 1883 — 1884 гг.]. XXXIX 166—169.

370. **Попов, И.** Владимир Иванович Дэюбинский [Краткая биография]. XLIV 176—178.

371. **Попов, И.** Александр Васильевич Гедеоновский [Биография и характеристика, отчасти по личным воспоминаниям о работе в народовольческой организации 1884 г.] XLV 242—247.

372. **Попов, И. И.** Макар Николаевич Васильев. [Краткая биография народовольца]. XLVII 153—155.

373. **Попов, И. И.** Леонид Самойлович Залкинд [Краткан биография]. IX. 172—176.

374. **Попов, И. И.** Николай Константинович Руссель-Судэиловский. [Биография и характеристика. По поводу этой ст. см. № 143]. LXVII 168—173.

375. **Попов, Мак.** Заметка о Г. А. Лопатине. [Воспоминания о встречах с ним в 1884 г. (в ростовской народовольческой типографии) и 1887 г. (на процессе 21—10). Рассказы о Л. его родственников]. XII 123—125.

376. **Попов, М. Р.** К биографии Буцинского. [Характеристика по личным воспоминаниям]. V 233—237.

377. **Попов, М. Р.** Революционная роль различных групп петербургских рабочих [конца 1870-х гг.] С предисловием А. Ладынсенского VI 39—43.

378. **Прибылев, А.** Николай Сергеевич Тютчев [Характеристика по личным воспоминаниям]. XI 232—237

379. **Прибылев, А.** Памяти А. В. Тыркова [Биография и характеристика]. X 248—254.

380. **Прибылев, А. В.** В годы неволи (Переписка Э. Л. Улановской-Кранихвельд с матерью) [Письма из дома предварительного заключения (1879 г.), г. Пудожа, Олонецкой губ. (1880 г.), «Березовских Починок», Вятской губ. (1880—1881 гг.), Глазовской тюрьмы 1881 г.), г. Котельнича, Вятской губ., (1881—1883 гг.)]. XXIV 223—250.

381. **Прибылев, А. В.** Памяти С. И. Мартыновского [Характеристика]. XXVII 206—210.

382. **Прибылев, А. В.** Памяти К. Ф. Багряновского [Характеристика по личным воспоминаниям]. XXVIII 297—301.

383. **Прибылев, А. В.** Памяти [Семидесятника] Степана Петровича Богданова [Характеристика по личным воспоминаниям]. XLII 153—157.

384. **Прибылев, А.** Ин. Фед. Волошенко [С примечаниями М. Фроленко. Характеристика и воспоминания о совместном пребывании на Каре]. LXIV 127—147.

385. **Прибылев, А.** Из воспоминаний о М. А. Диковском [На Каре]. LXVI 195—202.

386. **Прибылева-Корба, А.** Памяти ушедших [Народовольцев]. I. Николай Алексеевич Желваков. II. Иван Пантелеймович Емельянов. [Воспоминания 1880—1882 гг.]. XII 248—258.

387. **Прибылева-Корба, А.** О. Н. Силихова (Присецкая) [Характеристика по личным воспоминаниям]. XLVIII 156—157.

388. **Прохоров, Гр.** В. Г. Короленко о ссылке [Неизданное письмо Короленко к Муйжелю]. LXI 118—127.

389. **Реброва-Харизоменова, Е. А.** С. А. Харизоменов [Биография и характеристика]. XI 263—269.

390. Речь Н. Ф. Анненского о П. Л. Лаврове [8/II 1900 г. на вечерин-

414. **Теодорович, Ив.** Тартарэн на Альпах ленинизма (Ответ И. Татарову) [на его статьи в «Известиях ЦИК'а СССР в № 307 за 1929 г. («Попытка восстановить народничество») и в № 9 за 1930 г.]. LXII 108—127.

415. **Теодорович, Ив.** К вопросам о «Народной Воле» LXIII 90—105.

I. Надо рассеять недоразумения [По поводу статей Е. Ярославского о «Народной Воле» в «Правде» от 30/I и 4/II 1930 г.].—Против модернизации [Речь на Всесоюзном совещании историков ленинизма 11/II 1930 г.].

416. **Теодорович, Ив.** О «Народной Воле» [Доклад на диспуте в в Обществе историков-марксистов 16/I 1930 г.]. LXIV 7—44.

417. **Терешкович, К.** После каторги в эмиграцию [Воспоминания о второй половине 1890-х гг.]. XLII 72—87.

I. Лондон. — II. Париж.

418. **Терешкович, К.** К характеристике Г. Е. Шура [Отрывки воспоминаний В. П. Денисенко об участи Ш. в харьковской народовольческой организации 1885—1887 гг.]. LII 66—67.

419. **Терешкович, К. М.** Р. Гоц о С. А. Пике и М. И. Фундаминском [Отрывки из неизданной автобиографии Г.]. LXII 69—73.

420. **Тимофеев, М. А.** Пережитое. Отрывок из воспоминаний о семидесятых годах [Процесс якобинцев в Курске 1881 г.]. LVII 94—117.

421. **Тихомиров, Лев.** Тени прошлого [Мемуарный очерк «Степан Халтурин». С примечаниями М. Ф. Фроленко]. XXV 82—96.

422. **Тютчев, Н.** Памяти отошедших. I. Алексей Николаевич Петерсон [землеволец]. II. Эспер Александрович Серебряков [член военной организации «Народной Воли»]. III. Иван Юльевич Старынкевич [народоволец]. IV. Дмитрий Григорьевич Любовцев (Легеня-Любовец) [Землеволец. Краткие биографии и характеристики по личным воспоминаниям]. X 224—240.

423. Николай Сергеевич Тютчев [Некролог]. IX 231.

424. **Феохари.** Вооруженная демонстрация 1878 г. в Одессе (Суд над И. М. Ковальским) [Воспоминания]. VIII 109—113.

425. **Феохари, С.** Воспоминания о [народовольце] Макаре Васильевиче Тетерке [Знакомство в Одессе 1876—78 гг.] XXIV, 202—206.

426. **Феохари, С. И.** Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. [Воспоминания]. LIII 37—50.

I. Арест [11/II 1879 г.]. — II. Суд [в апреле 1879 г. — Процесс Брандтнера и др.].

427. **Фигнер, Вера.** В. Г. Короленко [Характеристика]. Б. II 11—13.

428. **Фигнер, В. Н.** Из воспоминаний о Н. И. Драго [К № 202]. VI 6—9.

429. **Фигнер, Вера.** Евгения Николаевна Фигнер [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям]. IX 20—27.

430. **Фигнер, В. Н.** Михаил Юльевич Ашенбреннер 1842—1926. [Биография и характеристика по личным воспоминаниям о совместной работе в военно-революционной организации «Народной Воли». XXXII 192—202.

431. **Фигнер, В. Н.** Процесс 50-ти 1877 г. [По личным воспоминаниям]. XXXIII 7—20.

432. **Фигнер, В. Н.** Юрий Николаевич Богданович (1850—1888) [Характеристика по личным воспоминаниям 1870-х и 1880-х гг.]. XLIV 169—175.

433. **Фигнер, В.** Марк Андреевич Натансон [Характеристика по личным воспоминаниям]. LVI 141—150.

434. **Фигнер, Вера,** сообщ. К биографии М. Ф. Грачевского [Письма его к родственникам из дома предварительного заключения 1875—1877 и 1883 гг.] LX 140—147.

435. **Фигнер, Вера,** сообщ. Письма участников процесса 16-ти [1880 г — А. Зунделевича, С. Ширяева, А. Преснякова, А. Квятковского, С. А. Ивановой и Е. Фигнер]. LXIV 97—104.

436. **Франкфурт, С.** Воспоминания о старом товарище Василии Семеновиче Панкратове [Встреча в

Красноярской тюрьме в 1907 г.]. XIX 243—245.

437. **Фрейфельд, Е.** Памяти друга Наталии Осиповны Коган-Бернштейн [Воспоминания о встречах в Якутской обл.]. LII 67—69.

348. **Фрейфельд, Л.** Светлой памяти Софьи Михайловны Гинзбург [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. XII 259—271.

439. **Фроленко, М. Ф.** А. И. Зунделевич (Краткие воспоминания о встречах с ним]. VIII 219—220.

440. **Фроленко, М.** Татьяна Ивановна Лебедева-Фроленко [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. IX 224—230.

440а. **Фроленко, М.** Из воспоминаний о Вере Ивановне Засулич (К пятилетию со дня смерти) [Совместная революционная деятельность в 1870-х гг. и встреча в 1910 или 1912 г.]. X 241—247.

441. **Фроленко, М.** Хождение в народ 1874 г. [Характеристика движения по личным воспоминаниям]. XI 9—15.

442. **Фроленко, М.** И. М. Ковальский. Заметка по поводу статьи С. Е. Лиона [См. № 309]. XII 25—29.

443. **Фроленко, М.** Сергей Жебунев и Кобиев [Воспоминания 1873 г.]. XII 246—247.

444 **Фроленко, М.** Вера Дмитриевна Лебедева [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. XIII 213—218.

445. **Фроленко, М.** Михаил Васильевич Новорусский [Краткая биография и характеристика по воспоминаниям о совместном пребывании в Шлиссельбурге]. XX 245—249.

446. **Фроленко, М.** Начало «Народовольчества» [Переход от пропаганды к террору по воспоминаниям 1872—1879 гг.]. XXIV 17—26.

447. **Фроленко, М.** Чайковский. Его богочеловечество. XXVI 217—223.

448. **Фроленко, М. Ф.** Попытка освобождения Войнаральского 1-го июля 1878 г. (По поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова). XLI 82—89.

449. **Фроленко, М.** О Гольденберге [и его роли в революционном движении 1877—1879 гг.]. LVII 279—282.

450. **Цвиленев, Н.** Варвара Николаевна Батюшкова-Цвиленева [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. LXVII 142 — 158.

451. **Чарушин, Н.** Что было на собрании у профессора Таганцева (Небольшая поправка к воспоминаниям Деникера) [См. № 200]. XV 99—102.

452. **Чарушин, Н.,** сообщ. Письмо С. С. Синегуба Льву Тихомирову [1896 г. о статье последнего «Пропагандисты», напечатанной в «Московских Ведомостях»]. XVII 80—85. (См. № 174).

453. **Чарушин, А.** Братья Уржумовы. С предисловием Н. Чарушина [Автобиографическая повесть о движении в народ]. XXII 63—92.

454. **Чарушин, Н.** Николай Васильевич Чайковский [Биографический очерк]. XXVI 213—217.

455. **Чернавский, М.** Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70 — 80 гг.). VIII 18—41, XII 30—48, XVI 24—36, XXVIII 104—124.

Предисловие (VIII). — Централка (VIII). — Мценская пересыльная политическая тюрьма (XII). — По дороге на Кару (XVI). — На Каре (XXVIII). — Приложение: Список политических каторжан, содержавшихся в харьковских центральных каторжных тюрьмах в 1874—1880 годах (XII).

456. **Чернавский, М.** Александр Николаевич Бибергаль (Воспоминания о процессе и совместном пребывании на Каре]. XXII. 213—217.

457. **Чернавский, М. М.** Демонстрация 6 декабря 1876 года. По воспоминаниям участника XXVIII 7—20.

458. **Чернышевская-Быстрова, Н.,** сообщ. Заметка Н. А. Виташевского о Н. Г. Чернышевском [Запись рассказа С. Г. Стахевича (1881 или 1882 г.) об его беседе с Ч. в ссылке]. Примечания Н. А. Алексеева. LVI 65—67.

459. **Чернявская-Бохановская, Г. Ф.** Автобиография. XLI 7—22, XLII 49—67, XLIII 20—36.

I. Родители. Детство и юность. (XLI). — II. Революционная работа: 1. До «Народной Воли» (XLII). — 2. В «Народной Воле» (XLIII).

460. **Чернявская-Бохановская.** Из истории борьбы русского самодержавия с «Народной Волей» за границей. [Воспоминания о народовольческой эмиграции 1880-х гг.]. LXV 95—98.

461. **Шакол, А.** Казнь Дубровина [Биография, революционная деятельность, процесс и казнь по архивным материалам]. LIV 69—80.

462. **Швецов, С.** Николай Яковлевич Фалин [—участник демонстрации на Казанской пл. 6/XII 1876 г. Воспоминания об его пребывании в ссылке в Сургуте]. XVI 215—218.

463. **Швецов, С. П.** В. Г. Короленко в Вышнем-Волочке [Воспоминания о вышне-волоцкой пересыльной тюрьме 1880 г.]. XXXVII 159—166.

464. **Швецов.** Эразм Кобылянский [Характеристика по личным воспоминаниям и его записка о революционном движении, изданная департаментом полиции]. LIX 101—114.

465. **Шехтер, Анастасия.** Из далекого прошлого. (К характеристике Желябова, Заславского, Железняка и других работников начала 70-х годов) [Воспоминания]. V 42—50.

466. **Шехтер, Анастасия.** Революционная Одесса 1877—1878 гг. [Воспоминания] (К характеристике Лиона и Фомичева). VI 44—52.

467. **Шпицер, С.,** сообщ. Исповедь графа Лорис-Меликова [Его письмо к А. А. Скальковскому от 28/X 1881 г.]. XV 118—125.

468. **Шпицер, С.** Как в 1881 году погибла конституция (Неизданные материалы) [Запись бесед М. И. Семевского с М. Т. Лорис-Меликовым]. XXV 131—136.

469. **Щеголев, П.** Алексей Медведев [Его «Исповедь»: попытка освобождения Войнаральского, революционные кружки на юге 1875—1878 гг и его процесс]. LXXI 67—110.

470. **Щеголев, П.** К биографии Н. И. Кибальчича. По неизданным материалам. I. Юность. [Воспоминания Д. П. Сильчевского]. LXXII 44—57.

471. **Эльцина-Зак. М.** Из встреч с первомартовцами [Воспоминания 1880—1881 гг.]. XII 126—128.

472. **Я. Д. Б. [Я. Д. Баум].** Побег С. И. Мартыновского [с этапа в 1881 г.]. (Архивные документы). XXVII 211—217.

473. **Я. Д. Б. [Я. Д. Баум],** сообщ. Письмо Д. Соловьева к С. Лешерн фон-Герцфельд [О процессе Осинского]. LV 95—96.

474. **Я. Д. Б. [Я. Д. Баум].** Суд и казнь Л. К. Брандтнера, В. А. Свириденко и В. А. Осинского (В освещении жандарма Новицкого) LVI 68—76 (См. № 153).

475. **Я. Д. Б. [Я. Д. Баум].** Программы для кружков самообразования и практической деятельности [Начала 1870-х гг.]. LXVII 89—105.

476. **Якимова, А.** Из прошлого (Заметки по поводу книги В. Н. Фигнер «Запечатленный труд»). В 12—17.

477. **Якимова, А.** Л. В. Чемоданова-Синегуб. [Некролог]. VI 247.

478. **Якимова, А.** Из далекого прошлого (Из воспоминаний о покушениях на Александра II). VIII 9—17.

479. **Якимова, А.** Памяти Натальи Николаевны Оловенниковой [Некролог]. XIV 259—260.

480. **Якимова, А.** По поводу пьесы «1881 год». XV 274—276.

481. **Якимова, А.** Памяти Александра Ивановича Бычкова [Краткая биография]. XX 255—257.

482. **Якимова, А. В.** Группа «Свобода или смерть». [Воспоминания о периоде «Земли и Воли»]. XXIV 14—16.

483. **Якимова, А.** Памяти Марии Александровны Коленкиной-Богородской [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. XXXI 177—186.

484. **Яковенко, Е. И.** О втором 1-ое марта [Воспоминания]. XXXII 7—42.

485. **Якимова, А.** «Большой процесс» или «Процесс 193-х». О революционной пропаганде в империи [Очерк по личным воспоминаниям]. XXXVII 7—31

486. **Якубович, Д.** Пять писем П. Ф. Якубовича [из тюрьмы к родным в период процесса 21—10]. XLIX 135—143.

487. **Ярославский, Ем.** О тов. Сергее Ивановиче Мартыновском [Воспоминания конца 1890-х и начала 1900-х гг. о знакомстве в Забайкалье]. XXVII 201—206.

488. **Яроцкий, А. И.** К ликвидации остатков от приготовлений к покушению на Александра III в 1887 году [Воспоминания]. LXII 104—107.

489. **Ястремский, Сергей.** Д. А. Лизогуб (Три встречи) [Воспоминания 1875—1876 гг.]. XI 252—256.

490. Михаил Юльевич Ашенбреннер [Некролог]. XXVII 183—184.

VI. ОТ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

491. Письма Э. А. Абрамовича [соц.-дем. 1880-х гг.] к Е. А. Гурвич [1910—1917 гг.]. XI. 142—150.

492. **Айнзафт, С.** Зубатов и студенчество [Записка С. Зубатова в департамент полиции 1901 г. об организации контрреволюционного движения среди студенчества]. XXXIV 65—69.

493. **Айнзафт, С.** Зубатовщина в Москве (По неизданным архивным материалам). XXXIX 53—75.

[Предисловие]. — I. Идеология зубатовщины.

494. **Алексеев, Н. А.**, сообщ. Письма Н. Г. Чернышевского к Солдатенкову [от ноября-декабря 1888 г. о работе над переводом «Всемирной истории» Вебера]. XLVII 62—79.

495. **Альберт [Г. И. Лурье].** Павел Федорович Теплоз [Соц.-дем. 1890-х гг.: «Фонд Вольной Русской прессы», «Рабочее Дело», «Союз русских социал-демократов», «Якутская бойня 1904 г.]. LIII 176—185.

496. **Бакалов, Г.** Д. Н. Благоев в Болгарии [Участие в болгарском соц.-дем. движении 1880-х и 1890-х гг.]. LXI 164—171.

487. Благоев, Дмитрий Николаевич [Некролог]. XI. 271.

498. **Б. Н. [Б. И. Николаевский].** Из эпохи «Искры» и «Зари» (По неизданным материалам). XXXV 7—35, XXXVI 83—100.

[Предисловие] (XXXV). — I. Группа «Искры» и попытка созыва с'езда в мае 1901 г. (XXXV и XXXVI). — Приложение: Приглашение на с'езд 1900 г. и проект устава партии (XXXV). — Примечания (XXXV и XXXVI).

499. Р. С.-Д. Р. П. о соглашениях с оппозиционными и революционными партиями в 1904 году (Вопрос о межпартийной конференции в Совете партии) [Протокол заседания Совета партии 13/VI 1904 г.]. С предисловием Б. Н. [Б. И. Николаевского]. XXXII 57—72.

500. Бобровский, Владимир Семенович [Некролог соц.-дем. 1890-х гг., уч. «Искры»]. XI 270.

501. **Борисов, Я.** Степан Валерианович Балмашев (Из воспоминаний) [Казань 1899—1900 гг.]. XLIX 172—175.

502. **Бреслав, Б.** Привет старому бойцу Г. И. Петровскому [участнику рабочего движения 1890-х и последующих десятилетий]. XL 204—205.

503. **Брюханов, Н.** Памяти З. П. Соловьева (О давних днях) [Воспоминания о симбирских ученических организациях 1890-х гг.]. L 180—187.

504. **Бухбиндер, Н. А.** Зубатовщина в Москве [По архивным материалам]. XIV 96—133.

Приложения: Письма С. Зубатова С. Э. Зволянскому, Л. А. Ратаеву, А. А. Лопухину. — Переписка министра финансов С. Ю. Витте с мин. вн. дел Д. Сипягиным. — Переписка мин. внутр. дел Д. Сипягина с московским ген.-губ. вел. кн. Сергеем Александровичем.

505. **Бухбиндер, Н. А.** Иосиф Адольфович (Ааронович) Гурвич [Некролог соц.-дем. публициста

периода «легального марксизма» и пионера еврейского рабочего движения в России»]. XXVI 239—240.

506. **Бухбиндер, Н. А.** Дело Р. Соловейчика [Пропаганда соц.-дем. идей в конце 1880-х гг. в Гродно]. XXVII 7—20.

Приложения: Показания Р. Соловейчика, И. Дуговского и Г. Александрова (Файнштейна).

507. **Бухбиндер, Н. А.** Группа «Социал- демократическая рабочая библиотека» (По неизданным архивным материалам). XXXI 49—54.

508. **Бухбиндер, Н.** Пометки О. В. Аптекмана на статье о Г. В. Плеханове [сделанные им в 1922 г. на полях ст. Френчера «На родине Г. В. Плеханова», напечатанной в № 8 журн. «Пролетарская Революция» за 1922 г. Пометки касаются разных моментов биографии П., главным образом — юношеских и студенческих лет]. XLII 44—48.

509. **Бухбиндер, Н. А.** К характеристике социал-демократии конца 90-х годов. [Письмо Теслера к Г. В. Плеханову о сотрудничестве последнего в «Рабочей газете»]. XLVII 85—87.

510. **Ванновская, Вера.** Людмила Константиновна Громозова [соц.-дем., больш.; типография петербургской организации соц.-дем. 1903 г.]. XXXII 218—219.

511. **Вигдорчик, Н. А.** Роман Викторович Розенберг (Воспоминания) [Соц.-дем. движение 1890-х гг.; подготовка к первому с'езду Р. С.-Д. Р. П.]. XXV 233—236.

512. **Виленский-Сибиряков, Вл.** Михаил Павлович Павлович (Вельтман). [Краткая характеристика; одесские соц.-дем. кружки 1890-х гг.]. XXXIV 152—154.

513. **Виноградов, Ф.** У истоков революционного движения в Сибири [Революционное (соц.-дем. и соц.-рев.) и студенческое движения 1899—1901 гг. по архивным материалам]. LXVI 7—23.

Предисловие. — Томск. — Омск.— Курган.—Приложение: Обзор противоправительственного движения в округе Омской судебной палаты в период 1893—1901 гг.

514. **В. Л. [В. Левицкий].** **Б. А.** Гинзбург Д. Кольцов. [Краткая биография; соц.-дем. движение от 1880-х гг. до Октябрьской революции]. Б. II 54—58.

515. **Гельман, С.** Первая подпольная типография группы «Рабочее Знамя» [Воспоминания]. XXVII 44—56.

516. **Гельман, С.** Моисей Лурье (Опыт характеристики) [соц.-дем. 1890-х гг. и участника Якутской бойни 1904 г.]. LVI 152—160.

517. **Гельман, С.** Раиса Яковлевна Странс-Фридман (К 10-летию ее смерти) [Воспоминания о совместной работе в группе «Рабочее Знамя»]. LXII 177—181.

518. **Гершанович.** Из записной книжки партийного техника [Воспоминания]. XLV 33—46.

I. От «Рабочего Знамени» к «Искре». — II. От «Искры» к большевизму.

519. **Гершанович, Д. И.** М. Ромм («Герасим Федорович») [Воспоминания об участнике группы «Рабочее Знамя»]. XLVII 143—146.

520. **Гилл. [Г. И. Лурье].** Виктор Константинович Курнатовский (1868—1912) [Биография и характеристика; марксистские кружки и студенческие движения второй половины 80-х гг., ссылка в Арханг. губ., эмиграция, группа «Освобождение Труда», ссылка в Енисейск. губ., «Искра», Метехский замок и ссылка в Якутскую обл., бойня 1904 г., Акатуйская тюрьма, боевая дружина читинской соц.-дем. организации, карательная экспедиция Ренненкампфа, побег из больницы и эмиграция]. LII 109—114.

521. **Гилл. [Г. И. Лурье].** В. Д. Медем [Краткая биография и характеристика участника студенческих беспорядков конца 1890-х гг. и деятеля «Бунда» с 1900 г.]. VII 260—266

522. **Гинцбург, Иосиф.** Николай Иванович Ривкин (Биографический очерк) [Партия соц.-рев. до 1905 г., московское восстание 1905 г., кронштадтское восстание 1906 г., арест и побег из Мясницкого полицейского дома, эмиграция, гражданская война]. XLIX 152—162.

523. **Годлевский, И.** Из воспоминаний о первом «Уральском рабочем союзе». XLV 56—59.

524. **Гольдман, Л. И.** Организация и типография «Искры» в России (Из личных воспоминаний). XVII 7—38.

525. **Горев, Б.** Перед вторым с'ездом (Воспоминания). VIII 42—65.

526. **Горинсон, Б.** Памяти Александры Севастьяновой [Характеристика работницы томской (1901 г.) типографии «Союза социалистов-революционеров» и петербургской организации соц.-рев. по личным воспоминаниям]. VIII 236—237.

527. **Граватштейн, М.** Первое массовое движение на западе России в 1900 годах (Воспоминания) [Рабочее движение в Польше накануне первой революции и П. П. С.]. XVIII 190—209.

528. **Г. С. [Ушкин].** Памяти С. Г. Клитчоглу-Межовой [Некролог участницы народнических кружков 1890-х гг. и деятельницы партии соц.- рев.]. XLVII 156—157.

529. **Г. С. [Ушкин].** Иосиф Константинович Пашта (Пашковский) [Некролог деятеля ППС с 1897 г.]. LXXII 177—178.

530. **Гурвич, Е.** О первом с'езде Р.С.-Д.Р.П. [Личные воспоминания]. XL 55—56.

531. Памяти Эмилия Александровича Абрамовича. Воспоминания Е. А. Гурвич [о марксистских кружках 1880-х гг.]. XL 134—136.

532. **Гусева-Архипова, Н.** Александр Иванович Гусев [Краткая биография и характеристика. Студенческие беспорядки в Киеве 1899 г., тверская и московская соц.-дем. организации 1899—1903 гг.]. XLV 203—213.

533. **Дауге, П. П.** Лев Михайлович Михайлов (Политикус). Страничка из личных воспоминаний [Соц.-дем. эмиграция 1904—1905 гг., московская организация большевиков 1905—1906 гг., московское восстание, большевистская пресса эпохи реакции, Октябрьская революция]. XLIII 146—155.

534. **Дейч, Л.** Осип Ефимович Слободской [Воспоминания о группе «Освобождение Труда»]. XLIX 147—151.

535. **Дейч, Л., и Вечеслов, М.** П. П. Брюханов (1873—1929 гг.). Составлено на основании личных воспоминаний и воспоминаний д-ров Кубэ, Штифтара, Омельченко, Булычева, Кечека и др.). [Биография участника соц.-дем. движения от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса до Октябрьской революции]. LVII 324—332.

536. Феликс Эдмундович Дзержинский [Некролог]. XXV 6—7 (вкладной лист).

537. **Ергина, Л.** Воспоминания об А. Ю. Фейте. [«Группа народовольцев» 1894—1896 г., ссылка в Киренске, Иркутск. губ.]. XXXI 187—193.

538. **Жуковский-Жук.** 35-летие первомайского праздника. X 127—129.

539. **Заволокин, П. Я.** Михаил Иванович Калинин в ссылке (1904 г.). XLIV 108—120.

I. Встреча с М. И. Калининым в Олонецкой тюрьме. — II. Два слова о себе. Оптимизм М. И. Калинина. — III. Забота о подводе. Активность и настойчивость М. И. Калинина. IV. По этапу. — V. Стенной путеводитель, «Стенопись». — VI. Пьяная оргия конвоиров. Наше вмешательство. Находчивость М. И. Калинина. — VII. Прибытие в Повенец. Демонстрация на пристани. — VIII. Приезд М. И. Калинина и Правдина в Шунгу. — IX. От'езд М. И. Калинина на родину в Тверскую губернию. Переписка двух губернаторов.

540. **Закгейм, М.** Умер Сикорский [Воспоминания о встречах в 1903—1904 гг. в Белостоке с участником казни В. Плеве]. XLI 140—142.

541. **Залкинд.** Еще несколько слов о Я. М. Калмансоне [Народовольце и соц.-дем. 1880-х гг. — воспоминания о совместной работе с ним в рядах «Народной Воли»]. XIII 231—233.

542. **Зевина, Анна.** Из воспоминаний о И. М. Роиме [участнике группы «Рабочее Знамя»]. XLVII 148—149

543. **Зильберблат, И. Ф.** Мои воспоминания о тов. Симоне Вульфовиче Сикорском. [Белостокская организация партии соц.-рев. 1901—1904 гг.]. XLI 148—151.

544. **Иеропольский, К.** Несколько дополнений к статье И. Книжника о Е. Г. Бартеневой [К № 561, соц.-дем. кружки 90-х и 900 гг. в Пскове]. LXIII 179—183.

545. **Иеропольский, К.** Памяти А. А. Скобелева [Псковская организация соц.-дем. 1903—1917 гг.]. LXVI 210—211.

546. **Измайлов, П.** Марксистский кружок в Череповце [среди воспитанников учительской семинарии 1897—1905 гг. Воспоминания]. XIV 175—176.

547. **Израильсон, А.** Алексей Дмитриевич Добросмыслов (Страничка воспоминаний) [Студенческие беспорядки 1900 г., организация партии соц.-рев. в Пензе в начале 1900-х гг., ссылка в Якутскую обл., Якутская бойня 1904 г., эсеровские крестьянские боевые дружины Поволжья в 1906 г.]. LII 103—109.

548. **Иков, В.** Памяти Николая Николаевича Розанова (1873—1928) [Некролог соц.-дем. 1890-х гг.]. LI 158—159.

549. Краткая автобиография Ивана Софроновича Иихааницкого [Марксистские кружки в Полтаве начала 1900-х гг., одесская организация Р. С.-Д. Р. П. 1905 г., Шлиссельбург 1907—1917 гг.]. XV 245—247.

550. **Иорданский, Ник.** Основоположник русской революции (К 4-летию смерти Плеханова) [Плеханов и Октябрьская революция]. В. 5—11.

551. Краткая автобиография Адольфа Абрамовича Иоффе [члена Р. С.-Д. Р. П. с 1902 г.]. XXXVII 154—158.

552. Историческая записка о тайном обществе «Заговорщиков» [(1884—1909 гг.) М. Д. Фокина, Л. Д. Синицкого, Д. Д. Бекарюкова, В. И. Скляревича, С. Родзевича и К. П. Злинченко]. XLIX 49—58.

553. **Казаковы, К. и М.** Памяти П. Ф. Казакова [Тульская организация Р. С.-Д. Р. П. 1902—1907 гг.]. XLV 232—233.

554. **Кантор, Р.,** сообщ. Письмо В. К. Плеве к Николаю II (К 20-летию казни С. В. Балмашева). В. 53—54.

555. **Кантор, Р. М.,** сообщ. Неизданное письмо В. И. Засулич (К истории суда над Л. Т. Дейчем в 1884 г.). XVI 105—108.

556. **Кантор, Р.,** сообщ. Подпольные типографии 1902—1904 годов (Материалы для «Историко-революционного календаря») [Составленный в департаменте полиции список типографии, арестованных в 1902—1904 гг.]. XXV 136—141.

557. **Катин-Ярцев, В. И.** Константин Михайлович Тахтарев. 1871—1925 (Памяти друга). [Краткая биография и воспоминания о совместной работе в рядах «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»] XIX 232—236.

558. **Кашин, Н. П.,** сообщ. Письма Н. Г. Чернышевского к В. М. Лаврову [1888—1889 гг. о сотрудничестве Ч. в «Русской Мысли»]. XLIV 51—66.

559. **Клейн, Эбергард.** Горький и тифлисская жандармерия [в 1897—1898 гг. по архивным материалам]. XLII 7—19.

560. **Клейнборт, Л. П.** В. Карпович (К десятилетию со дня его смерти) [Характеристика по личным воспоминаниям]. XXXV 204—218.

561. **Книжник-Ветров, И.** Е. Г. Бартенева—социалистка и писательница LX 35—66 (См. № 544).

Предисловие. — I. Годы детства и юности. Замужество (1843—1863).— II. Народнические опыты в деревне. Жизнь за границей (1863—1871).— III. Работа в Петербурге. Участие в I Конгрессе II Интернационала (1871—1889).—IV. Пропаганда С. Т. среди петербургских рабочих. Ссылка в Псков (1890—1898). — V. Е. Г. до и после революции 1905 г. Последние годы жизни (1898—1914).

562. **Ковальская, Е.** Мое знакомство с [анархистом]. Командо-Гогелиа (Оргеиани) [в эмиграции начала 1900-х гг.]. XVI 212—214.

563. **Козлов, С.** Страница из революционного движения Роменщины [в 1902—1905 гг.]. (Памяти Мирона Константиновича Владимирова) [Воспоминания]. XLV 60—63.

564. **Колосов, Евгений,** сообщ. Г. В. Плеханов и департамент полиции (Архивная справка) XI 128—129.

565. **Кон, Ф.** Великая годовщина [35-летие празднования первого мая]. X 122—127.

566. **Кон, Феликс.** Юлиан Мархлевский [Характеристика основоположника соц.-дем. движения в Польше]. XVII 228—231.

567. **Лев Борисович Красин** [Некролог]. XXVIII 275—278.

568. **Крыжановская-Тучанская, В.** Памяти А. Д. Поляка. Из моих воспоминаний [о соц.-дем. движении 1890-х гг.]. LX 159—161.

569. **Крыжановская - Тучанская, В. Г.** Из моих воспоминаний [о соц.-дем. 1890-х гг. и его деятелях]. LXVII 18—50.

570. **Кудрин, Н.** Моисей Владимирович Лурье (По личным воспоминаниям) [о Якутской ссылке и бойне 1904 г.]. LVI 160—164.

571. **Кутузов, Ив.** Памяти борца (П. А. Моисеенко). [Некролог участника рабочего движения 1880-х и 1890-х гг.]. IX 268—269.

572. **Лавров, З. Л.** Жизнь рабочего-революционера (Автобиография). XIV 157—168.

573. **Л. Е. [Л. Ершина].** А. Н. Фрелих-Фейт [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям. «Группа народовольцев» 1894—1896 гг., ссылка в Иркутскую губ.]. LVI 165—170.

574. **Лев, А.** Воспоминания о тов. Сикорском [Белостокские революционные организации 1899 — 1901 гг.]. XLI 142—145.

575. **Левицкий, В.** Б. С. Цетлин-Батурский [Биография соц.-дем. 1890-х гг. — 1920 г.]. Б II 49—54.

576. **Левицкий, В. О.** А. Д. Покотилов (Из личных воспоминаний) [1890—1902 гг.]. III 157—172.

577. **Лелевич, Г.** К биографии Я. М. Камансона. [Краткая биография и характеристика народовольца, потом марксиста 1880-х гг.]. VIII 223—227.

578. **Линдер, Б.** Памяти учителя [И. М. Ромма — участника группы «Рабочее Знамя». Воспоминания]. XLVII 146—148.

579. **Линдер, Б. К.** Памяти товарища [А. Д. Поляка. Воспоминания участника соц.-дем. движения 1890-х гг.]. LX 162 — 163.

580. **Линдер, Б. К.** Памяти тов. Даргольца [Воспоминания о работе в соц.-дем. организации в Елисаветграде в конце 1890-х гг.]. LXVI 203 — 205.

581. **Л. С. [Л. Сталь].** Памяти ушедших. I. Ефим Андрианович Бабушкин (1880 — 1927) [чл. Р.С.-Д.Р.П. с 1902 г.] II. Иван Иванович Минаев (1882—1927). [чл. Р.С.-Д.Р.П. с 1903 г.]. XXXVI. 201—205.

582. **Лурье, Г.** Ушедшим «романовцам». Павел Исаакович Розенталь (П. Роль, Анман). 1872—1924. [Соц.-дем. движение 1890-х гг. в Польше, Бунд, Якутская ссылка и бойня 1904 г. (по личным воспоминаниям)]. XV. 235 — 244.

583. **Лурье Г.** А. М. Гинзбург [Казанская соц.-дем. группа начала 1900-х гг., Екатеринославская соц.-дем. организация 1902 г., Якутская ссылка и бойня 1904 г. (по личным воспоминаниям)]. XL 154 — 157.

584 **Лурье, Т.** А. А. Костюшко-Валюжанич—«техник Григорович» (1876—1906). [Студенческие беспорядки 1899 г., екатеринославская соц.-дем. организация начала 1900-х гг., якутская ссылка и бойня 1904 г. (по личным воспоминаниям). «Читинская республ.»]. LII 99—103.

585. Памяти Эмилия Александровича Абрамовича. Воспоминания [сестры] М. А. Макаревич. XL 131—133

586. Н. Н. Мандельштам [Некролог соц.-дем.]. LVI 151.

587. **Мельникова, М.** История шрифта типографии «Рабочей газеты» [Воспоминания]. XXVII 39—43.

588. **Минаев, Ив. Ив.** Автобиография рабочего-революционера [чл. Р.С.-Д.Р.П. с 1903 г.]. VII 91—111.

589. **Мицкевич, С.** О П. Т. Заичневском (Страничка воспоминаний)

[о встречах с ним в Москве в 1889 г.]. Б. I 19—20 (см. № 644).

590. **Мицкевич, С.** О Павле Николаевиче Скворцове [Соц.-дем. 1890-х гг.] (Письмо в редакцию) LXV 99—102.

591. **М. К.** Метельшин-Красносельский [краткая биография участника студенческих беспорядков 1902 г. и чл. Р.С.-Д.Р.П. с начала 1900-х гг.]. LXIII 174—178.

592. **М. Л.** П. М. Волович [Некролог чл. Р.С.-Д.Р.П. с 1899 г.]. LXXI 196.

593. Автобиография С. Г. Могилевского [чл. Р.С.-Д.Р.П. с 1903 г.]. XVII 238—239.

594. **Мошинский, И. Н. (Юз. Конарский).** Девяностые годы в киевском подполье [Воспоминания]. XXXIV 7—24. XXXV 36—53. XXXVI 101—111. XXXVII 52—67 (См. №№ 672 и 597).

Вступление (XXXIV). — Очерк I. Предшественники киевских с.-д. кружков 90 гг. 1. Организация д-ра М. Д. Фокина (XXXIV). 2. Украинские кружки — драгомановцы (XXXIV). 3. Польские социалистические кружки 1889 — 1893 гг. (XXXIV). — Очерк II. Организации учащейся молодежи. 4. Первые марксистские кружки учащихся средней школы в Киеве и провинции 1891—1894 гг. (XXXV). — 5. Союзный Совет об'единенных студенческих землячеств и организаций. Жандармский генерал В. Д. Новицкий (XXXV). — Очерк III. Социалистические организации (1892—1897). 6. Польская социалистическая группа (XXXVI). — 7. Польская с.-д. группа (XXXVI). — 8. Русская с.-д. группа (XXXVII). — 9. Ю. Д. Мельников и Б. Л. Эйдельман (XXXVII).

595. **Мошинский, И. Н. (Юз. Конарский).** До и после 1-го с'езда Р.С.-Д.Р.П. (поиски южной типографии и разгром с.-д. организаций) [по личным воспоминаниям и архивным материалам]. XL 41—34.

596. **Мошинский, И. Н. (Юз. Конарский).** Из эпохи 2-го с'езда (1900—1904 гг.). [Воспоминания]. XLV 7 — 27.

Предисловие. — А. Подготовка с'езда: роль группы «Южного Рабочего». Деятельность Организ. Ком. — Б. В ростовском подполье. — В. Женевская явка. — Г. Поездка в Брюссель. — Д. Заседания в Брюсселе. — Е. Переезд в Англию. — Ж. Заседания с'езда в Лондоне и раз'езд.

597. **Мошинский, И. Н. (Юз. Конарский).** Ответ придирчивому критику (еще раз о киевском подполье 90-х годов) [Ответ на № 672]. LIX 77—91.

Вступление. — Влияние польского социализма и польского рабочего движения. — Братья Килянские., — О Ю. Д. Мельникове и его лукьяновской школе-мастерской. — Междугрупповые отношения и работа среди интеллигенции.

598. **Мошинский, И. Н.** Памяти Л. С. Федорченко (4/III 1874—4/VII 1929) [характеристика по личным воспоминаниям]. LIX 187—192.

599. **Невский, В. Н.** Н. Батурин (1877—1927). [Биография и характеристика]. XXXVIII 158—163.

600. **Нестроев, Г.** К истории студенческого движения в России (1902—1903) [Воспоминания об издании жур. «Студент»]. XXXVIII 131 — 147.

601. **Никонов, С. А.** Несколько встреч с А. Ю. Фейтом [участником «Группы народовольцев» 1894—1896 гг.]. XXXIV 185—188.

602. **Ногин, Виктор Павлович** [Некролог]. XI 271—272.

603. **Н-ский, Б. [Б. И. Николаевский].** К истории II с'езда Р.С.-Д.Р.П. [два перлюстрированных письма участников с'езда]. XXVIII 125—130.

604. **Н-ский, Б. [Б. И. Николаевский].** К истории первого с'езда Р.С.-Д.Р.П. (Письмо избранного с'ездом Ц.К. Заграничному «Союзу русских с.-д.»). XL 9—10.

605. **Н-ский, Б. [Б. И. Николаевский].** К истории «Партии русских социал-демократов» в 1884—86 гг. (по неизданным документам). LIV 44—68.

Приложения: I. Письмо в цюрихский «Социал-демократ» о № 1 «Рабочего».—II. Письмо «Петербургской группы русских соц.-дем.» 20 марта (1 апреля 1885 г.). — III. Ад-

рес «Рабочего» заграничным социал-демократам к годовщине 18 марта. — IV. Статья газеты «Lloyd» о русских соц.-дем.

606. **Н-ский, Б. [Б. И. Николаевский].** Из литературного наследства В. И. Засулич [Перевод с немецкого ее статей: «К немецким социалистам, собравшимся в Дюрин 5 февраля» 1882 г., предисловие к «Надгробному слову Александру II», Женщины в русском рабочем движении»]. LV 32—43.

607. **П. [П. С. Ивановская].** Бледные строки, сохранившиеся в памяти о Ш. Сикорском [Боевая организация соц.-рев. в 1904 г.]. XLI 152—155.

608. **Пальчик, А.** И. М. Роим в Вильне [в местной соц.-дем. организации 1904 г. по личным воспоминаниям]. XLVII 149—150.

609. **Петренко, А.** Памяти тов. Юзефа Дзержинского [Воспоминания о совместной работе в варшавской военно-революц. организации Р.С.-Д.Р.П. в 1905 г.]. XXVII 188—192.

610. **Петренко, А.** Надо исправить. [Поправки к ст. Н. К. Крупской «Перед вторым с'ездом», напечатанной в газ. «Правда» 14 IV 1925 г.]. XXXIII 219—220.

611. **Петренко, Д.** О первых шагах социал-демократии в Киеве [Дополнения к № 660 по личным воспоминаниям]. XL 33—40.

612. **Пионтковский, С.,** сообщ. Зубатовщина и социал-демократия (Архивные материалы) VIII 66—100.

613. **Плеханова, Р.** Страничка воспоминаний о П. П. Брюханове [Соц.-дем. эмиграция начала 1900-х гг.]. LVII 332—334.

614. **Полонский, П.** На заре социал-демократического движения в Киеве. [Воспоминания]. XL 11—22 (См. № 670).

615. **Полонский, П. Н.** Социал-демократическая организация в Казани в конце 1903 г. [Воспоминания]. XLV 50—55.

616. **Поляк, А.** Из воспоминаний [Типография «Рабочей газеты»]. XXVII 34—39.

617. **Поляк, А.** Перед первым с'ездом Р.С.-Д.Р.П. [Воспоминания участника]. XL 23—32.

Приложение: Рабочие, активные участники предс'ездовской кампании. Список.

618. **Поляк, А.** На заре рабочего движения в Западной России. Из воспоминаний [1891—1895 гг.]. XLVIII 7—17.

619. **Поляк, А.** Памяти В. Н. Катин-Ярцева [Некролог деятеля соц.-дем. движения 1890-х гг.]. L 177—179.

620. **Поляк, А. Д.** Воспоминания о революционной работе на юге России [Соц.-дем. движение 1895—1898 гг.]. LIII 7—36.

621. **Пудов, С. Я.** И. И. Степанов-Скворцов (мои воспоминания) [Революционное движение среди тульских рабочих в середине 1890-х гг.]. XLIX 144—146.

622. **Пудов, С. Я.** А. А. Богданов (мои воспоминания) [Революционное движение среди тульских рабочих во второй половине 1890-х гг.]. LXII 166—170.

623. **Ракитникова, Н.** Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губ. в 1900—02 гг. [Воспоминания]. LVII 7 — 17.

624. **Раковский, М.** Несколько слов о Сикорском [Белостокская организация анархистов-коммунистов 1903—04 гг. Воспоминания]. XLI 146—147.

625. **Розанов, В.** Побег [Соц.-дем. организация в Ростове-на-Дону в 1904 г.]. XLVIII 118—128.

626. **Розанов, В.** Из студенческих воспоминаний [Московский университет 1890-х гг.]. LI 75—83.

627. **Розанов, В.** В Смоленске [Соц.-дем. и бундовская организации 1899—1902 гг. Воспоминания]. LII 152—162.

628. **Розенталь, П.** Воспоминания о Белостокской конференции Р.С.-Д.Р.П. [1902 г.]. XLV 47—49.

629. **Ройзман, Е.** Воспоминания о Фруме Фрумкиной [Партия соц.-рев. накануне первой революции, Горный Зерентуй]. XXVIII 302—305.

630. **Ройзман, Екатерина.** К 25-летию ареста «Южной революционной группы социал-демократов»

в Одессе [Воспоминания]. XXXII 53—56.

631. **Ройзман, Ек.** Юрий Матлахов [Краткая характеристика.— «Южная революционная группа социал-демократов», якутская бойня 1904 г.]. XXXII 212—214.

632. **Ройзман, Ек.** Памяти Юрия Матлахова [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям]. LII 119—122.

633. **Ройзман, И. М.** К. Лаговский [См. № 647. Его стихотворения]. LII 122—125.

634. **Ромм, М.** И. М. Ромм [Участник группы «Рабочее знамя»] в Москве [после первой революции. Воспоминания]. XLVII 151.

635. **Ростов, Н.** Арест Баумана [в 1902 г.— доклад мин. вн. дел Сипягина Николаю II]. XVI 108—109.

636. **Ростов, Н.,** сообщ. Письмо Костюшки-Валюжанича [К родным о якутской бойне 1904 г.]. XVI 109—113.

637. **Ростов, Н.** Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. [По архивным материалам]. XXIII 50—66.

638. **Самойлович, Е. Я.** Викентий Аницетович Гутовский [Очерк его революционной деятельности в рядах Р.С.-Д.Р.П. с 1890-х гг.]. XXVIII 282—292.

639. **Самойлович, Е. Я.** Мария Савельевна Гутовская [Очерк революционной деятельности в рядах Р.С.-Д.Р.П. с начала 1900-х гг.]. XXVIII 293—296.

640. **Свободнов, А.** М. Горький на заре рабочего движения (по материалам б. нижегородского жандармского управления). XV 153—157.

641. **Свободнов, А.** М. Горький и студенческое движение 1901 года (по делам архива нижегородского губернского жандармского управления). XXXV 68—77.

642. **Семашко, Н.** О детских годах Г. В. Плеханова [На основании рассказов его родных]. VII 33—36.

643. **Семашко, Н.** На смерть Дзержинского [Характеристика Д. как революционера]. XXVII 185—188.

644. **С[танчинс]кий, А.** Памяти Л. Г. Романова (по поводу воспоминаний С. Мицкевича о П. Т. Зайчневском) [См. № 589. Соц.-дем. пропаганда в Москве конца 1890-х гг.]. В 76—77.

645. **Скляревич, Вл.** О киевской «группе заговорщиков» 1885—1892» [Воспоминания]. XLII 63—71.

646. **Смирнов, И. Г.** В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (по архивным документам). LXI 140—144.

647. **Соколянский, Л.** Из воспоминаний о Михаиле Константиновиче Логовском [Покушение на Победоносцева в 1901 г., якутская бойня 1904 г.] LI 151—154.

648. **Соколянский, Л.** Бунтарь-одиночка (Памяти Владимира Петровича Бодневского). [Революционная пропаганда среди военных в начале 1900-х гг., якутская бойня 1904 г.]. LII 115 — 118.

649. **Соколов, В.** Николай Гурьевич Полетаев [Некролог соц.-дем. 1890-х гг.]. LXXII 170—172.

650. **Станчинский, А.** Памяти Иосифа Ильича Шифа [Соц.-дем. движение в Одессе 1890-х гг.]. В 74—75.

651. Памяти И. И. Степанова-Скворцова [Некролог]. XLVIII 138—139.

652. **Сушкин, Г. Г.** под кровавым знаменем (к 25-летию всеобщей забастовки в июле 1903 г. в Одессе) [Воспоминания]. XLIV. 98—107.

653. **Сушкин, Г. Г.** М. Т. Иванов-Редькин [Саратовская соц.-дем. организация 1900—1901 гг. покушение на Думбадзе в 1904 г., партия соц.-рев. в первую революцию]. XLVIII 160—162.

654. **Сушкин, Г. Г.** Памяти М. Л. Бердичевской [Саратовская соц.-дем. организ. 1901—1902 гг., девятое января 1905 г.]. LXIII 184—185.

655. **Ткачуков, И.** Охранка и 2-й с'езд партии. [По архивным материалам]. XLV 28—32.

656. **Федорченко, Л. С.** (Н. Чаров). Г. В. Плеханов (Из воспоминаний 1902—1904 гг.) VII 21—32.

657. **Федорченко, Л.** (Н. Чаров). В. М. Величкина (Бонч-Бруевич). (Из воспоминаний). XIX 227—231.

658. **Федорченко, Л. С.** (Н. Чаров). Н. Надеждин (Зеленский). Из воспоминаний [Соц.-дем. эмиграция 1901—1905 гг., журн. «Свобода»]. XX 239—244.

659. **Федорченко, Л. С.** (Н. Чаров). Вера Засулич (Отрывок из воспоминаний) [1902—1904 гг., соц.-дем. эмиграция в Женеве, «Искра»]. XXIII 197—205.

660. **Федорченко, Л.** (Н. Чаров). Первые шаги социал-демократии в Киеве [Воспоминания]. XXVII 21—33 (См. №№ 611 и 669).

661. **Федорченко, Л.** (Н. Чаров). сообщ. К рождению Г. В. Плеханова [Выписка из метрической книги]. XLII 41—43.

662. **Федорченко, Л. С.** (Н. Чаров). В Швейцарской эмиграции (Из воспоминаний 1902—1904 годов). XIV 225—236.

663. **Фигнер, Вера.** Памяти Е. С. Сазонова (Вступительное слово В. Н. Ф. на заседании Исторической секции «Дома печати» 21-го ноября 1921 года) Б. I 7—11.

664. **Фрейфельд, Л. В.** Памяти старого товарища и друга [А. Ю. Фейта—участника «Группы народовольцев» 1894—1896 гг.]. XXXI 193—197.

665. **Фрумкин, М.** Памяти друга и товарища [участника группы «Рабочее Знамя» И. М. Ромма. Характеристика по личным воспоминаниям]. XLVII 141—142.

666. **Футорян, Б.** Мирон Константинович Владимиров. [Биография и характеристика по личным воспоминаниям]. XVII 232—237.

667. **Хейфец, С. Я.** К биографии Альберта Борисовича Сапотицкого. [Рижская организация «Бунда» 1902—1904 гг., петербургская военная организация Р. С.-Д. Р. П. 1905—1907 гг]. XVI 219—221.

668. **Хлебцевич, Евгений.** «Монах» (Памяти Алексея Ивановича Ерамасова). LXV 181—184.

669. **Эйдельман, Б.** По поводу статьи т. Федорченко «Первые шаги соц.-демократии в Киеве». [См. № 660]. XXXIV 25—27.

670. **Эйдельман, Б.** По поводу воспоминаний П. Полонского [См. № 614]. XLVIII 60—70.

671. **Эйдельман, Б.** Литераторы Киевского социал-демократического подполья до I с'езда [Воспоминания с приложением 9 прокламаций киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и «Киевского Рабочего Комитета» 1897 г.]. LI 36—56.

672. **Эйдельман, Б. Л.** По поводу И. Н. Мошинского «Киевское подполье 90-х годов». [См. № 594; ответ на эту ст. см. № 597]. LIX 53—76.

673. Воспоминания о Льве Ефимовиче Берковиче и Эмилии Александровиче Абрамовиче Веры Эйдельман. XL 136—141.

674. **Якобсон, Л.** Новые данные о Карповиче (К десятой годовщине со дня его смерти). [К. в Германии в 1899—1900 гг. по материалам немецких полицейских архивов]. XXXV 219—227.

VII. В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН.

675. **Ленин, В. И.** Памяти Прошьяна. [Перепечатка его статьи из «Правды» от 20 декабря 1918 г.]. IX 217 — 218.

676. **Виленский (Сибиряков), Вл.** Владимир Ильич Ленин (Ульянов). IX 9 — 19.

Вместо биографии Ленина [Его анкета для X Всероссийского с'езда Р. К. П. (б).]. — Жандармы о Ленине (справка). — Ленин и эпигоны народничества. — Ленин и партия рабочего класса. — Ленин — творец пролетарского государства. — Ленинизм.

677. **Виленский-Сибиряков, Вл.** На рубеже эпох (К первой годовщине смерти Ленина). [О роли Л. в революционном движении]. XIV 9 — 16.

678. **Виленский-Сибиряков, Вл.** Литературное наследство Ленина. XIV 267 — 269.

679. **Гейцман, И.** Оптимист революции (Из записок бывшего анархиста) [Характеристика Л., как революционера, воспоминания о пребывании Л. в Лондоне зимою 1903 — 04 гг.]. X 31 — 38.

680. **Головина, Н. В. И. Ленин** в воспоминаниях рабочего-революци-

опера (Записано со слов Б. С. Жукова) [Л. в Петербурге в 1894 — 1895 гг. и в Пскове в 1900 г.] XIV 17 — 21.

681. **Горев, Б.** Ленин в эпоху второй эмиграции (Из воспоминаний). [1907 — 1911 гг.]. X 25 — 30.

682. **Зильберштейн, И. С.** Некоторые вопросы биографии молодого Ленина [Ленин и Н. Е. Федосеев]. LXII 7 — 23.

683. **Кон, Феликс.** Памяти Ленина [Об отношении Л. к империалистической войне 1914 — 1918 гг.]. LI 7 — 8.

684. **Корбут, М. К.** Студенческое движение в Казани в восьмидесятые годы и Ленин [По архивным материалам]. LVI 7—23.

685. **Мильштейн, А. А.** Проблема вооруженного восстания у Ленина в 1905 году (Постановка вопроса) LXXII 7 — 21.

686. **Невский, В.** Герой Октября [Отрывки воспоминаний о 1917 г.]. XXXVI 17—24.

687. **Петренко, А.** Владимир Ильич Ленин в Женеве после II с'езда партии. XXII 227—231.

688. **Семашко, Н.** Об изучении Ленина. X 9 — 11.

689. **Троцкий, Л.** Ленин [Перевод статьи Т. для Британской Энциклопедии].. XXXIII 151—161.

690. **Федорченко, Л. С. (Н. Чаров).** От Ульянова к Ленину (Из прошлого) [Воспоминания о встречах с Л. в 1902—1906 гг.]. X 12 — 24.

691. **Чужак, Н.** Ленин и «Техника» восстания. Два момента в истории партии (По памяти и документам). LXXIII 69 — 115.

692. **Ярославский, Ем.** Ленин, как вождь пролетарского восстания. XXXVI 9—16.

693. **Ярославский, Ем.** Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса—Ленина. LXXIII 7 — 68.

VIII. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

694. **Агейкин, И.** Памяти Романа Андреевича Ганжи (1885 — 1919) [Краткая биография: петерб. соц.-дем. орг., Александровский централ, эмиграция, политич. Красный Крест, гражданская война]. XLV 234 — 237.

695. **А. И.** О Хаиме Гершковиче [Воспоминания: петерб. орг. соц.-рев.]. XXIII 206 — 210.

696. **Акимов, Я. С.** Как я убил усмирителя Черноморского флота адм. Чухнина [Воспоминания]. XVIII 150—155.

697. **Акканов.** В Петербургском Совете Рабочих депутатов 1905 г. (Из воспоминаний). XIX 19 — 27.

698. **Александров, А.** Лейтенант П. П. Шмидт. (Воспоминания защитника) XVIII 84 — 107 (См. № 2199).

699. **А. П.** Венедикт Иванович Родионов (1880 — 1930). [Краткая биография и характеристика по личным воспоминаниям: военная орг. соц.-рев. Восточной Сибири]. LXXII 181 — 183.

700. **Асланова-Гольцман, Р. М.** Светлой памяти И. Я. Баршковского [Лодзинские орг. Бунда и анарх.-ком. Воспоминания]. XLVIII 158 — 160.

701. **Баум, Я. Д.** Андрей Соболь перед военным судом [Архивные материалы]. XXXV 193 — 203.

702. **Баум, Я. Д.** Несколько фактов из биографии Н. А. Рожкова [Отношения департ. полиции к Р. в 1887 — 1906 гг. по архивным материалам]. XLIII 163 — 169.

703. **Бакалов, Г.,** сообщ. Отклики 9 января 1905 г. во Франции [Донесения русских консулов из различных городов Франции к русскому послу А. Нелидову]. LXII 42—47.

704. **Белоусов, Ив.** Из воспоминаний о 1905 годе [в Москве]. XX 7 — 15.

705. **Берлин, П.** Об одном повешенном [соц.-рев. максим. С. Я. Рыссе — к вопросу об его провокаторстве]. LIX 92 — 100.

706. **Биценко, А. А.** Две встречи с Горьким [по делу боевой орг. соц.-рев.]. XLI 64 — 65.

707. **Б. Н. [Б. И. Николаевский].** Последний номер «Известий Петербургского Совета Рабочих депутатов» 1905 г. XXXI 55 — 59.

708. **Центральный Комитет большевиков** о задачах партии в октябре 1905 г. [Циркулярное письмо Ц. К. ко всем партийным работникам от 27/X 1905 г]. С предисловием Б. Н. [Б. Николаевского] XXXIII 21 — 28.

709. **Богоявленский, В.** Из воспоминаний о Н. А. Рожкове [Чита 1916 г.]. XXXII 189 — 191.

710. **Бонишко, А.** Андрей Соболь [Воспоминания о Горном-Зерентуе и эмиграции]. XXVI 236 — 238.

711. **Бороздин, И.** Н. Нариманов (1870 — 1925) [Биография и характеристика.—Социал-дем. движение на Кавказе]. XVI 193 — 199.

712. **Б—ский, А.** [А. Боровский]. Покушение на генерала Алиханова (В мае 1906 г.) [Соц.-рев. на Кавказе]. XX 133 — 134.

713. **Вагнер-Дзвонкевич, Ек.** Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича [Воспоминания]. XIII 135 — 139.

714. **Васильев, П.** Митя Кириллов [Характеристика соц.-рев. (покушение на Филонова) по личным воспоминаниям]. XLIX 163 — 168.

715. **Васильев, П.** В. П. Успенский. [Характеристика соц.-дем. по личным воспоминаниям.—Октябрьские дни 1905 г. в Харькове, московское восстание, соц.-дем. орг. в Ростове-на-Д. 1906 г.]. LV 168—177.

716. **Ветошкин, М.** Странички революционного прошлого (Воспоминания о подпольной партийной работе в Сибири). LXIII 7 — 21, LXIV 63 — 79.

I. Царские «университеты» [Иркутская тюрьма] (LXIII). II. Александровский централ (LXIII).—III. Побег «романовцев» (LXIII)—IV. На нелегальном положении [Иркутск и Чита] (LXIV). — V. Красноярское подполье [Начало 1905 г.], (LXIV).— VI. Нелегальный Томск (LXIV).

717. **Виленский-Сибиряков, Вл.** Двадцатилетие первой русской революции. XIX 9 — 18.

718. **Виноградов, Ф.** Дело о митинге в Томске по поводу 9 января 1905 г. [По архивным материалам]. LXII 32 — 41.

I. Отклики на 9 января 1905 г. в Томске.

719. **Витязев, П.** По поводу заметки о деле Исаковича-Крамарова (Из личных воспоминаний) [См. № 723] Б. II 31 — 32.

720. **Витязев, П.** Памяти [соц.-рев.] Н. Д. Шишмарева. Из воспоминаний [Южно-Русская Обл. орг. соц.-рев.]. VI 249 — 259.

721. **Водолазский, А.** Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 году (Из воспоминаний участника). XXXVI 72 — 82, XXXVII 32 — 51.

722. **Воронин, А., Губельман, М., Чужак, Н.** Армеец пролетарской революции [Соц. дем. Е. К. Ковальчук. — Краткая биография. — Соц.-дем. движение на Д. Востоке]. LXXII 173 — 176.

723. **В. П. [В. Плесков].** Из практики военно-полевой юстиции (Дело т. Крамарова-Исаковича) [Изданное в Октябре 1905 г. одесским Ком. Р. С.-Д. Р. П. письмо К. — И.]. Б I 26 — 27 (См. № 719).

724. **Галкин, М.** Памяти [соц.-дем.] тов. В. А. Васильева (Монтер Александровских ж.-д. мастерских). VII 267 — 268.

725. **Гвоздикова-Фрумкина, Е.** К. Л. Гвоздиков [Краткая биография соц.-дем.]. XXXIX 143 — 145.

726. **Гедеоновский, А.** Памяти Николая Васильевича Коршуна [Соц.-рев., казненный за покушение на Ренненкампфа. — Биография по архивным материалам]. XX 258 — 264.

727. **Гельзин, С. Л. (Бабаджан).** Южное Военно-Техническое Бюро при ЦК Р. С.-Д. Р. П. [Воспоминания]. LXI 28 — 42.

728. **Генкин, И.** Революционер-подвижник Б. П. Жадановский [характеристика по личным воспоминаниям о совместном пребывании на каторге; восстание сапер в Киеве в 1905 г.). XVI 200 — 211.

729. **Г. К. [Г. Крамаров].** Памяти [с.-д.] Семена Неизвестного [Декабрьское восстание 1905 г. в Ростове-на-Д. и Нерчинская каторга]. В 72 — 73.

730. **Гольдин А.** Воспоминания о Б. П. Жадановском [в Киевской Лукьяновской тюрьме 1905—06 гг.]. XIX 237 — 238.

731. **Гольдин, А. Б.** Революционные «биржи» в Гомеле в 1905 году [Воспоминания]. XX 126 — 130.

732. **Горев, Б.** За кулисами первой революции. Отрывки из воспоминаний о деятельности петербургских большевиков во второй половине 1905 г. Б I 12 — 18. (См. № 2200).

733. **Горинсон, Б.** На слежке за Дурново [в 1906 г. Воспоминания]. XX 134 — 140.

734. **Грунди, Маргарита.** Борис Вноровский (1882—1906 гг.) [Боевые организации партии соц.-рев. Биография и характеристика]. XXIII 228 — 239.

735. **Группа товарищей.** С. С. Айнзафт [Некролог]. LXII 187 — 188.

736. **Гурза, Г.** Памяти Абрама Индыка [с.-р. Максим.]. XVIII 307—308.

737. **Гурза, Гавриил.** Памяти [с.-р.]. Ефима Кирилловича Голобородько XIX 246—249.

738. **Гурза, Г.** Памяти крестьянина Белана [с.-р.] XX 271 — 272.

739. **Данилов, Я.** Памяти бойца (Иван Самойлович Каломцев) [с.-д. больш.; 1905 г. на Урале]. XVII 243 — 247.

740. **Денисенко, Степан.** Потемкинское восстание (Воспоминания матроса-«потемкинца»). XVIII 28—42.

741. **Дикштейн, С.** Иван Иванович Лепсе (1889 — 1929) [Некролог с.-д. больш.]. LX 156 — 158.

742. **Дрезен, А.** Революционное движение во Владивостоке и на возвращающихся с Дальнего Востока судах (1905—1906 гг.) [По архивным материалам]. LXII 67 — 92.

743. **Дунаев, Валентин.** О забывчивости и забвении (Несколько слов по поводу ст. т. Крамарова о 9 января 1905 г.) [См. № 785]. XX 123 — 126.

744. **Дюльдин, Х. М.** Подготовка к восстанию в Севастополе в связи с разгоном 2-й Государственной думы [Воспоминания]. XVIII 143 — 147.

745. **Егоров, Ал. Я. М.** Свердлов на Урале в 1905 г. [Воспоминания]. XLII 139 — 147.

746. **Ершов, К. Г.** Декабрьское вооруженное восстание в Донбассе [Исследование]. LXIX 7 — 25, LXXI 42 — 66.

I. Декабрьская стачка в Донбассе и восстание (общая ситуация) (LXIX). — II. Вооруженная борьба (LXXI).

747. **Е. Т.** Памяти [с.-р.] Б. Д. Маркова [по личн. воспом.]. IV 192 — 196.

748. **Е. Т.** Памяти [с.-р.] С. И. Файнберга. IV 197 — 200.

749. **Жительский.** Воспоминания о Севастопольском восстании 1905 года. XVIII 51—83.

I. Рост революционности среди матросов. — II. Восстание.—III. Усмирение. — IV. Заточение по тюрьмам.

750. **Жуковский-Жук, И.** Памяти Николая Федоровича Степанова [Некролог с.-д., потом анарх.-ком.]. VII 254 — 259.

751. **Жуковский-Жук, И.** Владимир Мазурин. [Биография и характеристика] IX 238 — 267.

Приложения: Памяти Владимира Мазурина [Листовка, выпущенная оппозиционной фракцией социалистов-революционеров, по поводу его казни. — Письмо Николая Мазурина в редакцию газеты «Новый Путь» по поводу казни Володи. — Письмо уголовных Таганской тюрьмы по поводу казни В. Мазурина. — Письма Владимира Мазурина к матери из тюрьмы [Июнь 1904 г. — Сентябрь — 1905 г.].

752. **Жуковский-Жук.** Мартын Мартынович Виксне [Некролог с.-р. Максим.]. X 262—264.

753. **Жуковский-Жук,** сообщ. Письмо С. Г. Хрусталева — Носаря из тюрьмы [начала 1906 г.; перепечатка из газ. «Харьковская жизнь»]. XIII 147 — 149.

754. **Жуковский-Жук, И.** Из неволи в могилу. (Памяти Ф. И. Корешкова и С. Лисиша) [С.-р., характеристики по воспоминаниям о сов-

местном с ними пребывании в Кутомарской тюрьме]. XIII 219 — 230.

755. **Жуковский-Жук,** сообщ. Памяти [члена боевой орг. партии с.-р.] Мечислава Тубилевича. [Предсмертное письмо его, выпущенное в виде отдельной прокламации тифлисским комитетом п. с.-р.]. XII 246.

756. **Жуковский-Жук.** Одна из немногих (Памяти Зинаиды Львовны Синебрюховой) [Московский политический Красный Крест]. 225—228.

757. **Жуковский-Жук,** сообщ. Предсмертные письма [с.-р. матроса, уч. покушения на полк. Думбадзе]. Николая Литвиченко к родным. XVIII 148 — 149.

758. **Жуковский-Жук,** сообщ. Письма Константина Иванова [с.-р.] к матери и родным из тюрьмы [Кронштадтское восстание]. XX 265 — 270.

759. **Жуковский-Жук, И.** Первое дело Проша Прошьяна [Попытка взорвать стену одесской тюрьмы в июне 1905 г. с целью устройства массового побега политических заключенных; архивные материалы]. XLIII 170 — 175 (См. № 2212).

760. **Жуковский — Жук, И.** В защиту Мортимера (К двадцатилетию казни Соломона Яковлевича Рысса). 28 — 60.

761. **Жуковский — Жук, И.** Исповедь [с.-р.] Н. Д. Шишмарева (К двадцатилетию со дня смерти). LIX 168 — 176.

762. **Зелинский, Г.** Казнь лейтенанта Шмидта по летописи очаковского Собора XXXIII 87 — 90.

763. **Зильберблат, Ида.** Воспоминания о С. Н. Бейлине («Саше Шлюмпере») [Соц.-рев., потом анар.-ком.]. LXII 182 — 186.

764. **Зильберштейн, Я. В.** В. Лебединцев [Биографический очерк члена боевой орг. п. с.-р.]. XXXIX 146 — 165.

765. **Иванова, С.** С. Г. Хренкова. VIII 238 — 239.

766. **Ивановская, П.** Покушение на Чухнина [Рассказ М. А. Ромася о расстреле Е. А. Измайлович]. XVI 113 — 114.

767. **Измайлович, А.** Из прошлого [Покушение на минского губернатора Курлова. Полицейский участок и тюрьма в Минске. Следствие и суд. Казнь Ив. Пулихова. Отправка на каторгу. «Бутырская гостиница». Сибирский этап. Мальцевская женская каторжная тюрьма. — Воспоминания о побеге Е. А. Измайлович в январе 1906 г. из Минской тюрьмы и ее покушение на адмир. Чухнина]. VII 142 — 191, VIII 143 — 174 (См. № 2195).

768. **Исакович, М.** Еще о Н. Д. Шишмареве [К № 720; воспоминания]. VI 259 — 262.

769. **Каллистов, С.** За товарищей (Памяти Н. Шишмарева) [См. №№ 720 и 768]. VI 262 — 263.

770. **Канский, А.** Памяти [с.-р.] тов. Красносельского [Военная организ. п. с.-р. 1905 г.]. IX 270 — 271.

771. **Кантор, Р. М.,** сообщ. Харьков в октябре 1905 г. (Письмо участника событий). XIX 109 — 126.

772. **Капралов, Н.** Федя Насимович [с.-д.; воспоминания об его пребывании в нижегородском городском училище]. XXXIX 141 — 142.

773. **Кеннан, Джордж.** Как велось просвещение русских солдат в Японии. С послесловием Н. К. Судзиловского («Русселя»). XXXI 158 — 176.

774. **Клапина, З.** Памяти А. Трауберга [Боевая орг. п. с.-р.; личные воспоминания]. Б II 58 — 62.

775. **Кларк П.** В дни Ренненкампфа [Воспоминания]. XVI 51 — 73, XVII 50 — 62.

I. Военно-полевой суд (XVI). — III. В Читинской тюрьме в 1906 году (XVII).

776. **Комаров, Н.** Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии соц.-революционеров 1905 — 1909 гг. XXV 56—81. (См. № 2237).

Предисловие. — Очерк первый. Украинская боевая группа п. с.-р. (1905 — 1908 гг.).

777. **Константинов, М. М.** Двадцать лет назад (Ликвидация последнего Иркутского Комитета периода движения 1905 года) [Воспоминания]. XLV 110 — 128.

I. На отливе. — II Снова в массы. — III. Арест и тюрьма. — IV. Следствие и суд.

778. **Корнильев, Я. П.** М. Ф. Фрунзе в манзурской ссылке. [Воспоминания]. XXXVI 179 — 187.

779. Автобиография [с.-д.] Елизаветы Григорьевны Котляр-Войцинской. XXII 249 — 250.

780. Памяти Гр. Н. Котова [Некролог с.-д. больш., составленный по поручению Енисейского землячества Общ. политкаторжан тов. Ииасом]. LV 181 — 184.

781. **К. П.** Жертвы Октября. Евгений Евграфович Садин [с.-д. больш.] Михаил Яковлевич Довбня (1884 — 1919) [с. д. больш.]. XXXVI 196 — 200.

782. **Крамаров, Г. (М. Исакович).** Памяти матроса Акима Воробьева [с.-р., уч. восстаний в Севастополе в 1905 и 1907 гг.] I 76 — 79 (Перепечатку см. № 783).

783. **Крамаров, Г. М. (М. Исакович).** Памяти матроса Акима Воробьева [Перепечатка № 782]. III 173 — 176.

784. **Крамаров, Г.** Памяти А. В. Попова [с.-д. больш. С приложением его записки «Личность и общество»]. VI 264 — 278.

785. **Крамаров, Г.** 9 января [Воспоминания]. XIV 87—95 (См. № 743).

I. Общая характеристика политического положения.—II. Подготовка к 9 января.—III. Шествие к Зимнему дворцу.

786. **Крамаров, Г.** Северный союз учащихся средних школ перед 9 января [Воспоминания]. LXII 24—31.

787. **Красный, Юз.** Тов. Дзержинский в тюрьме [Воспоминания о совместном сиденьи в варшавских Ратуше и Павияке]. XXVII 192—198.

788. Письма П. А. Кропоткина к В. Н. Черкезову. [1900—1916 гг.]. С предисловием и примечаниями Б. Н-ского [Б. Николаевского]. XXV 7—28.

789. **Кубиков, И.** Девятое января (Страничка воспоминаний). Б. II 13—18.

790. **Кудрявцев, Евг.** Октябрь 1905 г., в Камышлове [Воспоминания]. LXXIII 160—169.

791. **Кузьмин, Дм. А.** Л. Никифоров и дело Грешнера (По личным воспоминаниям). XLI 38—54.

792. **Лебедев, М.** Революционное движение среди черноморских моряков в 1905 году. XVIII 9—23.

1. Севастополь в I половине 1905 года.—2. Совет Народных депутатов.—3. Бунт во флотских казармах Черноморской дивизии.—4. Восстание броненосца «Князь Потемкин-Таврический».— 5. Дело учебного судна «Прут».

793. **Лебедев, М.,** сообщ. Несколько документов о Севастопольском восстании 1905 г. XVIII 132—142.

I. Об'явление [Севастопольской городской думы].—II. Воззвание вр. и. о. Севастопольского градоначальника.—III. Приказ главного командира Черноморского флота в портов Черного моря — IV. Инструкция для охраны в городе Севастополе порядка и спокойствия непосредственно войскам.— V. Обвинительное заключение по делу М. Ставраки.

794. **Лебедев, М. И.** Дело форта литера «А—5» [Боевая орг. п. с.-р. в Севастополе в 1907 г.]. XVIII 156—160.

795. **Лебедев, М. И.** Кара-Коба [Организации партии с.-р. в Крыму в 1905—1907 гг., группа «Свобода внутри нас»]. LVI 77—84.

796. **Лебуржуа.** П. А. и С. Г. Кропоткины в деле помощи русским ссыльным. XXII 141—143.

797. **Лившиц, С. Е.** Военное восстание во Владивостоке 16—17 октября 1907 г. [Исследовательский очерк]. XX 102—122.

1. Подготовка восстания.—2. Перед восстанием.—3. Восстание минеров. Выступление рабочих (16 октября).—4. Восстание на миноносцах (17 октября).—5. Расправа. Приложение: схема боя 17 октября (чертеж).

798. **Личков, Л.** Лев Захарович Лемперт [с.-д. больш.; биографический очерк]. XXXVII 212—216.

799. **Логачева-Пилецкая, М.** Киевская [соц.-дем.] подпольная типо-

Цена 1 р. 50 к.

КОНТОРА:

Москва, 34, Лопухинский пер., 5. Тел. 3-64-73.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Центр, Книжный склад „МАЯК" Издательства Общества политических каторжан. Петровка, 7. Тел. 4-18-12, 3-63-20.